АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ У НАЦИОНАЛЬНЫХ ГРУПП СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1980

В книге освещаются современное положение национальных и этнографических групп Средней Азии и Казахстана — уйгуров, корейцев, курдов, цыган, памирских таджиков, каракалпаков, кипчаков, среднеазиатских арабов, проблемы, связанные с межэтнической культурной и языковой интеграцией, а также консолидацией наций этого региона. В основу книги положены новые полевые материалы, собранные в экспедициях, статистические и литературные источники. Сборник иллюстрирован.

Ответственные редакторы:

Р. Ш. ДЖАРЫЛГАСИНОВА, Л. С. ТОЛСТОВА

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
У НАЦИОНАЛЬНЫХ ГРУПП
СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

Утверждено к печати
Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР

Редактор издательства *Л. И. Тормозова*. Художник *Е. Л. Ссорина*
Художественный редактор *И. В. Разина*. Технический редактор *З. Б. Павлюк*
Корректор Л. И. Левашова

ИБ № 5231

Сдано в набор 29.08.79. Подписано к печати 29.12.79. Т-22222. Формат 60×90¹/₁₆
Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая
Усл. печ. л. 14,5. Уч.-изд. л. 16,4 Тираж 1550 экз. Тип. зак. 2297. Цена 2 р. 50 к.

Издательство «Наука» 117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука» 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

Э $\frac{10603-414}{042(02)-79}$ Б3—95—31—1978—79 0508000000

© Издательство «Наука», 1980 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В жизни нашей страны в период зрелого социализма продолжают играть существенную роль национальные факторы. «...Национальные отношения и в обществе зрелого социализма — это реальность, которая постоянно развивается, выдвигает новые проблемы и задачи» [1],— говорил Л. И. Брежнев в докладе «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик». Поэтому, естественно, что изучение национальных и собственно этнических процессов, протекающих в настоящее время в среде многочисленных народов Советского Союза, является одним из важнейших направлений современной советской этнографии.

Как известно, ведущим типом этнических процессов в Советском Союзе на современном этапе являются процессы этнического объединения, которые, отражая исторически закономерную и в целом прогрессивную тенденцию к укрупнению народов, могут быть подразделены на такие разновидности, как этническая консолидация, этническая ассимиляция и межэтническая интеграция [2]. Советскими этнографами активно ведется разработка этих проблем как в теоретическом плане, так и применительно к народам отдельных регионов нашей страны.

У различных народов СССР вследствие различий в уровне их прежнего социально-экономического развития, исторических традиций, характера хозяйства, специфики культуры этнические процессы имеют свои значительные особенности и протекают с разной степенью интенсивности. Так, процессы, связанные с формированием социалистических наций у народов, не прошедших стадии развитого капитализма (Средней Азии, Казахстана, Восточной Сибири, Северного Кавказа, отчасти Поволжья), существенно отличаются от процессов, происходящих в настоящее время в нациях, сложившихся еще до Великой Октябрьской социалистической революции [3].

Сборник посвящен рассмотрению этнических процессов, происходящих среди национальных и некоторых этнографических групп [4] Средней Азии и Казахстана и связанных с межэтнической культурной и языковой интеграцией, а также с консолидацией социалистических наций этого региона.

Этнический состав населения Средней Азии необычайно сложен. Наряду с основными социалистическими нациями (таджикской, узбекской, туркменской, киргизской, казахской и каракалпакской) здесь проживают национальные и этнографические группы — уйгуры, дунгане, корейцы, курды, белуджи, среднеазиатские евреи, среднеазиатские арабы, среднеазиатские цыгане, ирони, сарт-калмаки (в составе киргизов), кипчаки (в составе узбеков) и др.

Большая сложность этнического состава Средней Азии является следствием как самого́ длительного процесса этногенеза ее народов, так и их дальнейшего этнического развития в условиях феодальных деспотий (Бухара, Хива, Коканд). В дореволюционный период (после присоединения к России) лишь у узбеков, таджиков и казахов в связи с развитием капитализма началось формирование буржуазных наций, однако процесс этот был далек от завершения. Эти наиболее крупные народности Средней Азии не были этнически монолитными, они включали в себя многие земляческие, локальные или пережиточные родо-племенные группы, что свидетельствовало о незавершенности их национальной консолидации.

Наряду с крупными народностями здесь существовало также множество державшихся обособленно национальных и этнографических групп. Некоторые из них представляли собой мелкие народности, издавна, уже много веков назад, поселившиеся в Средней Азии и оторвавшиеся от своего этнического корня (однако сохранявшие еще ряд особенностей культуры, физический тип, а иногда и язык народа, от которого они когда-то отделились). Это среднеазиатские арабы, среднеазиатские цыгане, среднеазиатские евреи. Другие национальные группы, являющиеся частями народов, живущих в основной своей массе в странах зарубежной Азии, в Средней Азии были относительно недавними переселенцами — XIX — начала XX в. (реже — второй половины XVIII в.). К ним относятся уйгуры, дунгане, курды, белуджи, джемшиды и др. Эти национальные группы очень разнообразны по этническому облику, занятиям, культуре, языковой принадлежности. Будучи относительно поздними переселенцами, они, естественно, сохранили значительно больше специфических этнических признаков по сравнению с народностями первой группы, подвергаясь, однако, уже в дореволюционный период вполне ощутимому влиянию со стороны своих более многочисленных соседей — узбеков, туркмен и др.

В Восточной Бухаре, на Памире, в высокогорных областях и долинах замкнуто жили малые припамирские народности — шугнанцы, рушанцы, ваханцы, ишкашимцы и другие аборигены этого труднодоступного края, говорившие на древних восточноиранских языках (родственных языку саков), не понятных таджикам. Их обособленность от таджикского населения усугублялась принадлежностью к религиозной секте исмаилитов. Конфессиональная принадлежность той или иной этнической группы вообще играла существенную роль в обособлении или, напротив, сближении этой группы с территориально соседствующим населением (например, мусульмане-шииты ирони, сохранявшие известную обособленность среди суннитского таджикского и узбекского населения; курды-шииты — среди туркменского населения и др.).

Процессы этнического сближения, ассимиляционные процессы, так же как и процессы межэтнической культурной и языковой

интеграции, имели место в Средней Азии и в дореволюционный период. Напомним восприятие таджикского (или узбекского) языка такими небольшими и издавна поселившимися в Средней Азии народностями, как среднеазиатские евреи, среднеазиатские цыгане, среднеазиатские арабы (лишь среди небольшой части арабов родным оставался арабский язык); эти же группы испытывали несомненное и сильное влияние таджикской или узбекской культуры, восприняли многие ее элементы, которые своеобразно сочетались с яркими характерными этническими особенностями данных национальных групп.

В дореволюционный период начался процесс курдо-туркменского сближения на территории Южной Туркмении, восприятие киргизского языка и культуры переселившимися в середине XIX в. из Монголии в Киргизию монголоязычными сарт-калмаками. Происходили аккультурация и частичная этническая ассимиляция отдельных дисперсно расселенных групп, отколовшихся от основных народов Средней Азии в результате бурных исторических событий предшествующих веков, а иногда даже в процессе самого́ этногенеза. Под значительным влиянием узбекской культуры и узбекского языка находились каракалпаки Ферганской долины, воспринявшие в основном от узбекского населения тип жилища и одежды, перенявшие кое-что из узбекских семейных обычаев, однако четко сохранявшие в то время национальное самосознание и многие особенности хозяйства и культуры. Живущие в степях к северу от Зеравшана каракалпаки находились под сильным влиянием казахской культуры и языка, но и у них четко сохранялись национальное самосознание и многие черты этнической специфики в культуре.

Однако имевшие место в Средней Азии в дореволюционный период процессы этнического сближения, естественной ассимиляции отдельных этнических групп тормозились в то время такими факторами, как экономическая отсталость, политический и национальный гнет царизма, разжигаемая правящими классами межнациональная вражда, преобладающие в большинстве районов Средней Азии феодальные и патриархально-феодальные отношения, религиозная рознь между представителями разных вероисповеданий, толков и сект, насаждаемая духовенством. В таких условиях небольшие народности, национальные и этнографические группы сохраняли этническую замкнутость, обособленность, что, безусловно, задерживало процесс их сближения с окружающими крупными народами.

Иную картину национального развития народов Средней Азии мы наблюдаем после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Крупные социально-экономические преобразования, приход на смену феодальным и патриархально-феодальным отношениям отношений социалистических, устранение с первых лет Советской власти всех видов национального гнета и национальной розни, национальное равноправие, являю-

щееся основой национальной политики Коммунистической партии Советского Союза, дружба народов, культурная революция — все это привело к ликвидации замкнутости национальных и этнографических групп, естественным последствием чего явилось постепенное сближение, а иногда и слияние этих групп с крупными социалистическими нациями в процессе консолидации этих наций. Одной из необходимых предпосылок успеха национальной консолидации узбекского, туркменского, таджикского, киргизского, казахского и каракалпакского народов явилось национально-государственное размежевание Средней Азии в 1924 г. В ходе социалистического строительства — индустриализации и коллективизации — укреплялась монолитность наций, изживалось архаическое родо-племенное деление, формировалось национальное самосознание. В состав среднеазиатских социалистических наций стали постепенно вливаться вкрапленные в их массивы иноязычные народности, национальные и этнографические группы. Выражается этот процесс во все усиливающемся влиянии языка и культуры крупных социалистических наций на национальные и этнографические группы, в постепенной потере ими многих признаков собственной культуры и, наконец, в ряде случаев в полном слиянии с народом, среди которого они поселились. Процесс этот происходит естественно и добровольно.

Следует заметить, что процессы этнического сближения национальных и этнографических групп с крупными социалистическими нациями при единстве общего направления необыкновенно разнообразны в своих конкретных проявлениях, что зависит от ряда факторов — численности данной локальной группы, компактности или дисперсности ее расселения, степени исходной языковой и культурной близости контактирующих этносов и этнических групп, конфессиональной принадлежности населения в прошлом и других факторов, ускоряющих или тормозящих эти процессы.

В настоящее время мы наблюдаем разные стадии процесса этнического сближения национальных и этнографических групп с нациями, с которыми они ассоциированы [5]. Мы видим и сохраняющие в быту свои языки (отличные от таджикского) припамирские народности (шугнанцы, рушанцы, ишкашимцы, ваханцы и др.), сближающиеся, однако, постепенно с основной массой таджиков; и белуджей и курдов, еще в значительной степени сохранивших свой язык и черты национальной культуры, хотя и ассоциированных с туркменской нацией; и такие, давно уже оторвавшиеся от своего народа этнографические группы, как среднеазиатские арабы, среднеазиатские цыгане, кое-что все же сохранившие от этнической специфики и в достаточной мере еще сохраняющие этническое самосознание; и такие, уже, по существу, размытые этнографические группы, как кипчаки в составе узбеков и др.

В процессе этнического сближения мелких национальных и этнографических групп с крупными социалистическими нациями

немалую роль играют литературные языки тех социалистических наций, с которыми сближаются, а иногда и постепенно сливаются те или иные национальные группы,— языки прессы, радио, кино, языки, на которых ведется преподавание в школе. Эти языки, по сути дела, являются средством межэтнического общения для ряда национальных и этнографических групп, сопряженных с той или иной нацией и находящихся на пути слияния с ней (узбекский язык — для части среднеазиатских арабов и среднеазиатских цыган, части ирони, некоторых локальных групп каракалпаков и т. д.; таджикский язык — для памирских народностей, части среднеазиатских арабов и цыган, ирони, для среднеазиатских евреев; туркменский язык — для курдов, белуджей, джемшидов и других национальных групп Туркмении; киргизский язык — для сарт-калмаков и т. п.).

Общеизвестно, что в зонах этнических контактов и активных этнических процессов значительно количество смешанных браков между представителями различных национальностей и этнографических групп. Подобные брачные связи сами до известной степени являются выражением активно протекающих этнических процессов [6], в то же время в определенной мере они ускоряют эти процессы (обмен национальными культурными ценностями в смешанных семьях, языковые контакты внутри подобной мельчайшей единицы этноса в его непрерывном развитии, определение национальности подростками — детьми от смешанных браков — в большинстве случаев по той национальности, которая преобладает в окружающей среде) [7].

Процессы этнического сближения между народами, сопряженность с крупными социалистическими нациями ряда национальных и этнографических групп находят выражение и в сфере материальной и духовной культуры, и в семейной обрядности. При этом при ведущем процессе межэтнической культурной интеграции, неразрывно связанной с хозяйственным и культурным расцветом каждой из республик Средней Азии,— интеграции, проходящей на фоне давней значительной общности элементов культуры народов среднеазиатского региона (этногенетические связи, смешение), мы в настоящее время наблюдаем очень сложную картину сочетания в культуре общего и особенного, специфического для данной национальной или этнографической группы. Общее и специфическое при все растущей роли общего в культуре — таково основное определение современного этнического состояния малых народностей и этнографических групп рассматриваемого региона.

Процессы этнического сближения малых народностей и этнографических групп с крупными социалистическими нациями, находящие свое выражение и в сфере культуры и быта, и в языке, в ряде случаев находят отражение и в изменении национального самосознания, которое в ходе этнического развития подчас становится двух- или многоступенчатым, а впоследствии коренным образом изменяется, и с его изменением исчезает, ассимилируется

или сливается с другими в процессе консолидации наций та или иная национальная (или этнографические) группа (так было с тюрками, кипчаками, вошедшими в состав узбеков; на этом пути находятся среднеазиатские цыгане, ирони, локальные группы каракалпаков и некоторые другие группы населения).

В тех случаях, когда национальные группы, контактирующие с социалистическими нациями Средней Азии, достаточно многолюдны по составу и расселены компактно (как корейцы, уйгуры, дунгане), они в основном сохраняют национальную специфику в области культуры, для чего им созданы в нашей стране все условия, сохраняют язык, национальное самосознание, и преобладающими здесь являются процессы культурной и языковой интеграции, двуязычие (а в ряде случаев и параллельное употребление трех языков).

В этнических процессах, протекающих в среднеазиатских республиках, как и в других историко-этнографических областях нашей страны, существенную интегрирующую роль играют общесоветская и русская культура и русский язык, как язык межнационального общения. Здесь широкое распространение получили двуязычие и многоязычие. Такое распространение русского языка, как и языков основных народов исследуемого региона, обусловило приобщение рассматриваемых групп населения к достижениям отечественной и мировой культуры. Вместе с тем оно способствует усилению межэтнических взаимодействий в культурно-бытовой сфере, росту числа национально-смешанных браков и в целом изживанию этнической обособленности национальных и этнографических групп Средней Азии и Казахстана.

В настоящем сборнике рассматриваются этнические процессы у проживающих в Средней Азии корейцев, уйгуров, курдов, цыган, среднеазиатских арабов, памирских таджиков, локальных групп каракалпаков, таких этнических групп, как ирони (в составе таджиков и узбеков), кипчаки (в составе узбеков), сарт-калмаки (в составе киргизов) и др. В основу статей положен значительный полевой материал, собранный авторами, использованы данные статистических обследований. Каждая статья сборника, посвященная этническому развитию той или иной национальной или этнографической группы Средней Азии, представляет определенный интерес.

Сборник открывается статьей Я. Р. Винникова «Национальные и этнографические группы Средней Азии по данным этнической статистики», в которой на основе детального изучения статистического материала (прежде всего материалов всесоюзных переписей населения) с привлечением полевых материалов автора и работ других исследователей анализируется этническая ситуация в Средней Азии, прослеживаются тенденции роста общей численности населения, его размещения, рассматриваются современные этнические процессы у национальных и этнографических групп этого региона.

Другие статьи сборника посвящены характеристике этнических процессов у отдельных национальных и этнографических групп Средней Азии и Казахстана. Так, статьи Г. М. Исхакова, А. М. Решетова и А. Н. Седловской, а также Г. С. Садвакасова на этнографических и языковых материалах освещают вопросы этнического развития среднеазиатских уйгуров. В статье Р. Ш. Джарылгасиновой рассматриваются пути развития корейцев, относительно недавно поселившихся в среднеазиатско-казахстанском регионе, при этом выделяются три основные тенденции современного этнического развития корейцев Средней Азии — развитие национальных традиций, восприятие русского языка, русской (и общесоветской) культуры и усвоение отдельных элементов среднеазиатского быта.

Отражению этнических процессов в традиционно-бытовой культуре курдов Азербайджана и Туркмении посвящена статья Т. Ф. Аристовой, этническому развитию среднеазиатских арабов — статья И. А. Амирьянц, среднеазиатских цыган — статья Х. Х. Назарова; статья Н. Л. Жуковской посвящена небольшой этнографической группе в составе киргизов — иссык-кульским калмакам; в статье К. Ш. Шаниязова рассматривается процесс растворения этнографической группы кипчаков в узбекской этнической среде, начавшийся задолго до Октябрьской революции (происходящие здесь процессы интеграции). Этническое и языковое развитие локальных групп каракалпаков (бухарской, ферганской, самаркандской) прослеживается в статье Д. С. Насырова и Л. С. Толстовой на основе собранного этими авторами этнографического и лингвистического материала.

Статьи сборника разнообразны по содержанию. Хотя все они освещают этнические процессы у обследованных групп в целом, но в ряде случаев наибольшее внимание уделено определенным аспектам этнических процессов: так, в статье Л. Ф. Моногаровой освещаются преимущественно процессы развития и изменения национального самосознания припамирских народностей; в некоторых упомянутых выше статьях детально освещается языковый аспект этнических процессов; Ф. Д. Люшкевич в своей статье об этническом развитии группы ирони останавливается преимущественно на семейной обрядности в этническом аспекте; в статьях Т. Ф. Аристовой, Ф. Д. Люшкевич и Л. Ф. Моногаровой отмечается также роль в этнических процессах, особенно в прошлом, конфессионального фактора (который существенным образом мог ускорять или, напротив, замедлять процессы этнического сближения); в статье Р. Ш. Джарылгасиновой немалое место уделено антропонимии корейцев (в свете этнических процессов) — аспект, необычайно интересный и малоизученный, заслуживающий рассмотрения и на материале других народов. Такое разностороннее освещение подчеркивает сложность этнических процессов в одном из крупнейших многонациональных регионов нашей страны.

[1] *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом: Речи и статьи. М.: Политиздат, 1974, т. 4, с. 63.

[2] *Козлов В. И.* Динамика численности народов. М.: Наука, 1969, с. 260 и след.; *Бромлей Ю. В., Козлов В. И.* Ленинизм и основные тенденции этнических процессов в СССР.— СЭ, 1970, № 1; Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука, 1977, с. 5—7, 18—19; *Гурвич И. С.* Этнокультурное сближение народов СССР.— СЭ, 1977, № 5, с. 23 и след.

[3] Современные этнические процессы в СССР, с. 500 и след.

[4] См.: Современные этнические процессы в СССР, с. 16—17. Некоторые исследователи называют те обособленные части этносов (как внутри, так и вне их), которые отличаются локальной спецификой разговорного языка, культуры и быта и обладают самосознанием, этническими группами. См.: *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М.: Наука, 1973, с. 157—158; Современные этнические процессы в СССР, с. 17, сн. 10.

[5] Термин, употребляемый в статьях С. А. Арутюнова и Н. Н. Чебоксарова. См.: *Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н.* Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества.— В кн.: Расы и народы. М.: Наука, 1972, вып. 2, с. 26—27.

[6] *Бромлей Ю. В.* Этнос и эндогамия.— СЭ, 1969, № 6.

[7] Современные этнические процессы в СССР, с. 460 и след.

Л. С. Толстова

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Археологические открытия
ВИ — Вопросы истории
ГРВЛ — Главная редакция восточной литературы
ИВГО — Известия Всесоюзного географического общества
ИТОРГО — Известия Туркестанского отдела Русского географического общества
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР
КЭС — Кавказский этнографический сборник
МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МКАЭН — Международный конгресс антропологических и этнографических наук
МХЭ — Материалы Хорезмской экспедиции
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РГО — Русское географическое общество
СЭ — Советская этнография
СЭС — Среднеазиатский этнографический сборник (Москва)
ТГУ — Ташкентский государственный университет им. В. И. Ленина
ТИЭ — Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР
ТСАГУ — Труды Среднеазиатского государственного университета
ТХАЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
ТХЭ — Труды Хорезмской экспедиции (Ташкент)
ЦСУ СССР — Центральное статистическое управление СССР

НАЦИОНАЛЬНЫЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ГРУППЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ ПО ДАННЫМ ЭТНИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКИ

Я. Р. Винников

Более чем полувековая история многонационального Союза Советских Социалистических Республик — это история развития и подлинного расцвета — экономического, политического и культурного — всех наций и народностей, объединившихся в рамках первого в мире социалистического государства на основе нерушимого единства и дружбы.

Теоретические основы образования и развития Советского государства разработаны и освещены в трудах В. И. Ленина, в решениях съездов и пленумов ЦК КПСС. XXV съезд КПСС поставил перед советской наукой новые задачи, вытекающие из назревших потребностей нашего социалистического общества: «Новые возможности для плодотворных исследований как общетеоретического, фундаментального, так и прикладного характера открываются на стыке различных наук, в частности естественных и общественных» [1].

Среди задач, которые стоят перед общественными науками, одной из важных является историко-этнографическое исследование проблем народонаселения, закономерностей социально-экономического, политического и культурного его развития, социалистического образа жизни.

Советская этнографическая наука достигла определенных успехов в исследовании общих проблем народонаселения, в изучении формирования, консолидации и развития социалистических наций и народностей, их постепенного сближения, а также в области изучения современных этнических процессов, происходящих в среде малых социалистических народностей, национальных и этнографических групп.

Изучение современных процессов в области национальных отношений, дальнейшего развития исторически сложившихся этносов является одной из важнейших задач этнографических исследований. Автор ограничил свои задачи рассмотрением в данной статье материалов переписей населения и полевых этнографических исследований, дающих возможность осветить этническую ситуацию у населения республик Средней Азии, выявить некоторые закономерности и тенденции размещения населения и современных этнических процессов.

Претворяя в жизнь основные принципы ленинской национальной политики дружбы и сотрудничества равноправных народов нашей страны, Коммунистическая партия и Советское правительство постоянно обеспечивали высокие темпы социально-экономического и культурного развития народов, в первую очередь такой бывшей колониальной окраины, как Средняя Азия. Сейчас, как докладывал А. Н. Косыгин на XXV съезде КПСС, все наши союзные республики имеют высокоразвитую промышленность и крупное механизированное сельское хозяйство. Объединенные нерушимыми узами дружбы и братства, они располагают всем необходимым для дальнейшего прогресса во всех областях материального производства, науки и культуры. Действительно, современный уровень развития, например, республик Средней Азии позволяет им вносить весомый вклад в общесоюзный фонд экономического и культурного развития, на основе которого успешно решаются проблемы как общесоюзного, так и республиканского значения. Хотя каждая союзная республика унаследовала от прошлого отсталое и сильно разрушенное хозяйство с примитивными орудиями труда, теперь это советские социалистические республики с высокоразвитой промышленностью, крупным многоотраслевым механизированным сельским хозяйством и невиданным в истории подъемом новой современной культуры [2]. Так, например, объем промышленного производства за период 1913—1974 гг. возрос: в Узбекской ССР — в 56 раз, в Таджикской ССР — в 111 раз, в Киргизской ССР — более чем в 265 раз и в Туркменской ССР — в 62 раза [3]. За этими цифрами стоят глубочайшие преобразования в народном хозяйстве, которые в свою очередь обусловили заметное увеличение численности населения каждой республики.

Итоги всесоюзных переписей являются свидетельством роста общей численности населения исследуемого региона (табл. 1).

Таблица 1. Динамика общей численности населения в Средней Азии

Республика	Численность населения, в тыс. человек				1970 г., в % к		
	1926 г.*	1939 г.**	1959 г.**	1970 г.**	1926 г.	1939 г.	1959 г.
Узбекская	4609,4	6346,9	8119,1	11799,4	259,5	188,7	144,8
Киргизская	1001,7	1458,2	2065,8	2934,0	292,7	201,2	142,0
Таджикская	1032,2	1484,9	1980,5	2899,6	281,0	195,5	146,1
Туркменская	998,2	1251,9	1516,4	2158,9	216,3	172,4	142,4
Итого по Средней Азии	7641,5	10541,9	13681,8	19590,7	255,9	185,9	143,1
Всего по СССР	147027,5	190677,9	208826,7	241720,1	164,4	126,2	115,0

* Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: Узбекская ССР, Таджикская ССР, Киргизская ССР, Туркменская ССР. М.: Госстатиздат, 1963; Там же: СССР. Сводный том. М.: Госстатиздат, 1962.

** Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. М: Статистика, 1972, т. I, с.7.

Население в республиках Средней Азии отличается большой сложностью расселения: редкозаселенные пустынные районы перемежаются с густозаселенными долинами рек и цепочками оазисов, а сравнительно однородные в национальном отношении ареалы — с ареалами пестрого этнического состава. Средняя плотность населения этих республик с 12 человек на 1 кв. км в 1959 г. повысилась до 15 человек в 1970 г.; по отдельным республикам же она сильно варьируется, значительно падая в Туркменской ССР и Каракалпакской АССР, где преобладающая часть территории — пустынно-пастбищные пространства, и в Киргизской ССР и Горно-Бадахшанской АО, где преобладают высокогорные пространства; в ряде же областей Узбекистана, Чуйской долины Киргизии, Гиссарской долины Таджикистана и в некоторых других районах этого региона плотность населения составляет от 100 до 200, а в Ферганской долине — свыше 200 человек на 1 кв. км.

Приведенная в табл. 1 динамика численности населения определялась несколькими факторами. Важнейшие из них — увеличение естественного прироста, миграции и этнические процессы. Естественный прирост населения (табл. 2) был связан с большим

*Таблица 2. Естественный прирост населения в расчете на 1000 жителей**

Республика	1940 г.	1950 г.	1960 г.	1969 г.	1970 г.	1978 г.
Узбекская	20,6	22,1	33,9	26,8	28,1	27,0
Киргизская	16,7	23,9	30,8	22,6	23,1	22,3
Таджикская	16,5	22,2	28,4	28,6	28,4	29,2
Туркменская	17,4	28,0	35,9	27,3	28,6	26,4
СССР в целом	13,2	17,0	17,8	8,9	9,2	8,5

* Народное хозяйство СССР в 1970 г. М.: Статистика, 1971, с. 50 — 51; Народное хозяйство СССР в 1974 г. М.: Статистика, 1975, с. 47. Народное хозяйство СССР в 1978 г. М.: Статистика, 1979, с. 26—27.

снижением смертности, обусловленным улучшением здравоохранения, экономическим и культурным развитием национальных республик, при одновременном увеличении рождаемости.

Большой естественный прирост и прежде всего уровень рождаемости объясняются вполне сознательным стремлением супругов к многодетной семье. Результаты специального обследования мнений и намерений женщин относительно числа детей в семье, проведенного ЦСУ СССР в 1967 г., обнаружили территориальную и этническую дифференциацию: в Узбекистане среднее идеальное число детей [4] — 4,55, ожидаемое [5] — 4,31, фактически имелось на момент обследования — 3,06, в Туркменистане соответственно — 4,10; 3,79; 2,68; в Таджикистане — 4,18; 4,08; 2,69; в Киргизии — 3,94; 3,72; 2,71; при этом исследовании замечено, что уровень деторождения на селе в полтора раза выше, чем в

городах [6]. Это связано в значительной степени с национальными традициями и обычаями, которые, как известно, возникли в далеком прошлом, но все еще при поддержке местного общественного мнения продолжают оказывать влияние на повышение уровня деторождения. Чем больше детей в семье, тем больше радости и счастья, считают жители Средней Азии. Стремление коренных народов Средней Азии и Казахстана к многодетности — важный фактор высокого естественного прироста населения.

Статистика показывает, что в республиках Средней Азии в 1970 г. имели наибольшее число детей матери-туркменки и матери-таджички — 6,1, матери-узбечки — 5,9, матери-киргизки — 5,8, матери-казашки — 5,5 при среднем показателе по этому региону 4,6, а по СССР в целом — 2,3 человека [7].

Таблица 3. Динамика численности народов Средней Азии в 1926, 1959 и 1970 гг.*

Национальность	Общая численность народов						1970 г. в % к	
	1926 г.**		1959 г.***		1970 г.****			
	тыс. человек	%	тыс. человек	%	тыс. человек	%	1926 г.	1959 г.
Все население	7641,0	100	13681,8	100	19790,7	100	255,9	143,1
В том числе								
Узбеки	3949,7	51,7	5826,3	42,6	8902,5	45,0	225,4	152,5
Туркмены	749,9	9,8	985,5	7,2	1498,7	7,6	199,8	151,8
Русские	443,9	5,8	2239,6	16,4	2988,6	15,0	672,8	133,4
Казахи	119,9	1,6	436,6	3,2	575,1	2,9	479,6	131,4
Киргизы	763,3	10,0	955,1	7,0	1431,0	7,2	187,5	149,8
Таджики	970,1	12,7	1377,8	10,0	2100,4	10,6	216,4	152,4
Каракалпаки	144,1	1,9	170,8	1,2	232,8	1,2	161,6	136,2
Уйгуры	33,3	0,4	33,2	0,2	48,8	0,2	147,0	147,0
Дунгане	6,0	0,7	11,1	0,1	19,8	0,1	330,0	178,6
Евреи	19,9	0,3	119,4	0,8	128,7	0,6	590,5	110,1
Корейцы	—	—	146,4	1,0	168,9	0,9	—	115,3
Белуджи	10,0	0,1	7,8	0,1	12,4	0,1	124,0	159,0
Татары	39,1	0,5	587,9	4,3	750,4	3,8	503,3	109,2
Азербайджанцы	29,9	0,4	63,8	0,5	63,8	0,3	228,1	106,9
Армяне	28,9	0,4	51,9	0,3	64,3	0,3	222,5	136,5
Украинцы	97,4	1,3	282,8	2,1	298,9	1,5	305,0	105,9
Башкиры	1,2	—	20,0	0,2	31,4	0,2	263,0	157,0
Иранцы (персы)	17,0	0,2	—	—	20,6	0,1	121,0	—
Цыгане (люли)	4,0	0,1	9,5	0,1	11,4	0,1	282,0	120,0
Мордва	2,9	—	28,0	0,2	30,1	0,2	1040,0	107,1
Курды	2,3	—	7,1	0,1	10,9	0,1	472,0	177,0
Белорусы	4,7	0,1	20,1	0,2	32,3	0,2	900,0	210,0

* Без Казахстана.

** Всесоюзная перепись населения 1926 года. М.: ЦСУ СССР, 1928, т. VIII, XV, XVI.

*** Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР. Сводный том, с. 206 — 209.

**** Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. М.: Статистика, 1973, т. IV, с. 202, 284, 295, 306.

Миграции населения из густонаселенных областей европейской части СССР в индустриальные центры, города и поселения городского типа, в места добычи полезных ископаемых, а также на целинные, залежные и вновь орошенные земли, например в зоны Каракумского канала, Каршинской и Голодной степей, Вахшской и Ферганской долин, в районы Хорезма и многие другие места Средней Азии, в условиях социалистического способа производства имели за редким исключением плановый характер. Государственным планом определялись капиталовложения в производство тех или иных районов страны и тем самым создавались предпосылки для перемещения населения в места нового хозяйственного строительства и освоения. Миграции значительно расширяли ареалы смешанного расселения, коренным образом изменяли и усложняли этническую ситуацию.

Из табл. 3 видно, что в Средней Азии в 1970 г. проживали 17 народов с численностью свыше 25 тыс. человек. Девять национальностей: узбеки, киргизы, таджики, туркмены, каракалпаки, казахи, уйгуры, русские, татары — составляли почти 95% населения региона.

Как будет показано ниже, высокие темпы роста абсолютной численности народов среднеазиатского региона, в частности узбеков, туркмен, киргизов, таджиков, каракалпаков, явились результатом не только высокого естественного прироста (см. табл. 2), но и в значительной степени результатом интенсивного внутреннего развития социалистических наций, их консолидации, включения в их состав различных групп ассимилированного ими иноэтнического населения.

Степень компактности расселения основных народов Средней Азии в пределах своих республик неодинакова (табл. 4).

Таблица 4. Расселение коренных народов Средней Азии

Национальность	Живут в пределах своих республик* и составляют в %			
	от своего народа		от всех жителей своей республики	
	1959 г.	1970 г.	1959 г.	1970 г.
Узбеки	83,7	85,1	62,1	65,5
Каракалпаки	90,0	92,1	30,6	30,9
Туркмены	92,2	92,9	60,9	65,9
Киргизы	86,3	88,5	40,5	43,8
Таджики	75,3	76,4	53,1	56,2

* Зинченко И. О национальном составе и языках населения СССР по данным переписи 1970 года. — Вестник статистики, 1972, № 3, с. 19 — 20; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. IV, с. 202, 284, 299, 306.

Сравнение данных переписей 1959 и 1970 г. показывает рост удельного веса основных национальностей в республике: преобладающая часть (92%) туркмен и каракалпаков, 88,5% киргизов, 85,1% узбеков и 76,4% таджиков, по данным переписи 1970 г., живет в пределах своих республик. Удельный вес тех, кто считает родным языком язык своей национальности, очень высок и устойчив.

Данные о росте численности народов среднеазиатского региона и о их удельном весе в общей численности населения каждой союзной республики представляют интерес, в частности при исследовании этнических процессов. Следует отметить, что, несмотря на значительный естественный прирост (см. табл. 2) и увеличение абсолютной численности населения основных национальностей (см. табл. 3), их удельный вес среди всего населения республик до 1959 г. уменьшался и только между переписями 1959 и 1970 г. имел незначительный рост (табл. 5). Так, численность узбеков за период с 1939 по 1959 г. увеличилась на 23%, а их удельный вес среди всего населения республики за этот период снизился с 64,4 до 62,2%. За период между переписями 1959 и 1970 г. численность узбеков возросла на 53,3%, а их удельный

Таблица 5. Динамика численности и национальный состав основных народов республик Средней Азии *

Республика	Год переписи	Всего жителей, в тыс. человек	Коренная национальность, в %	Русские, в %	Другие, в %
Узбекская	1926	4 609	74,2	21,6	4,2
	1939	6 347	64,4	11,5	24,1
	1959	8 119	62,2	13,5	24,3
	1970	11 799	65,5	12,5	22,8
Таджикская	1926	1 032	74,6	0,9	24,7
	1939	1 485	59,6	9,1	31,3
	1959	1 980	53,1	13,3	33,6
	1970	2 900	56,2	11,9	31,9
Киргизская	1926	1 002	66,6	11,7	21,7
	1939	1 458	51,7	20,8	27,5
	1959	2 066	40,5	30,2	29,3
	1970	2 933	43,8	29,2	27,0
Туркменская	1926	998	70,2	8,2	21,6
	1939	1 252	59,2	18,6	22,2
	1959	1 516	60,9	17,3	21,8
	1970	2 159	65,9	14,5	19,9

* Таблица составлена по: Всесоюзная перепись населения 1926 г.: Краткие сводки. М.: ЦСУ СССР, 1928, вып. IV; Народность и родной язык населения СССР; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР. Сводный том; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. IV.

вес в общей численности — только на 3,3%; туркмен соответственно — на 53,3 и 5%, таджиков — на 55,0 и 3,1%, киргизов — на 53,5 и 3,3%, каракалпаков — на 36,8 и 0,3% [8].

Обработка данных переписи населения 1979 г. даст новый ценный материал по дальнейшему развитию этнических процессов в Средней Азии.

По данным переписи 1970 г., среди пришлых национальностей исследуемого региона наиболее многочисленны русские; они составляют 15% всего населения, при этом в пределах Киргизской ССР они составляют 29,2%, Туркменской ССР — 14,5%, Узбекской ССР — 12,5%, Таджикской ССР — 11,9%. Численность татар в Узбекской ССР составляет 4,9%, в Киргизской и Таджикской ССР — по 2,4% и в Туркменской ССР — 1,7% всего населения. Удельный вес казахов колеблется от 0,3 до 4%. Доля других народов в общей численности населения менее 0,5%.

Таблица 6. Динамика численности городского населения в 1926, 1959, 1970 и 1979 гг. *

Республика	Год переписи	Все население, в тыс. человек	В том числе		% сельского населения
			городское, в тыс. человек	% ко всему населению	
Узбекская	1926	4 609,4	1 012,3	22	68
	1959	8 119,1	2 728,6	34	66
	1970	11 799,4	4 321,0	37	63
	1979	15 391	6 350,0	41	59
Киргизская	1926	1 001,7	122,3	12	88
	1959	2 065,8	696,2	34	66
	1970	2 933,0	1 097,5	37	63
	1979	3 529	1 366,0	39	61
Таджикская	1926	1 032,2	106,0	10	90
	1959	1 979,9	646,2	33	67
	1970	2 900,0	1 076,7	37	63
	1979	3 801	1 324,0	35	65
Туркменская	1926	998,2	137,0	14	86
	1959	1 516,4	700,8	46	54
	1970	2 159,0	1 034,2	48	52
	1979	2 739	1 322,0	48	52
По СССР в целом	1926	147 027,9	26 314,1	18	82
	1959	208 826,6	99 977,7	48	52
	1970	241 720,0	135 991,5	56	44
	1979	262 442	163 591,0	62	38

* Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. Узбекская ССР, Киргизская ССР, Таджикская ССР, Туркменская ССР, с.11; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР. Сводный том, с.26; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. I. с.78; Народное хозяйство СССР в 1978 г., с. 10-11, 15-17.

Таблица 7. Динамика городского населения по национальности

Национальность	Узбекская ССР				Таджикская ССР			
	1959 г. *		1970 г. **		1959 г. *		1970 г. **	
	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%
Узбеки	1015	37,2	1776	41,0	77	11,9	146	13,5
Каракалпаки	33	1,2	69	2,6	—	—	—	—
Русские	913	33,4	1312	30,4	223	35,3	323	30,0
Татары	237	10,5	421	9,7	45	7,0	63	5,9
Казахи	71	2,6	131	3,0	4	0,6	3	0,3
Таджики	68	2,5	113	2,6	205	31,8	416	38,6
Корейцы	44	1,6	85	2,0	2	0,2	8	0,7
Украинцы	67	2,4	97	2,2	22	3,4	29	2,7
Киргизы	3	0,1	7	0,2	3	0,5	5	0,5
Евреи	90	3,3	100	2,3	12	1,9	14	1,3
Туркмены	5	0,2	9	0,2	1	0,1	1	0,1
Азербайджанцы	10	0,4	18	0,4	—	—	—	—
Армяне	26	0,9	32	0,7	3	0,4	3	0,3
Уйгуры	5	0,2	9	0,2	—	—	—	—
Башкиры	8	0,3	14	0,3	3	0,4	4	0,4
Белорусы	7	0,3	14	0,3	2	0,3	4	0,3
Иранцы (персы)	—	—	8	0,2	—	—	—	—
Мордва	12	0,4	12	0,3	6	0,9	7	0,6
Цыгане	3	0,1	6	0,1	—	—	—	—
Чуваши	4	0,1	7	0,1	1	0,2	2	0,2
Дунгане	—	—	—	—	—	—	—	—
Курды	—	—	—	—	—	—	—	—
Белуджи	—	—	—	—	—	—	—	—
Другие национальности	58	2,1	82	1,9	31	4,8	48	4,5
Всего:	2729	100	4322	100	646	100	1077	100

* Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. Узбекская ССР, с. 140, Таджикская ССР, с. 118, Киргизская ССР, с. 130, Туркменская ССР, с. 120.

** Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. IV, с. 205, 286, 296, 308.

В этой связи небезынтересно заметить, что в годы Советской власти в обстановке торжества ленинской национальной политики, в новых социально-экономических условиях социалистическая индустриализация оказывала большое влияние как на рост городского населения (табл. 6), так и на изменение его этнической ситуации. Из табл. 6 виден ежегодный прирост городского населения с 1926 по 1970 г. в Узбекистане — 0,35%, а в последующие годы — 0,27%, в Таджикистане соответственно — 0,67 и 0,36%, в Киргизии—0,64 и 0,27% и в Туркменистане — 0,94 и 0,18%.

в республиках Средней Азии

Киргизская ССР				Туркменская ССР				Итого в Средней Азии				1970 г. к 1959 г. в %
1959 г. *		1970 г. **		1959 г. *		1970 г. **		1959 г. *		1970 г. **		
тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%	
89	11,4	120	10,9	61	8,7	98	9,5	1233	25,9	2140	28,4	173,0
—	—	—	—	1	0,1		0,1	33	0,7	69	0,9	269,0
360	51,7	546	51,4	246	35,1	299	29,0	1747	36,6	2499	33,2	148,0
43	6,2	56	5,1	26	3,1	33	3,2	402	8,4	574	7,6	142,8
7	1,0	9	0,8	37	5,2	40	3,4	120	2,5	183	2,4	153,1
4	0,6	6	0,6	—	—	—	—	278	5,8	535	7,1	192,6
1	0,2	6	0,5	—	—	—	—	47	1,0	99	1,3	210,0
53	7,6	61	5,6	19	2,7	29	2,8	161	3,4	217	2,9	134,9
92	13,2	186	16,9	—	—	—	—	99	2,1	198	2,6	201,1
8	1,1	7	0,7	4	0,5	3	0,3	114	2,4	125	1,6	109,7
—	—	—	—	243	34,7	449	43,4	248	5,2	459	6,1	185
—	—	—	—	12	1,8	16	1,6	24	0,5	37	0,5	154,8
1	0,1	1	0,1	19	2,8	23	2,2	48	1,0	60	0,8	122,7
4	0,6	11	1,0	—	—	—	—	9	0,2	21	0,3	222,3
2	0,2	2	0,2	—	—	2	0,2	12	0,3	23	0,3	187,1
3	0,4	5	0,4	3	0,4	4	0,4	15	0,3	26	0,3	178,2
—	—	—	—	—	—	3	0,3	—	—	11	0,1	—
4	0,5	4	0,3	4	0,5	3	0,3	26	0,5	26	0,3	100,4
—	—	—	—	—	—	—	—	3	0,1	6	0,1	166,7
1	0,1	1	0,1	—	—	—	—	6	0,1	10	0,1	169,0
2	0,3	5	0,5	—	—	—	—	2	0,1	5	0,1	216,7
1	0,1	2	0,2	1	0,2	2	0,2	2	0,1	3	0,1	143,5
—	—	—	—	0,5	0,1	1	0,1	1	0,1	1	0,1	220,0
28	4,1	48	4,3	21	2,9	25	2,4	138	2,9	202	2,6	145,0
696	100	1097	100	701	100	1034	100	4768	100	7523	100	156,0

Этническую ситуацию городского населения республик Средней Азии характеризуют данные переписей 1959 и 1970 г. (табл. 7)

Из этой таблицы видно, что в городах быстрыми темпами идут процессы этнического смешения и происходит увеличение не только основного народа каждой союзной республики исследуемого региона, но и многих других национальностей. Объясняется это явление не только притоком жителей из села, но и высоким уровнем и темпами естественного прироста, обусловленного исторически сложившимися у этих народов национальными обычаями, общественными традициями, определяющими брачно-половые

Таблица 8. Национальный состав населения в столицах среднеазиатских республик в 1970 г. *

Национальность	Ташкент		Фрунзе		Душанбе		Ашхабад	
	в тыс. человек	в %	в тыс. человек	в %	в тыс. человек	в %	в тыс. человек	в %
Все население	1384,5	100	430,6	100	373,9	100	253,1	100
В том числе								
Узбеки	513,0	37,0	6,6	1,5	38,5	10,3	2,7	1,0
Киргизы	—	—	53,1	12,3	—	—	—	—
Таджики	8,0	0,7	—	—	98,1	26,2	—	—
Туркмены	—	—	—	—	—	—	96,8	38,0
Каракалпаки	1,4	1,0	—	—	—	—	—	—
Русские	564,6	42,2	284,7	45,1	157,1	42,0	108,1	42,7
Татары	98,9	7,1	15,6	2,4	19,2	5,4	5,5	2,2
Евреи	55,8	4,1	6,0	1,5	11,4	2,9	1,2	0,5
Украинцы	40,7	2,9	26,9	4,2	13,2	3,5	11,0	4,3
Корейцы	18,2	1,4	4,1	0,7	3,3	0,9	—	—
Казахи	15,2	1,2	4,7	0,7	—	—	1,8	0,7
Армяне	13,4	1,0	—	—	2,2	0,6	11,7	4,4
Белорусы	5,9	0,4	2,0	0,3	1,6	0,3	1,3	0,5
Уйгуры	5,9	0,4	6,8	1,5	—	—	—	—
Башкиры	3,8	0,3	—	—	1,5	0,2	—	—
Азербайджанцы	3,4	0,3	1,1	0,2	—	—	5,5	2,2
Мордва	3,3	0,3	1,4	0,2	3,6	1,0	0,9	0,3
Дунгане	1,6	0,1	—	—	—	—	—	—
Осетины	—	—	2,8	0,6	—	—	—	—

* Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. IV, с. 218, 290, 299, 311.

отношения, форму семьи, уровень деторождения. Заметим, что при общем росте абсолютной численности русского городского населения Средней Азии с 1959 по 1970 год доля его увеличилась на 48%, удельный вес его уменьшился за этот период на 3,4%. В столицах союзных республик, как это показывает табл. 8, русские имеют наиболее высокий удельный вес — от 42% в г. Душанбе до 45,1% в г. Фрунзе. Основные же народы занимают по численности второе после русских место. Так, узбеков в г. Ташкенте 37%; киргизов в г. Фрунзе 12,3%; таджиков в г. Душанбе 26,2%; туркмен в г. Ашхабаде 38%. Крупные города, как промышленно-торговые и административно-культурные центры, в большей степени, чем средние и малые, привлекают различное по национальности население, которое общается в повседневном быту, на производстве, в учебных заведениях, в культурно-бытовой сфере и т. д., что превращает эти города в своеобразные «котлы» этнических процессов [9]. В городах наблюдается как значительный приток инонационального (в большей мере русского) населения, так и возрастание численности коренных национальностей. В годы Советской власти в республиках Средней Азии, как и в целом по стране, на основе коренных социально-экономических преобразований и небывалого культурного подъема постоянно увеличивалась численность рабочих и служащих коренных национальностей. Большое прогрессивное значение в республиках Средней Азии имеет широкое вовлечение женщин в производство. В первые годы Советской власти раскрепощение женщин тормозилось пережитками патриархальных отношений, шариата и адата. Число женщин, занятых в народном хозяйстве Узбекистана, возросло с 18% в 1928 г. до 42% в 1974 г., или на 24%, Таджикистана — на 31, Киргизии — на 37, Туркменистана с 1925 по 1974 г.— на 33% [10].

Сопоставление результатов переписей 1959 и 1970 гг. в отношении занятого населения по отдельным национальностям показывает, что в каждой республике, в каждом городе и поселении городского типа бок о бок живут и трудятся, кроме коренных народов, представители многих национальностей: сотни тысяч русских, десятки тысяч украинцев, корейцев, азербайджанцев, мордвы, башкир, татар и других народов. Темпы и направление этнических процессов у городского населения, различного по национальному составу, заметно отличаются от направления этнических процессов сельского населения [11]. Это объясняется своеобразными условиями городской жизни и производственного быта, оказывающими огромное влияние на общественно-бытовой уклад контактирующего населения, многонационального по составу, и в сильной степени способствующими его сближению на почве широкого развития двуязычия и усвоения общесоветской культуры [12]

С большой интенсивностью идут процессы национальной консолидации населения в районах разработки полезных ископаемых, крупных ирригационных строек, освоения вновь орошаемых земель и т. д. Здесь, как и в городах, общность производственных интересов, тесное повседневное общественное и культурно-бытовое взаимодействие влекут за собой формирование у представителей различных народностей единого культурно-бытового уклада. Успешнее, чем в сельских местностях, преодолеваются устаревшие обычаи, порожденные отжившими общественными отношениями и религиозными предрассудками, утверждаются современные формы быта с новыми прогрессивными традициями и обычаями.

Перейдем к рассмотрению основной темы — этнические процессы у национальных и этнографических групп Средней Азии. Изучение материалов Среднеазиатского региона показывает, что процессы этнического развития среди городского и сельского населения, а также у обособленных в прошлом родо-племенных, этнических и инонациональных групп, живших среди более крупных народов, до упрочения Советской власти и социалистического преобразования народного хозяйства, общественной, семейной и

культурной жизни протекали, естественно, неодинаково и, как мы увидим, неравномерно в разных историко-этнографических районах.

Процессы этнического развития имели место и в дореволюционной Средней Азии. Известна длившаяся несколько веков языковая ассимиляция отдельных дисперсных национальных групп; наблюдался и процесс этнической ассимиляции в среде узбекского населения небольших групп туркмен (в районе Нурата) и каракалпаков (в Самаркандской обл.). Об этом мы скажем подробнее ниже. Здесь же отметим, что на процессы этнического развития отдельных национальных групп косвенное влияние оказывала политика национальной дискриминации, проводимая как царским самодержавием, так и среднеазиатскими деспотиями. Такова была, например, политика Бухарского ханства в отношении туркмен и другого неузбекского населения. В Чарджоуском бекстве Бухарского ханства, а нередко и в Хивинском ханстве по отношению к неузбекскому населению применялись политические ограничения, ущемлялись его хозяйственные и другие интересы. С туркмен в больших размерах взимался харадж (поземельная рента). Известны случаи, когда бухарская администрация переселяла туркмен с обжитых мест в районы, пограничные с Хивинским ханством, на слабо освоенные, плохо обеспеченные ирригационными сооружениями земли. Так, например, в середине XIX в. насильно были переселены несколько групп туркмен-салыров, хыдырэли из Фараба, Ходжакала, Буюнузуна в Испас, Кабаклы, Гуйнук и другие места, расположенные в северо-западной части бывшего Дейнауского бекства. Главной причиной этого переселения, по словам многих информаторов, была вражда между туркменами и узбеками из-за земли и воды и борьба первых за сохранение традиционного быта. Все это наряду с другими формами дискриминации и притеснения со стороны узбекских чиновников и феодальной верхушки Бухарского ханства привело к тому, что часть туркменского населения, особенно из числа салыров, хыдырэли и баятов, усвоив узбекский язык, стала причислять себя к узбекам и подражать им в материальной культуре, быту́, обрядах и обычаях. Эти туркмены, по свидетельству многих информаторов старшего поколения, попадали почти в равные с узбекским населением условия, более привилегированные, чем те, в которых жило население, сохранявшее туркменскую специфику быта и свой язык.

Немаловажную роль в такой денационализации туркменского населения играли племенная верхушка и духовенство, добивавшиеся этим путем административных, экономических и религиозных прав, равных с правами узбекской зажиточной верхушки.

Большое влияние на развитие ассимиляции туркмен в среде узбеков оказывала подворно-наследственная форма землевладения. Туркмены, купившие или арендовавшие землю на длительный срок у узбекского населения, обычно переселялись в его

среду. Здесь, на новых местах, они теряли прежние связи, воспринимали культуру, быт, нравы, обычаи, язык окружающего населения и постепенно сливались с ним. В качестве примера можно привести ассимиляцию узбеками отдельных групп туркмен на Средней Амударье.

Коренные изменения в национальном развитии народов Средней Азии произошли после победы Великой Октябрьской социалистической революции и установления Советской власти и особенно после национального размежевания Средней Азии.

Как известно, национальное размежевание Средней Азии и образование новых союзных и автономных республик, их добровольное вступление в СССР явились важнейшим этапом национально-государственного строительства, одним из главных движущих факторов, обусловивших победу социализма, культурной революции в республиках Средней Азии и тесно связанные с ними успехи национальной консолидации узбекского, туркменского, таджикского, киргизского, каракалпакского и других народов. Социалистические преобразования способствовали ускорению их национального развития.

Процессы консолидации узбекской, таджикской, киргизской и туркменской социалистических наций отличаются значительной спецификой. Как известно, эти нации сложились на базе давно возникших народностей, имевших в прошлом сложную этническую структуру с пережитками родо-племенного деления и двойным самосознанием, сочетавшим в себе сознание принадлежности к народности и племени.

В ходе социалистического строительства, укрепления экономических связей, реконструкции ирригационного хозяйства, всех отраслей земледелия, общего подъема материального благосостояния прогрессивные элементы культуры отдельных этнографических и родо-племенных групп превращались в общенациональные [13]. Образование национальных республик приблизило к народным массам органы власти и вместе с тем послужило сильным толчком для развития их политической активности, развития их национального самосознания, вытеснившего, как уже отмечалось, двойственное этническое самосознание, сочетавшее в себе признание принадлежности как к обособленному племени, этнографической или локальной группе, так и к определенному народу.

В процессе быстрого роста социалистической промышленности, городов, крупного механизированного сельского хозяйства усиление миграций, массовое перераспределение населения между городом и селом, усиление хозяйственных, общественных и культурных связей между основными народами исследуемого региона и разобщенными в прошлом периферийными этнографическими и локальными группами, втягивание их в социалистическое и культурное строительство, в политическую и общественную жизнь способствовали разрушению былой обособленности этнических

групп, укреплению в социалистических нациях сознания этнического единства.

Анализ статистических материалов, относящихся к сельским местностям Ферганской долины, выявил, что тюрки, курама, кипчаки и арабы, по переписям 1917 и 1926 гг., были учтены как отдельные народности. Их общая численность в 1926 г.— 62,5 тыс. человек [14]. Последующие переписи 1959 и 1970 гг. не зафиксировали эти группы. Наши полевые этнографические исследования 1951—1954 гг. показали, что тюрки — одна из обособленных в прошлом групп — за годы Советской власти в преобладающем большинстве уже давно утратили специфику культуры и быта и, за редким исключением, слились с узбеками [15], а в Ошской обл.— частично и с киргизами [16]. Более интенсивно протекал процесс слияния с узбеками обособленной в прошлом группы курама в Ферганской долине и Ангренском оазисе [17]. Потомки группы курама, численность которой, по переписи 1926 г., была свыше 53 тыс. человек [18], в настоящее время в преобладающем большинстве считают себя узбеками, родной язык их узбекский. Они восприняли материальную и духовную культуру окружающего узбекского населения и в наши дни ничем от него не отличаются.

Большой интерес представляют также кипчаки [19] (около 33 тыс. человек, по переписи 1926 г.) [20]. Среди них, как свидетельствуют этнографические материалы Ферганской археолого-этнографической экспедиции 1951—1953 гг.[21], процесс слияния с узбеками проходил еще более интенсивно, чем среди тюрков и кураминцев. По исследованиям Ш. И. Иногамова, кипчаки уже к 1950-м годам полностью слились с узбеками [22]. Наши полевые наблюдения подтверждают выводы Ш. И. Иногамова о том, что по языку, материальной и духовной культуре, семейно-брачным отношениям они в основном не отличаются от окружающего узбекского населения, а киргизы-кипчаки Ворошиловского р-на Андижанской обл., Баткенского и Сузакского районов Ошской обл.— от киргизского населения.

Арабы Ферганы, Самаркандской, Бухарской областей Узбекской ССР и Чарджоуской обл. Туркменской ССР, как показывают данные переписи населения 1970 г., нередко называют себя узбеками, родной язык у них узбекский (местами таджикский), и по условиям жизни они почти ничем не отличаются от окружающего узбекского населения [23]. Исследования Б. Х. Кармышевой и наши этнографические материалы показывают, что арабы наряду с узбекским языком восприняли от узбеков и частично от таджиков формы хозяйства, производственный быт, типы жилища, форму одежды и многие другие черты материальной и духовной культуры. Но, несмотря на далеко зашедший процесс слияния арабов с узбеками [24], все же часть их сохраняет этническое самосознание и некоторые самобытные черты культуры; по своему физическому типу арабы значительно отличаются от контактирующего с ними населения.

Значительный интерес вызывает отмеченный Б. Х. Кармышевой процесс этнического сближения узбеков и таджиков, живущих в Пастдаргомском р-не Самаркандской обл. Здесь, по ее полевым этнографическим материалам, почти все таджики двуязычны, свободно владеют узбекским языком [25]. Материалы всесоюзных переписей населения 1959 и 1970 гг. позволяют отметить и другие стороны процесса этнического и языкового сближения между узбеками и таджиками. Так, при проведении переписи 1959 г. 30,5 тыс. человек, или 3,7% узбеков Самаркандской обл., назвали родным языком таджикский, а при проведении переписи 1970 г.— 30,8 тыс. человек; кроме того, свободно владеют таджикским языком около 40 тыс. узбеков [26].

Процесс слияния с узбеками и с таджиками небольших по численности групп персидского населения (ирони) и цыган (люли) за годы Советской власти протекает в разных местах с различной интенсивностью и несколько медленнее, чем у арабов. Значительная часть ирони и цыган продолжает сохранять свое национальное самосознание. Представляет интерес языковое развитие данных этнографических групп. Так, из 15,5 тыс. ирони Узбекской ССР 78,7% назвали при переписи 1970 г. родным языком узбекский и 8% — другие языки, а из 11,3 тыс. цыган 10% назвали родным языком узбекский и немногим более 40% — другие языки; кроме того, свободно владеют русским языком 32% иранцев, а из общего числа цыган около 30% свободно владеют узбекским и около 11% русским. Как ирони, так и цыгане (люли) по материальной и духовной культуре почти не отличаются от окружающего узбекского или таджикского населения [27].

Ирони Туркменистана жили небольшими группами в Фирюзе, Каахке, в некоторых кишлаках Средней Амударьи и в Хорезме. Они встречались и среди городского населения. Приамударьинских ирони местное население нередко называло кулами. Большинство из них являлось потомками рабов иранского происхождения, освобожденных после присоединения Средней Азии к России. Численность туркменистанской группы ирони при сходном с туркменским уровнем естественного прироста уменьшилась с 7,2 тыс. человек в 1926 г. до 5,1 тыс. человек в 1970 г. Около 53% туркменистанских ирони двуязычны и по многим элементам материальной и духовной культуры, быту и семейно-брачным отношениям не отличаются от окружающего туркменского населения, но тем не менее бо́льшая их часть все еще сохраняет свое этническое самосознание.

Происходит постепенное сближение с туркменами уйгуров (таранчи) Байрам-Алийского и джемшидов Тахта-Базарского районов. Интенсивно протекает процесс слияния с туркменами у курдов Туркменистана. Процесс этот, начавшийся еще до революции, значительно усилился в наше время. Этому процессу способствуют совместное проживание курдов и туркмен, их совместная работа в промышленности и сельском хозяйстве, обучение

в школах и вузах, смешанные браки, постоянные контакты в быту и т. п. [28]

На сближение с туркменами курдов, как и других национальных групп, огромное влияние оказала русская, в основном современная городская культура. Важные показатели далеко продвинувшегося процесса слияния курдов с туркменами дают данные переписей. Так, с 1926 по 1970 г. общая численность курдов при высоком уровне естественного прироста увеличилась только на 26%. Из опрошенных при переписи населения 1959 г. 2263 курдов 49,4% родным назвали язык своей национальности, 34,6 — туркменский, 8,1 — русский, 42,6% свободно владели туркменским или русским, а при переписи 1970 г. из 2933 курдов 41,1% родным назвали язык своей национальности, 31 — туркменский, 8 — русский, 63,7% свободно владели туркменским, русским и другими языками [29]. Признание родным языка не своей национальности и свободное владение вторым языком свидетельствуют о процессе сближения и постепенного слияния с крупными нациями контактирующих с ними народов и этнографических групп.

Для современных этнических процессов в Туркменистане характерно тесное сотрудничество и сближение с туркменами вкрапленных в их среду небольших по численности групп узбекского населения в районах Фараба, Чаршанга, Чарджоу Чарджоуской обл. Они в результате длительного взаимодействия восприняли многие черты туркменской материальной и духовной культуры и быта. Так, у туркмен и узбеков Чарджоуской, отчасти Ташаузской обл. сходны типы современного жилища, его убранства, многие элементы одежды. В одежде общим является ношение туркменской рубахи с вышивкой на груди либо узбеко-таджикского платья на кокетке с отложным воротом, халата (*ектай*), тюбетейки и др. [30] Большинство узбекского населения в трудоспособном возрасте владеет туркменским языком. По переписи населения 1970 г., из опрошенных 179 тыс. узбеков Туркменской ССР 35 тыс. назвали родным языком туркменский и свыше 17 тыс. свободно говорят по-туркменски.

Из 16,8 тыс. азербайджанцев, живущих в этой республике, 3 тыс. назвали родным языком русский, 11 тыс. азербайджанцев, или 66% их общей здесь численности, свободно владеют русским и туркменским языками [31].

В начале 1920-х годов в Туркмению переселились белуджи, наибольшее их количество прибыло сюда из Афганистана через Иран в 1924—1925 гг. По данным переписи населения 1926 г., их насчитывалось в Туркмении 10 тыс. человек [32]. При проведении земельно-водной реформы почти все они получили земельно-водные наделы наравне с туркменами в Иолотаньском, Байрам-Алийском и Мервском районах. За период с 1926 по 1970 г. численность белуджей возросла до 12,4 тыс.[33]

В прошлом белуджи были исконными кочевниками-скотоводами. В Туркменской ССР благодаря землеустройству и всесторонней помощи правительства республики они постепенно осваивали технику земледелия, повышались их материальная обеспеченность и культура быта. В 1933—1935 гг. белуджи объединились в колхозы, основным занятием которых, как и соседних туркменских, является земледелие в сочетании с животноводством; такое направление хозяйства обеспечивает постоянный подъем их экономики и культуры. Небольшое число белуджей живет в городах Марыйской обл.

За годы социалистического строительства в хозяйстве, быту, обычаях, фольклоре, в духовном облике белуджей Туркменистана произошли глубочайшие перемены, обусловленные изменением производственных и материально-культурных условий жизни, особенно в области образования и семейно-брачных отношений. Длительное соседство с туркменами и постоянное совместное участие в производстве и общественной жизни оказывают влияние на сближение белуджей с туркменами во всех областях жизни, культуры и быта. С наибольшей активностью это сближение проявляется в колхозах и совхозах со смешанным в национальном отношении населением. Около одного процента белуджей при переписи населения 1970 г. назвали родным языком туркменский, и почти 41% свободно владеют туркменским языком, что является важным показателем их этнического сближения с туркменами.

В процессе внутренней консолидации, укрепления и развития узбекской, туркменской, киргизской, каракалпакской и таджикской наций происходит интенсивное размывание былых родоплеменных или этнографических групп в составе этих народов и слияние с ними небольших по численности локальных групп других народов, в первую очередь близких по происхождению, культуре и языку, и формируется единое национальное самосознание. Процессы слияния с крупными социалистическими нациями отдельных локальных групп народов в их завершающей стадии, связанной со сменой этнического самосознания, можно проследить по данным переписей 1959 и 1970 гг. Приведем несколько характерных примеров. Общая численность туркмен, живущих в пределах Узбекской ССР, за время между двумя последними переписями увеличилась на 30%, а в пределах своей национальной республики — на 53,3%, каракалпаков соответственно — почти на 1 и 36,8, таджиков — на 44 и 55, киргизов на 19,4 и 53,5%. Это свидетельствует о том, что при общем значительном росте численности коренных народов (см. табл. 2) идет интенсивный процесс слияния инонационального населения с основной нацией каждой республики. Из опрошенных при переписи 1970 г. 71 тыс. туркмен Узбекистана 28 тыс. назвали родным языком узбекский, около 14 тыс. свободно владеют узбекским и русским языками.

Сильно продвинулся начавшийся еще до революции процесс сближения и слияния с узбеками вкрапленных в их среду туркмен Нурата, Каракуля и других районов. По материалам переписи 1926 г., из 6390 зафиксированных здесь туркмен только 250

человек назвали родным язык своей национальности. По переписи 1959 и 1970 гг., туркмены в этих районах не зафиксированы. В настоящее время все потомки упомянутых групп туркмен считают себя узбеками; их родным языком, особенно среди лиц молодого и среднего поколения, является узбекский. Относительно быстрая утрата этой группой туркмен своего родного языка и национального самосознания объясняется тем, что эта группа несколько поколений живет смешанно с узбеками и по хозяйственной деятельности, культуре и быту уже не отличается от них. Постепенно сближаются и ассимилируются узбеками туркмены — хыдырэли, салыры, баяты в Бухарской области [34].

Уменьшение численности казахов в Узбекской ССР также во многих случаях объясняется их слиянием с узбеками [35].

Показательно во многих отношениях этническое развитие каракалпаков Ферганской долины, Самаркандской и Бухарской областей Узбекистана. Как свидетельствуют этнографические исследования Л. С. Толстовой, их разрозненные группы, прожив около двух столетий в окружении узбеков, безусловно, подверглись их влиянию. Начавшийся еще до Великого Октября процесс сближения с узбеками вкрапленных в их среду небольших по численности групп каракалпакского населения за годы социалистического строительства значительно усилился, но идет он с разной степенью интенсивности. Например, ферганская группа каракалпаков численностью, по переписи 1926 г., 18,5 тыс. человек [36], расселенная на территории узкой береговой полосы вдоль Сырдарьи, больше чем в Бухарской обл., сблизилась с узбеками. Существенное уменьшение численности каракалпаков, по переписи 1959 г., в сравнении с переписью 1926 г. объясняется их естественной ассимиляцией узбеками. При переписи населения 1970 г. в Ферганской долине уже зафиксировано лишь около 500 каракалпаков, так как основная их масса назвала себя узбеками по национальности с родным узбекским языком. Однако исследования Л. С. Толстовой и наши полевые наблюдения показывают, что, хотя процесс их сближения и слияния с узбеками идет интенсивно, но он еще далеко не завершился [37]. Об этом свидетельствуют некоторые еще сохраняющиеся особенности в материальной и духовной культуре, в семейном быту и обычаях каракалпаков, отличающие их от узбеков. Длительное соседство каракалпаков, как и уйгуров, арабов, персов (ирони), с узбеками оказывало и продолжает оказывать значительное влияние на их жизнь, культуру и быт. В рассматриваемых нами районах встречается много колхозных и совхозных поселений со смешанным в этническом отношении населением, к тому же каракалпаки, как и уйгуры, довольно близки узбекам по языку, многим элементам материальной и духовной культуры; все эти факторы способствуют усилению этнического сближения народов.

Экономическое и социально-культурное сближение этих национальных групп с узбеками приводит к заметному стиранию их

этнографической специфики, но еще не наступило время ее полного изживания [38].

Что же касается группы каракалпаков Бухарской обл., то и здесь этнический процесс национального их развития идет в направлении постепенного сближения и слияния с окружающими народами. Так, группы каракалпакского населения, живущего вдоль канала Кенимех и в других местах орошаемого земледелия этой области, имея постоянные контакты с узбеками, в значительной степени восприняли их язык, многие элементы материальной и духовной культуры. При переписи населения 1959 г. около 12% каракалпаков Бухарской обл. [39], а при переписи 1970 г. 14,7% назвали родным языком узбекский [40]. Каракалпаки, живущие в степях Бухарской обл. в окружении казахов, испытывали и продолжают испытывать в большей степени влияние языка, культуры и быта казахов и находятся на пути постепенного сближения с ними. Из опрошенных при переписи 1970 г. 8,7 тыс. каракалпаков этой области около 42% назвали родным языком казахский [41].

Небольшие по численности группы каракалпаков Самаркандской обл., по свидетельству дореволюционных исследователей, в большей степени, чем бухарские, были ассимилированы узбеками [42]; по мнению Г. Магидовича и И. И. Зарубина, они еще в первые годы Советской власти почти полностью слились с узбеками. При проведении Всероссийской переписи населения 1920 г. и специальном историко-этнографическом обследовании Комиссии по районированию Средней Азии самаркандские каракалпаки были записаны узбеками племени каракалпак [43]. В годы социалистического строительства пережитки былого деления населения на племена у них исчезли. Рассматриваемые группы каракалпаков и туркмен уже много лет считают себя узбеками и родным языком — узбекский [44]. Изменение у них этнического (национального) самосознания свидетельствует о завершении процесса их естественной ассимиляции в среде узбекского народа.

Изучение этнического развития народов Таджикистана показывает, что и здесь этнические процессы происходили и происходят с разной интенсивностью; это обусловлено не только былой географической изолированностью и социально-экономической отсталостью ряда районов, но и множеством языковых различий. В Таджикистане, в Горно-Бадахшанской АО, как известно, издавна обособленно, по горным долинам, живут такие мелкие народности, как язгулёмцы, бартангцы, рушанцы, ваханцы, шугнанцы, ишкашимцы, баджуйцы, хуфцы, общей численностью около 42 тыс. человек [45], сохранившие свои древние языки, относимые лингвистами к юго-восточной ветви иранских языков [46].

Все эти народности, разобщенные труднопроходимыми горными хребтами, до 1920 г. находились в составе Бухарского ханства, где господствовали бесправие, беспощадная феодальная эксплуатация. Тяжелые природно-географические и социально-экономические условия обусловили крайне отсталые хозяйственные, куль-

турные, общественные и семейно-бытовые формы жизни. Основу хозяйственной деятельности этих народностей составляли высокогорное орошаемое земледелие, скотоводство, домашние промыслы, охота. Несмотря на постоянное политическое и социальное угнетение, огромные трудности общения, припамирские народности издавна поддерживали хозяйственно-экономические и культурные связи как между собой, так и с таджиками соседнего Дарваза и Каратегина, Афганского Бадахшана, реже — с узбеками Ферганы, киргизами Алая и населением других сопредельных местностей. Языком общения при этом служил бадахшанский говор таджикского языка.

После установления Советской власти, особенно после образования Горно-Бадахшанской АО в составе Таджикской ССР, высокие темпы социалистического строительства, в частности ликвидация бездорожья, установление постоянной авто- и авиасвязи, создание промышленных предприятий, преобразование сельского хозяйства, победа колхозного строя и культурной революции не только нарушили вековую замкнутость и отсталость этих районов, но и обусловили огромный прогресс в социально-экономическом и культурном развитии всех припамирских народностей, их хозяйственно-культурное и этническое сближение с таджиками.

Результаты этнографического исследования Л. Ф. Моногаровой показывают, что за этот период все припамирские народности успешно усваивали прогрессивные черты современной национальной культуры таджиков, насыщенной элементами региональной среднеазиатской и общесоветской культуры [47]; происходила постепенная ассимиляция их в составе таджикского народа. Важным показателем глубины этого процесса является изменение этнического самосознания. Уже при Всесоюзной переписи населения 1959 г. почти все припамирские народности назвали себя по национальности таджиками; что же касается языка, то они указали свои родные языки, которыми широко пользуются не только в домашнем и семейном быту, но нередко и на производстве. Таджикский же язык, являющийся в период социалистического строительства официальным языком и языком общения для среднего поколения и молодежи, несомненно, стал вторым родным языком припамирских народностей.

Вместе с тем этнографические исследования Л. Ф. Моногаровой [48] и результаты нашего изучения современных этнических процессов среди различных по языку этнографических и национальных групп населения позволяют высказать сомнение в том, что припамирские народности уже слились с таджиками [49].

Мы полностью присоединяемся к выводам Л. Ф. Моногаровой о том, что все припамирские народности, сохраняющие свои родные языки, этнографические особенности в семейном быту, многие специфические элементы материальной и духовной культуры и считающие себя памирскими таджиками, а также и ягнобцы ныне

представляют собой этнографические группы в составе таджикского народа [50].

Устойчивое сохранение местных языков и некоторых этнографических различий в культуре и семейном быту отнюдь не исключает реально происходящего прогрессивного процесса слияния с таджиками этих в недалеком прошлом совершенно оторванных от земледельческих оазисов Таджикистана и Узбекистана, малочисленных, затерявшихся в высокогорных долинах этнографических групп, слияние которых с таджиками происходит на базе таджикского языка, широко распространенного в среде всех названных выше этнографических групп [51].

В Киргизской ССР многочисленные родо-племенные и локальные группы, на которые делился в прошлом в силу исторических и социально-экономических условий киргизский народ,— группы, отличающиеся замкнутостью и отсталостью [52], в ходе социалистического строительства — индустриализации, коллективизации и культурной революции — растворились в составе киргизского народа в процессе консолидации киргизской социалистической нации. Глубокие социалистические преобразования и тесно связанные с ними успехи национальной консолидации обусловили почти полное исчезновение родо-племенных пережитков и этнографических особенностей и укрепление национального самосознания, вытеснявшего двойственное самосознание, сочетавшее в себе понятие принадлежности и к народности, и к родо-племенной или другой этнической группе. Этот процесс сопровождался стиранием этнографических различий, существовавших у некоторых групп.

Стиранию разного рода различий, унаследованных от прошлых эпох, способствовали также территориальное смешение национальностей, развитие экономики и культуры, развитие языковой консолидации и некоторые другие факторы. Одновременно происходили и происходят, как показывают материалы переписей, сближение и ассимиляция киргизами вкрапленных в их среду близких по языку, культуре и быту узбеков, татар, тюрков. Длительное их проживание в инонациональном окружении, безусловно, оказывало значительное влияние на усиление процесса усвоения киргизского языка, многих особенностей материальной и духовной культуры, семейно-брачных отношений, обычаев и обрядов. По данным переписи населения 1959 г., 1,8 тыс. узбеков, проживающих в Киргизской ССР, назвали родным языком киргизский, при переписи населения 1970 г.— более 2,5 тыс. узбеков; кроме того, свободно владеют киргизским языком 5,3 тыс. узбеков. Из 2511 узбеков, признавших родным языком киргизский язык, 248 человек показали, что свободно владеют узбекским как вторым языком [53].

Уйгуры Киргизии под воздействием отмеченных факторов сближаются с киргизами или узбеками. Из опрошенных при переписи 1970 г. 24,9 тыс. уйгуров 4,4 тыс. назвали родным языком

киргизский или узбекский, и свободно владеют этими языками 2,3 тыс. человек [54].

По данным переписи населения 1970 г., численность дунган, живущих в Киргизской ССР и Казахской ССР, составляла 38,6 тыс. человек [55]. Дунгане расселены в Казахской ССР преимущественно в долине р. Чу, в Джамбульской обл., в г. Алма-Ата и его пригородах; в Киргизской ССР — в городах Фрунзе, Токмак, Пржевальск и в ряде районов Иссык-Кульской, Фрунзенской, Ошской областей. Здесь дунгане живут и трудятся в окружении казахов, киргизов и русского населения [56]. Естественно, что контактирующее население оказало значительное влияние на все области жизни дунган. Они восприняли многие стороны хозяйства и быта окружающего населения.

В годы социалистического строительства усилился процесс постепенного сближения дунган с окружающим населением, начавшийся еще в конце XIX — начале XX в. Расширение экономических и культурных контактов дунган с окружающим населением привело к распространению у них двуязычия. Так, в Киргизии из 19,8 тыс. дунган, опрошенных при переписи 1970 г., 10,5 тыс., или 53%, свободно владеют русским языком, 4,4% — киргизским и 1,1% — другими языками, а из 17,3 тыс. дунган Казахстана 0,5 тыс. человек, или 2,8%, родным языком назвали русский и 1,5% — казахский; кроме того, 43,2% дунган свободно владеют русским и 4,4% — казахским языком [57].

Значительный интерес представляет и национальное развитие русских, украинцев и белорусов, проживающих в республиках Средней Азии. Процесс этнического развития этого населения здесь характеризуется, в частности, и ассимиляцией некоторых дисперсных их групп, в первую очередь ассимиляцией русскими групп, близких к ним по языку и культуре,— украинцев, белорусов. Косвенным свидетельством этого является языковое развитие локальных групп украинцев и белорусов. По данным переписи населения 1970 г., из 299 тыс. украинцев Средней Азии 150 тыс. украинцев назвали русский язык родным языком, 117 тыс. украинцев свободно им владеют, а из 32,3 тыс. белорусов соответственно 16,9 тыс. человек назвали русский родным языком и 11,8 тыс. человек свободно владеют им.

Ускорились ассимиляционные процессы среди евреев, армян, мордвы и некоторых других территориально разрозненных здесь народов, а также отдельных, дисперсно расселенных групп узбеков, киргизов, туркмен, в силу различных причин издавна имевших постоянные контакты с русскими. За 11 лет, прошедших между переписями 1959 и 1970 гг., в республиках Средней Азии удельный вес лиц нерусской национальности, назвавших русский язык своим родным языком, значительно увеличился, например чувашей — на 55,5%, армян — на 11, татар — на 62,9, узбеков — на 54,1, киргизов — на 76,6, туркмен — на 92,9, таджиков — на 99, корейцев — на 80,7, башкир — на 104%.

Таблица 9. Динамика численности населения по национальности и родному языку в Средней Азии

Национальность	Итого, в тыс. человек	В том числе считают родным языком в 1959 г.*								Итого, в тыс. человек	В том числе считают своим родным языком в 1970 г.**							
		язык своей национальности	русский	узбекский	туркменский	киргизский	таджикский	другие языки			язык своей национальности	русский	узбекский	туркменский	киргизский	таджикский	другие языки
Узбеки	5826,5	5753,6	21,2	—	2,7	1,8	4,1	51,6	8902,5	8796,6	35,0	—	3,5	2,5	4,4	60,5		
Каракалпаки	170,5	163,5	0,3	6,3	0,1	—	—	1,6	232,8	225,4	0,5	2,8	—	—	—	3,9		
Таджики	1378,4	1353,6	6,1	13,8	—	0,2	—	1,3	2100,4	2072,3	10,0	14,0	—	0,2	—	3,7		
Киргизы	955,1	945,6	2,0	6,6	—	—	0,2	1,8	1431,0	1350,1	3,5	9,8	—	—	0,2	1,6		
Туркмены	985,5	980,3	5,2	3,6	—	—	—	0,7	1498,7	1485,2	10,0	2,8	—	—	0,3	0,7		
Русские	2239,6	2238,4	—	0,4	0,1	—	0,1	0,7	2988,6	2988,4	—	0,5	—	—	—	1,4		
Татары	587,9	522,6	43,0	10,2	0,6	—	0,2	10,7	750,4	667,5	70,2	6,9	0,4	0,6	0,1	3,1		
Казахи	436,6	420,7	4,6	6,0	0,5	1,8	—	3,6	575,1	555,4	6,8	14,0	0,4	1,9	—	4,4		
Корейцы	146,4	118,7	27,6	0,1	—	—	—	—	168,9	122,0	45,9	—	—	—	—	1,0		
Украинцы	282,8	124,7	147,8	0,2	—	—	—	0,1	298,9	146,0	149,7	0,1	—	—	—	0,1		
Евреи	119,4	54,6	60,3	0,2	—	—	3,6	1,7	128,7	47,0	59,3	0,3	—	—	6,2	16,8		
Азербайджанцы	63,8	57,4	3,6	1,7	0,2	—	—	0,6	68,2	60,5	5,8	1,0	0,2	0,1	1,0	0,7		
Армяне	51,9	32,4	18,9	—	—	—	—	0,1	63,8	42,0	21,5	—	—	—	—	0,3		
Немцы	—	—	—	—	—	—	—	—	165,8	123,7	37,5	—	—	—	—	0,4		
Уйгуры	33,2	21,1	0,8	7,2	—	0,7	—	3,4	48,8	33,9	1,5	8,8	—	0,9	—	3,7		
Башкиры	20,0	13,8	2,3	0,7	—	0,1	—	3,1	31,4	24,2	4,9	0,5	0,1	—	—	2,8		
Иранцы	...	...	...	...	...	...	...	...	20,5	6,0	1,2	12,2	0,3	—	—	0,8		
Цыгане (люли)	9,5	2,5	0,4	0,4	—	—	—	1,0	5,0	11,4	5,6	0,3	1,1	—	—	4,3		
Белуджи	7,6	7,3	0,1	—	0,1	—	—	0,1	0,2	12,4	12,2	0,1	—	0,1	—	—		
Дунгане	11,1	10,6	0,1	—	—	0,1	—	—	0,3	19,8	18,9	0,3	—	—	—	—		
Мордва	28,0	15,5	—	—	—	—	—	—	—	30,1	17,2	12,8	—	—	—	0,5		
Курды	7,1	5,8	0,2	—	0,9	—	—	0,1	0,1	10,9	9,5	0,3	—	0,9	—	—		
Белорусы	20,1	7,8	12,3	—	—	—	—	—	—	32,3	15,3	14,0	—	—	—	0,1		
Чуваши	8,1	5,1	3,0	0,5	0,1	—	—	—	0,1	13,3	2,8	1,6	—	0,9	—	—		
Осетины	13,3	5,2	0,9	—	—	—	—	—	—	5,8	4,6	1,1	—	—	—	0,1		
Другие национальности	254,6	188,6	28,3	15,9	0,1	2,9	1,3	0,2	202,6	147,1	41,1	4,2	—	3,4	1,0	5,8		
Всего	13667,0	13049,4	379,0	73,8	2,6	7,6	10,6	86,9	19790,7	19037,5	535,5	72,6	6,9	6,2	12,2	116,9		

* Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. Узбекская ССР, с.38; Туркменская ССР, с. 128; Киргизская ССР, с.128; Таджикская ССР, с.116.

** Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т.IV, с. 202, 284, 295, 306.

Следует отметить, что, по этнографическим наблюдениям, с русскими в действительности сближается значительно больше нерусского населения, чем это зафиксировано материалами переписей. Так, в Средней Азии, как и в других регионах СССР, с русскими сближается значительная часть мордвы, украинцев, белорусов, башкир, евреев, армян, чувашей и представителей других национальностей, живущих в городах и поселках городского типа среди преобладающего русского населения; эта часть населения «давно утратила свой родной язык, элементы своей традиционной национальной культуры и многими узами (родственными, культурными, соседскими) связана с окружающим населением. В этих группах распространено двойственное этническое самосознание. При этнографических опросах населения таких групп о их национальной принадлежности они, обычно отмечая свое особое этническое происхождение, указывают на значительную близость к русским, в среде которых они фактически растворяются» [58].

При исследовании процессов национальной консолидации и слияния небольших по численности инонациональных групп населения, обитающих в окружении более развитого в экономическом и культурном отношении народа, чрезвычайно важна проблема языка. Массовое распространение у народов СССР двуязычия и многоязычия является одним из важнейших показателей интенсивности развития этнических процессов.

Итоги всесоюзных переписей населения 1959 и 1970 гг. относительно численности населения, считающего родным языком язык своей национальности, а также числа лиц, которые, помимо родного, свободно владеют вторым языком (из языков народов СССР), дают яркую картину все большего этнокультурного сближения советских народов (табл. 9).

Сравнение данных переписей 1959 и 1970 гг. относительно удельного веса лиц, считающих родным языком язык своей национальности, показывает некоторое снижение у ряда национальных групп процента лиц с родным языком своей национальности (см. табл. 9). Это вполне естественное явление имело место, например, у азербайджанцев — на 5%, корейцев — на 7,3, евреев — на 8,4, цыган — на 3,2%.

Значительный научный интерес представляют также данные переписи 1970 г. о численности населения Средней Азии, назвавшего родным языком русский, узбекский или язык других народов СССР, а язык своей национальности — вторым или третьим языком, которым свободно владеют: 22 тыс. узбеков, 17,2 тыс. татар, 21,9 тыс. украинцев, 5,3 тыс. таджиков, 5,3 тыс. казахов, 6 тыс. евреев, 4,6 тыс. армян, 2,7 тыс. туркмен, 2,5 тыс. киргизов. Эти показатели также характеризуют имеющие здесь место процессы этнической ассимиляции отдельных групп населения (табл. 10).

В советской историко-этнографической, географической и лингвистической литературе убедительно показана роль русского языка, ставшего одним из главнейших средств межнационального

Таблица 10. Распределение населения республик Средней Азии, свободно владеющего вторым языком народов СССР

Национальность	Всего в тыс. человек	Свободно владеют вторым языком						
		своей национальности	русским	узбекским	туркменским	киргизским	таджикским	другими
Узбеки	8902,5	22,0	120,1	—	36,8	5,3	77,6	171,3
Каракалпаки	232,8	0,2	22,4	3,1	0,4	—	—	4,2
Таджики	2100,4	5,3	311,0	142,7	—	0,6	—	5,1
Киргизы	1431,0	2,5	263,4	26,5	—	—	3,6	12,8
Туркмены	1498,7	2,7	217,2	7,8	—	—	0,3	7,5
Русские	2988,6	1,1	—	55,5	6,5	12,8	77,6	40,1
Татары	750,4	17,2	481,6	46,2	2,0	1,2	0,2	2,7
Казахи	575,1	5,3	109,9	31,6	8,3	1,6	0,3	11,7
Корейцы	168,9	—	85,5	3,0	0,1	—	—	0,7
Украинцы	298,9	21,9	117,4	3,2	0,3	2,6	0,5	1,8
Евреи	128,7	6,0	51,0	6,8	0,1	—	0,7	12,6
Азербайджанцы	68,2	1,2	26,7	10,8	0,7	1,3	—	2,0
Армяне	63,8	4,6	34,0	1,2	0,4	0,2	0,1	1,2
Немцы	165,8	—	112,0	0,8	0,2	0,3	3,7	1,0
Уйгуры	48,8	—	15,1	4,9	—	1,2	—	1,3
Башкиры	31,4	0,7	19,9	—	—	0,1	—	1,2
Иранцы (персы)	20,5	—	6,2	0,7	1,5	—	—	0,4
Цыгане (люли)	11,4	0,1	1,2	3,4	—	—	—	0,6
Белуджи	12,4	—	0,3	—	0,5	—	—	—
Дунгане	19,8	—	10,5	—	—	0,9	—	0,2
Мордва	30,1	2,4	15,0	0,3	0,1	—	0,1	0,2
Курды	10,9	—	4,5	—	0,5	—	—	0,3
Белорусы	32,3	2,6	11,7	0,3	—	—	0,1	0,5
Чуваши	13,3	0,6	7,3	0,4	—	—	—	0,4
Осетины	5,8	0,2	4,0	—	—	—	0,1	—
Другие национальности	202,6	2,3	95,0	22,2	1,3	1,6	0,7	3,7
Всего	19790,7	95,9	3208,3	372,5	44,7	30,5	93,7	376,3

* Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. IV, с. 202, 284, 295, 306.

общения, обогащения культуры, дальнейшего сближения всех наций и народностей Советского Союза.

В 1970 г., как показывают данные переписи, 449,5 тыс. человек нерусского населения среднеазиатского региона считали русский язык своим родным языком, 2024,6 тыс. человек свободно владели им. Таким образом, на русском языке объясняются 2524,1 тыс. человек, или 15,2% нерусского населения Средней Азии, где широкое распространение получило двуязычие (и многоязычие). (По

материалам Всесоюзной переписи населения 1970 г., 600 тыс. представителей коренного населения — узбеков, таджиков, киргизов, туркмен, каракалпаков — наряду с родным языком свободно владеют также другими языками среднеазиатского региона.[59]) Такое распространение русского языка, как и языков основных народов исследуемого региона, обусловило приобщение нерусского населения к достижениям отечественной и мировой культуры. Оно вместе с тем способствует усилению межэтнических взаимодействий в культурно-бытовой сфере, росту числа национально-смешанных браков.

Как показывают результаты многих этнографических исследований, важную роль в развитии этнических процессов, процессов сближения и слияния дисперсно расселенных народов играли и продолжают играть смешанные в национальном отношении браки. В Средней Азии, как и в других союзных и автономных республиках Советского Союза, высокая степень межэтнической интеграции, обусловленная однородной социально-экономической структурой, смешанным национальным составом населения, массовым двуязычием и широкой интернационализацией материальной и духовной культуры и быта (особенно в городах), оказывает большое влияние на рост числа межэтнических браков, которые в свою очередь углубляют процессы межэтнических связей [60]. Статистические данные переписей населения 1959 и 1970 гг. и материалы этнографических и этносоциологических исследований показывают рост числа межнациональных браков по стране в целом (на 3,8 %) и в каждой из союзных республик [61]. Изменения в их количестве в Средней Азии за 11 лет между названными переписями характеризует табл. 11.

Таблица 11. Число смешанных в национальном отношении семей на 1000 всех семей *

Республика	На 1000 семей приходится смешанных семей					
	1959 г.		1970 г.		Увеличилось с 1959 по 1970 г.	
	Всего	В том числе в городах	Всего	В том числе в городах	Всего	В том числе в городах
Узбекская ССР	82	147	109	184	27	37
Киргизская ССР	123	181	145	209	22	30
Таджикская ССР	94	167	119	218	25	51
Туркменская ССР	85	149	122	209	37	60
В целом по Средней Азии	96	161	124	205	28	36
В среднем по СССР	102	151	135	175	33	24

*Исупов А. А. Национальный состав населения СССР. М.: Статистика, 1964, с. 38; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. М.: Статистика, 1974, т. VII, с. 284, 296, 298, 300.

Из этой таблицы видно, что удельный вес смешанных браков более высок среди городского населения, чем среди сельского. Это обусловлено более пестрым национальным составом городского населения и значительно более высоким уровнем его культуры.

Анализ данных загсов и этнографических, в основном полевых, и статистических материалов показывает, что чаще мужчины коренных национальностей (узбеки, таджики, киргизы, туркмены) женятся не только на женщинах местных национальностей, например туркмены — на узбечках, узбеки — на таджичках, киргизы — на узбечках, но и на русских, украинках, татарках и т. д. Однако постоянно возрастает и число женщин коренных национальностей (узбечек, туркменок, киргизок, таджичек), вступающих в браки с русскими, татарами, башкирами или представителями других национальностей. Довольно часто отмечаются браки русских с украинцами, белорусами, узбеками, киргизами, татарами и представителями некоторых других национальностей. Наши этнографические материалы по Туркменистану, в частности данные загсов, показывают, что наибольшее число смешанных браков приходится на браки между туркменами и русскими (около 11 %), туркменами и узбеками (около 8 %), русскими и другими национальностями (на эти браки приходится немногим более 50 % общего числа межэтнических браков) [62].

Роль смешанных браков в этнических процессах очевидна, так как «именно брак выступает в качестве одного из наиболее радикальных путей включения в этнос «чужеродных элементов» [63].

В современных условиях национально-смешанные браки способствуют более быстрому преодолению религиозных, бытовых и иных пережитков; такие браки способствуют сближению культуры и быта различных народов [64].

В межэтнических семьях отбирается и внедряется в быт все лучшее, взаимоприемлемое. Дети, рожденные в таких семьях, получившие образование в советской школе и воспитанные в интернациональной семье, представляют собой новое поколение, которое несет в себе черты интегрированной культуры. У детей из таких семей формируется сознание своей принадлежности к одному из этносов родителей — чаще всего, по той национальности, которая преобладает в этнической среде [65]. Так, в Узбекистане в преобладающем большинстве узбеко-русских и узбеко-татарских, узбеко-туркменских семей подростки берут узбекскую национальность; в Туркмении — в туркмено-русских, туркмено-узбекских — туркменскую. Это же имеет место в Таджикистане и в Киргизии.

Таким образом, межэтнические браки оказывают значительное влияние на изменение этнической структуры населения каждой республики исследуемого региона.

Не менее важным фактором в развитии процессов национальных отношений является межэтническая интеграция, неразрывно связанная с хозяйственным и культурным расцветом каждой республики и области.

Для советского периода характерны постепенное стирание резких локальных особенностей в материальной культуре (жилище, одежде, утвари, пище) в прошлом обособленных национальных и этнических групп Средней Азии, складывание общенациональных форм культуры в связи с консолидацией социалистических наций и межэтническая интеграция в культуре. Так, узбекское жилище оказало влияние на жилище некоторых народов и этнических групп, живущих на территории Узбекистана. Уйгуры Ферганской обл. заимствовали у узбеков каркасную конструкцию жилища, способы отделки, некоторые элементы внутреннего оформления, например, ниши (*токча*). Влияние узбекского жилища прослеживается и в жилище каракалпаков и киргизов Ферганы так же, как и у туркмен и арабов Бухарской, Кашкадарьинской и Сурхандарьинской областей. В многонациональных районах Средней Азии постепенно вырабатывается интерьер единого типа (так, например, в Кулябской долине, где совместно проживают таджики, узбеки, белуджи и арабы, интерьер расцвечивается декоративными элементами, пришедшими из традиционных культур данных народов). То же мы наблюдаем и в одежде. Так, одежда населения многонациональной Ферганской долины отражает интенсивное сближение разных народов между собой — она испытала сильное влияние одежды узбеков и таджиков. Киргизы, уйгуры, дунгане, каракалпаки Ферганской долины в целом не отличаются от них по одежде. В южном Туркменистане наблюдается сближение материальной культуры курдов и этнографической группы «тюрк», а также арабов, белуджей и других национальных групп с туркменской материальной культурой. Локальные различия в костюме теперь проявляются в основном в расцветке, узорах используемых тканей, некоторых деталях, способах ношения и др. [66] Эти примеры можно было бы многократно умножить.

В распространении наиболее рациональных форм местной одежды большую роль играют фабрики и комбинаты, производящие предметы современной одежды и ткани любых расцветок. Свободное женское платье туникообразного покроя с оторочкой ворота и разреза на груди цветной вышивкой, изготовленное на фабриках Туркменистана, получило широкое распространение во всех районах республики, а платье на кокетке узбекско-таджикской формы с отложным воротником так же, как камзол и чустская тюбетейка,— почти во всех районах Средней Азии.

Формирование современной национальной культуры в Средней Азии, как и в других союзных и автономных республиках, идет путем слияния отдельных внутринациональных локальных форм культуры с элементами культуры других, главным образом родственных, народов, а также обогащения их новыми, общесоветскими формами культуры; при этом важнейшую посредническую роль играет многогранная культура русского народа.

Закономерностью развития нашего общества является сближение духовной культуры этнических общностей, входящих

в состав Советского Союза. Наряду с всесоюзным сближением на почве формирования политического и идеологического единства, выработки общих черт советского образа жизни можно выделить в этом плане и тенденции к региональному сближению народов. При этом сближение в пределах отдельных регионов нередко осуществляется за счет влияния наиболее крупной и развитой нации региона (так, можно говорить о влиянии узбеков и таджиков на многие малые народы и этнические группы Средней Азии). С усвоением языка такой нации возникает двуязычие культуры (а нередко и трехъязычие — при параллельном владении русским языком). Подобная ситуация способствует возрастанию влияния одной из крупных наций на численно небольшие народы [67].

Особую роль в развитии духовной культуры народов СССР, в том числе и народов среднеазиатских республик, играют русский язык и в целом русская культура и шире — общесоветская культура, развивающаяся на основе русского языка. Поскольку национально-русское двуязычие дает возможность всем народам страны знакомиться не только с русской культурой, но и с культурой других народов Советского Союза, русская культура является всеобщим средством межэтнического общения народов страны [68]. На вопросах национально-русского двуязычия и параллельного употребления языков национальных групп и соседствующих с ними социалистических наций мы уже останавливались выше (см. с. 33—36). В целом же рассмотрение духовной культуры в плане современных этнических и культурно-бытовых процессов не входит в задачу данной работы. Этому вопросу необходимо посвятить специальное историко-этнографическое исследование, так как духовная культура имеет свои специфические закономерности и зачастую должна быть рассмотрена во взаимодействии не только народов исследуемого региона, но и всей страны в целом.

Победа социализма в Советском Союзе привела к социально-экономическим, политическим и культурно-бытовым преобразованиям, которые коренным образом изменили духовный мир советских людей, весь образ их жизни, обычаи и традиции.

Этнические процессы, подобные протекающим в республиках Средней Азии, наблюдаются и в других историко-культурных областях СССР [69]. У народов Средней Азии они имеют свои особенности, обусловленные, как показывает изучение большого статистического и этнографического материала, численностью народов и характером их расселения, особенностями социально-экономического и политического развития в прошлом, спецификой культуры и др.

[1] Коммунист, 1976, № 4, с. 57.
[2] Правда, 1976, 2 марта.
[3] Народное хозяйство СССР в 1974 году. М.: Статистика, 1975, с. 176.
[4] Идеальное число детей — то, которое женщины считают наилучшим для

семьи безотносительно к конкретным условиям жизни и индивидуальным склонностям.

[5] Ожидаемое число детей — то, которое женщины собираются иметь в своей семье, руководствуясь индивидуальными склонностями и социально-бытовыми условиями жизни.

[6] *Белова В.* Дифференциация мнений о наилучшем и ожидаемом числе детей в семье.— Вестник статистики, 1973, № 7, с. 28, 33; *Алтыева А.* Рождаемость в сельской местности Туркменской ССР. — В кн.: Народонаселение, население и экономика. М.: Статистика, 1973, с. 80.

[7] Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. М.: Статистика, 1974, т. VII, с. 250 и след., 380 и след., 444 и след.

[8] *Зинченко И.* О национальном составе..., с. 22—23.

[9] Современные этнические процессы в СССР, с. 158.

[10] Народное хозяйство Узбекской ССР за 50 лет. Ташкент: Узбекистан, 1967, с. 181; Народное хозяйство Таджикской ССР в 1972 г. Душанбе: Ирфон, 1973, с. 180; Народное хозяйство Киргизской ССР в 1971 г. Фрунзе: ЦСУ при Совете Министров Киргизской ССР, 1973, с. 190—191; Женщина в Туркменской ССР. Ашхабад: Госстатиздат, 1960, с. 21.

[11] Современные этнические процессы в СССР, с. 135.

[12] *Покшишевский В. В.* Этнические процессы в городах СССР и некоторые проблемы их изучения.— СЭ, 1969, № 5; *Брук С. И.* Этнодемографические процессы в СССР.— СЭ, 1971, № 4; *Брук С. И., Губогло М. Н.* Двуязычие и сближение наций в СССР. — СЭ, 1975, № 4, с. 24—31.

[13] Народы Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1962, т. 1, с. 165—172. (Сер. «Народы мира»). *Жданко Т. А.* Национально-государственное размежевание и процессы этнического развития у народов Средней Азии.— СЭ, 1962, № 5; *Вахабов М. Г.* Формирование узбекской социалистической нации. Ташкент: Госиздат УзССР, 1961; Современные этнические процессы в СССР, с. 515—520.

[14] Всесоюзная перепись населения 1926 г. М.: ЦСУ СССР, 1928, т. VIII, с. 13—43.

[15] *Винников Я. Р.* Современное расселение народов и этнографических групп в Ферганской долине.— СЭС, 1959, вып. II, с. 393—398.

[16] Часть кулябских тюрков, как известно, утратила тюркский язык и усвоила таджикский. Двуязычными остаются чустские и бухарские «тюрки». Подробнее см.: *Кармышева Б. Х.* Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М.: Наука, 1976, с. 134, 136, 146, 193—194, 209.

[17] Курама, как свидетельствуют литературные источники, представляет собой смешение различных казахских и узбекских родо-племенных групп. *Кармышева Б. Х.* Очерки..., с. 208; *Винников Я. Р.* Современное расселение народов..., с. 399—400; *Зарубин И. И.* Список народностей Туркестанского края.— В кн.: Труды комиссии по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран. Л., 1925, т. 9, с. 12, 17—18; *Файзиев Т.* Узбеки-курама (в прошлом и настоящем): Автореф. канд. дис. Ташкент, 1963.

[18] Всесоюзная перепись населения 1926. М.: ЦСУ СССР, 1929, т. XV, с. 34.

[19] О кипчаках см.: *Бартольд В. В.* История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, с. 38; *Наливкин В. П.* Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886, с. 17; *Шаниязов К. Ш.* К этнической истории узбекского народа (Историко-этнографическое исследование на материалах кипчакского компонента). Ташкент: Фан, 1974.

[20] Всесоюзная перепись населения 1926 г. М.: ЦСУ СССР, 1928, т. XV, с. 145—149; т. VIII, с. 216—219.

[21] *Винников Я. Р.* Современное расселение народов..., с. 401—403.

[22] *Иногамов Ш. И.* Этнический состав населения и этнографическая карта Ферганской долины в границах Узбекской ССР: Автореф. канд. дис. Ташкент, 1955, с. 8—11. Вопросы истории, хозяйственной жизни, культуры и быта кипчаков Средней Азии со всей полнотой исследованы К. Шаниязовым в его монографии: *Шаниязов К. Ш.* К этнической истории узбекского народа... См. также статью этого автора в настоящем сборнике.

[23] *Иногамов Ш. И.* Этнический состав..., с. 14; *Винников Я. Р.* Современное расселение народов..., с. 403—404; Современные этнические процессы в СССР, с. 78.

[24] Этнографические очерки узбекского сельского населения. М.: Наука, 1969, с. 42; *Кармышева Б. Х.* Очерки..., с. 249—253.

[25] Этнографические очерки узбекского сельского населения, с. 42.

[26] Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. Узбекская ССР. М.: Статистика, 1973, с. 144; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. IV, с. 215.

[27] О среднеазиатских цыганах см. статью Х. Х. Назарова в настоящем сборнике, относительно ирони — статью Ф. Д. Люшкевич.

[28] *Аристова Т. Ф., Васильева Г. П.* Об этнических процессах на территории Южной Туркмении.— СЭ, 1964, № 5, с. 17—30. См. также статью Т. Ф. Аристовой в настоящем сборнике.

[29] Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. Туркменская ССР, с.128; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. IV, с. 306.

[30] *Винников Я. Р.* Современное расселение народов..., с. 60; *Васильева Г. П.* Объяснительная записка к историко-этнографической карте Ташаузской области Туркменской ССР.— В кн.: Материалы к Историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961, с. 32—33. (ТИЭ, т. XLVII).

[31] Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. IV, с. 306.

[32] Всесоюзная перепись населения 1926 г. М.: ЦСУ СССР, 1928, т. XVI, с. 7.

[33] Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года., т. IV, с. 306.

[34] *Васильева Г. П.* Этнографический маршрут в центральных районах Чарджоуской области Туркменской ССР и Бухарской области Узбекской ССР.— КСИЭ, 1957, вып. XXVI, с. 131; *Винников Я. Р.* Хозяйство, культура и быт сельского населения Туркменской ССР. М.: Наука, 1969, с. 63.

[35] Этнографические очерки узбекского сельского населения, с. 44.

[36] Всесоюзная перепись населения 1926 г., т. XV, с. 216—219.

[37] *Толстова Л. С.* Каракалпаки Ферганской долины. Нукус: Каракалпакгиз, 1959, с. 176—181. См. также статью Д. С. Насырова и Л. С. Толстовой в настоящем сборнике.

[38] *Винников Я. Р.* Современное расселение народов..., с. 409; *Толстова Л. С.* Каракалпаки Ферганской долины, с. 176—181; *Она же.* Каракалпаки за пределами Хорезмского оазиса. Нукус; Ташкент: Каракалпакгиз, 1963, с. 211—212.

[39] Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. Узбекская ССР, с. 144.

[40] Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. IV, с. 212.

[41] Там же.

[42] *Гребенкин А. Д.* Узбеки.— В кн.: Русский Туркестан: Сборник, изданный по поводу политехнической выставки. Ежегодник. Туркестанский край. М., 1872, вып. II, с. 97, 99; *Толстова Л. С.* Каракалпаки за пределами..., с. 214—215.

[43] Материалы Всероссийских переписей 1920 т.: Перепись населения Туркестанской республики. Ташкент: ЦСУ Туркреспублики, 1924. Ч. 1. Поселенные итоги, вып. V. Поселенные итоги Самаркандской обл., с. 40; *Зарубин И. И.* Население Самаркандской области. Л.: Изд-во АН СССР, 1926, с. 17—18.

[44] *Толстова Л. С.* Каракалпаки за пределами..., с. 214—215; Этнографические очерки узбекского сельского населения, с. 44.

[45] См. статью Л. Ф. Моногаровой в настоящем сборнике, с. 125.

[46] *Моногарова Л. Ф.* Преобразования в быту и культуре припамирских народностей. М.: Наука, 1972, с. 13, 14.

[47] Там же, с. 158.

[48] Там же, с. 160—161. См. также статью Л. Ф. Моногаровой в настоящем сборнике.
[49] См.: Атлас Таджикской ССР (Душанбе; Москва, 1968).
[50] *Моногарова Л. Ф.* Преобразования..., с. 167—168.
[51] *Гарданов В. К., Долгих Б. О., Жданко Т. А.* Основные направления этнических процессов у народов СССР.— СЭ, 1961, № 4, с. 14.
[52] *Винников Я. Р.* Родо-племенной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии.— В кн.: Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. М.: Изд-во АН СССР, 1956, т. I; *Абрамзон С. М.* Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии.— В кн.: Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. М.: Изд-во АН СССР, 1960, т. IV.
[53] Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. IV, с. 284.
[54] Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года, с. 206—208; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. IV, с. 284.
[55] Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. IV, с. 11.
[56] Народы Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1963, т. II, с. 527—542. (Сер. «Народы мира»).
[57] Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. IV, с. 223, 284.
[58] Современные этнические процессы в СССР, с. 504; *Козлов В. И.* К вопросу об изучении этнических процессов у народов СССР: (Опыт исследования на примере мордвы).— СЭ, 1961, № 4, с. 63—73; и др.
[59] Многие узбеки, туркмены, киргизы, таджики, каракалпаки свободно владеют языками соседних народов: около 1% узбеков — таджикским, 0,4 — туркменским, 15,5 — русским и 3,3% — другими языками; 0,6% туркмен — узбекским, 15,4 — русским и 1,3% — другими языками; 19,1% киргизов — русским и 3,3% — другими языками; 14,8% таджиков — русским, 6,8 — узбекским и 2,1% — другими языками. См.: *Зинченко И.* О национальном составе..., с. 19—20; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. IV, с. 202, 284, 295, 306.
[60] Современные этнические процессы в СССР, с. 475.
[61] Там же, с. 460, 464, 468.
[62] Госархив Чарджоуского горзагса за 1967 г.
[63] *Бромлей Ю. В.* Этнос и эндогамия.— СЭ, 1969, №6, с. 87.
[64] *Исупов А. А.* Национальный состав..., с. 38, 41—42; *Евстигнеев Ю. А.* Динамика межэтнических браков в среде населения северного Казахстана: Автореф. канд. дис. М., 1973, с. 21—22.
[65] *Терентьева Л. Н.* Определение своей национальной принадлежности подростками в национально-смешанных семьях.— СЭ, 1969, № 3, с. 24—29; *Она же.* Некоторые стороны этнических процессов в Поволжье, Приуралье и на Европейском Севере СССР.— СЭ, 1972, № 2, с. 50; *Бромлей Ю. В.* Этнос и эндогамия, с. 87; *Евстигнеев Ю. А.* Динамика..., с. 22—23; *Сергеева Г. А., Смирнова Я. С.* К вопросу о национальном самосознании городской молодежи.— СЭ, 1971, № 4, с. 87—92; Современные этнические процессы в СССР, с. 460—483.
[66] Об этом, например, см.: Современные этнические процессы в СССР, с. 191—192, 204, 213, 215—216, 218 и др.
[67] Там же, с. 366—367, 370.
[68] Там же, с. 374—375
[69] Там же, с. 500—533; *Наулко В. И.* Развитие межэтнических связей на Украине. Киев: Наук. думка, 1975, с. 132—156; *Вахабов В. Г.* Формирование узбекской социалистической нации; *Шаниязов К. Ш.* Этнический состав узбеков и консолидация в социалистическую нацию.— В кн.: Труды VII МКАЭН. М.: Наука, 1970, т. 10, с. 111—116; *Васильева Г. П.* Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане. М.: Наука, 1969, с. 369—388; и др.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ У КОРЕЙЦЕВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

Р. Ш. Джарылгасинова

Общая численность корейцев, проживающих на территории Советского Союза, по данным переписи 1970 г.,—357 507 человек (табл. 1, с. 10) [1]. Согласно материалам переписи 1959 г., в СССР проживало 313 735 корейцев. Бóльшая часть их сосредоточена в пределах Средней Азии и Казахстана. В 1970 г. в Узбекской ССР насчитывалось 147 538 корейцев, или 1,3% по отношению ко всему населению республики; в Казахской ССР —81 598 человек, или 0,6% по отношению ко всему населению республики (табл. 2, с. 13). В других среднеазиатских республиках корейцев насчитывается: в Киргизской ССР — 9404 (табл. 22, с. 284); в Таджикской ССР —8490 (табл. 24, с. 295); в Туркменской ССР 3493 (табл. 27, с. 306). Много корейцев проживает в пределах РСФСР —101 369 (табл. 5, с. 44), в том числе: в Сахалинской обл.—35 396 (табл. 6, с. 114); в Хабаровском крае —19 249 (табл. 6, с. 74); в Приморском крае —8003 (табл. 6, с. 70); в Камчатской обл. —2484 (табл. 6, с. 91); в Ростовской обл. —4966(табл. 6, с. 114); в Кабардино-Балкарской АССР —3773 (табл. 6, с. 135); в Северо-Осетинской АССР —2521 (табл. 6, с. 142).

Среди многонационального населения Средней Азии и Казахстана корейцы представляют собой наиболее поздний этнический компонент. Первые семьи корейцев приехали сюда в середине 20-х годов. В 1924 г. под Ташкентом была создана первая корейская сельскохозяйственная артель. По данным переписи, в 1939 г. в республиках Средней Азии и Казахстана насчитывалось 182 тыс. корейцев [2].

В настоящее время корейцы компактными группами проживают в Ташкентской—73 349 (табл. 12, с. 218), Сырдарьинской — 11 661 (табл. 12, с. 217), Самаркандской —7708 (табл. 12, с. 215), Ферганской —6438 (табл. 12, с. 220) областях Узбекской ССР; Кзыл-Ординской —13 429 (табл. 14, 241), Талды-Курганской — 12 514 (табл. 14, с. 247), Чимкентской —9862 (табл. 14, с. 251), Джамбульской — 8228 (табл. 14, с. 237), Алма-Атинской —4391 (табл. 14, с. 233) областях Казахской ССР.

Особенностью современного размещения корейцев в республиках Средней Азии и Казахстана является преобладание городского населения. Так, по данным переписи 1970 г., из 147 тыс. корейцев Узбекской ССР более 85 тыс. человек проживало в го-

родах (табл. 11, с. 202, 205); из 81 тыс. корейцев Казахской ССР более 59 тыс. человек составляли городское население (табл. 13, с. 223, 226). Много корейцев живет в столицах союзных республик, в областных и районных центрах. Например, в Ташкенте в 1970 г. проживало 18 186 корейцев (табл. 12, с. 218), в Алма-Ате —6908 (табл. 14, с. 233), во Фрунзе —4095 (табл. 14, с. 209), в Душанбе — 3280 (табл. 14. с. 299),

Увеличение числа городского населения, несомненно, способствует интенсивности этнических процессов в среде корейцев, проживающих в республиках Средней Азии и Казахстане.

Сложная многовековая история корейского народа, а также современные этнические процессы, характерные для корейцев, живущих в СССР, нашли отражение в этнонимии. Корейцы, живущие в Советском Союзе, сохраняют в качестве самоназвания один из древних этнонимов — *корё сарам* (люди страны Корё). Он восходит к наименованию страны в период правления династии Корё (X—XIV вв.), правители которой наследовали его от древнего государства Когурё (I в. до н. э.—VII в.). Как название и самоназвание корейцев этот этноним в различных фонетических вариантах сохранялся очень долго.

Среди корейцев Средней Азии и Казахстана широко бытует и другой этноним — *чосон сарам* (люди страны Чосон,) который является основным для населения Кореи [3]. В последние десятилетия корейское население Советского Союза стало почти повсеместно использовать в качестве самоназвания этноним *корейцы*, под которым они известны русским с XVIII в.

После Великой Октябрьской социалистической революции возник и постепенно утвердился этноним *советские корейцы* — как в форме самоназвания, так и в качестве широко распространенного наименования. Этноним *советские корейцы* как обозначение корейцев, проживающих в Советском Союзе, в отличие от корейцев, живущих в Корее, а также в других странах (Китай, Япония, США), уже давно имеет хождение в быту. В этом широко распространенном понятии, как в фокусе, отразились огромные перемены в быту и сознании, в экономической, политической и культурной жизни корейского народа, связавшего свою судьбу с другими народами Советского Союза. И поэтому нам представляется, что этноним *советские корейцы* наиболее полно выражает результат многогранного и сложного процесса создания и формирования новой этнической общности. Именно в этом смысле этноним *советские корейцы* был использован в монографии Ким Сын Хва «Очерки по истории советских корейцев», хотя автор и не разбирал специально содержание этого термина.

Начало антрополого-этнографическому изучению корейцев Средней Азии и Казахстана было положено М. Г. Левиным. В 1946 г. Среднеазиатская антропологическая экспедиция под его руководством обследовала около 700 корейцев, проживавших в сельской местности близ городов Самарканда, Ташкента и Кзыл-

Орды [4]. Материалы и выводы, полученные на основании работ этой экспедиции, были опубликованы М. Г. Левиным в небольшой по объему, но очень интересной статье «Антропологический тип корейцев» [5].

В связи с подготовкой коллективом Института этнографии многотомной серии «Народы мира» и, в частности, томов «Народы Средней Азии и Казахстана» в 1957 и 1959 гг. силами участников Среднеазиатской энтографической экспедиции были проведены полевые работы среди корейцев Средней Азии и Казахстана. В первую очередь исследования охватили районы компактного расселения корейцев: Ташкентскую, Ферганскую, Кзыл-Ординскую и Талды-Курганскую области, города Ташкент, Кзыл-Орда, Фергана, а также районы, где корейцы живут чересполосно с другими среднеазиатскими народами,— Кунградский р-н Каракалпакской АССР, а несколько позднее (в 1961 г.) — Пастдаргомский р-н Самаркандской обл. Материалы этих экспедиций были опубликованы частично в виде отдельных статей [6] и послужили источником для раздела «Корейцы» (автор Ю. В. Ионова) в томе «Народы Средней Азии и Казахстана» (серия «Народы мира. Этнографические очерки») [7]. В 50-е годы началось систематическое изучение фольклора корейцев Средней Азии и Казахстана (А. Н. Ли, В. П. Пак). В. П. Пак во время экспедиций в Алма-Атинскую (1962 г.) и Кзыл-Ординскую (1963 г.) области собрал и записал более 100 сказок. Пути взаимодействия корейского языка с языками соседних народов (прежде всего с русским и узбекским) прослежены в работах лингвистов — М. А. Хэгая [8] и О. М. Ким [9].

Было обращено также внимание на синтез традиционного и нового в современном быту корейцев [10]. Специфические черты этого быта были частично прослежены на примере форм хозяйства, материальной культуры, а также семейной обрядности [11] и антропонимии [12].

В настоящее время особую актуальность приобретает изучение этнических процессов, протекающих в среде корейского населения Средней Азии и Казахстана. Выявление основных тенденций этих процессов и посвящена данная статья. В ее основу положены полевые материалы, собранные автором во время экспедиций и командировок к корейцам, проживающим в Каракалпакской АССР (совхоз «Раушан» Кунградского р-на, 1959 г.), в Узбекской ССР (поселок Чархин Самаркандской обл., 1961 и 1969 гг.; Ташкент, колхоз им. Димитрова Нижнечирчикского р-на, 1967 г.), в Казахской ССР (Кзыл-Орда, 1967 г.; Алма-Ата и Целиноград, 1974 г.).

Основные элементы корейской национальной культуры складывались в течение нескольких тысячелетий. На их формирование оказали влияние как различные этнические компоненты, принимавшие участие в этногенезе корейского народа, так и социально-экономическая, политическая и культурная история, а также и географическая среда.

В середине XIX в., когда первые группы корейских крестьян начали переселяться на русский Дальний Восток [13], в самой Корее еще значительны были культурно-бытовые и языковые различия среди представителей отдельных провинций и областей. Хотя основную массу среди переселившихся корейцев составляли выходцы из северных провинций, большое число корейцев прибывало морским путем и из южных областей Кореи [14]. Это накладывало определенный отпечаток на этнические процессы, протекавшие в среде корейцев, которые связали свою судьбу с судьбой России. К сожалению, этот вопрос еще не изучен ни в историческом, ни в этнографическом плане, поэтому нам бы хотелось обратить внимание на этот фактор и подчеркнуть, что стирание локальных особенностей в быту и культуре представителей отдельных групп, связанных в своем происхождении с различными областями и провинциями Кореи, сыграло немаловажную роль в формировании этнической общности советских корейцев. Интересно отметить, что в ходе полевых работ среди корейцев Средней Азии и Казахстана В. П. Паком были зафиксированы и ныне бытующие диалектальные различия в языке потомков выходцев из провинций Северная Хамгён и Северная Пхёнан и даже среди представителей отдельных уездов северных провинций [15].

Изучение истории советских корейцев показывает, что еще в бытность их проживания на русском Дальнем Востоке начался процесс сближения корейцев с русским населением. Изучение русского языка, восприятие отдельных элементов русского городского быта особенно интенсивно происходило у тех групп корейцев, которые проживали в городах и пригородных поселках.

После Октябрьской революции, в ходе гражданской войны, в годы первых пятилеток, закладывались основы для формирования новой этнической общности — советские корейцы.

Процесс сближения корейцев с соседними народами особенно интенсивно протекал после их переселения на территорию Средней Азии и Казахстана. На первых порах для корейцев, которые до того времени не были связаны со среднеазиатской историко-этнографической областью ни этнографически, ни лингвистически, средством для контактирования с местным населением служили русский язык и русская культура, к которым они приобщались еще в период их проживания на советском Дальнем Востоке.

В настоящее время для этнического развития корейцев Средней Азии и Казахстана характерны три основные тенденции: первая — развитие национальных традиций, вторая — дальнейшее восприятие русского языка и русской культуры и третья — усвоение культуры народов Средней Азии и Казахстана и отдельных элементов среднеазиатского быта. На современном этапе каждая из этих тенденций, имеющая свои исторические корни, развивается своими темпами и по-разному проявляется в материальной и духовной культуре корейцев Средней Азии и Казахстана.

Братское сотрудничество и взаимопомощь, сплочение и сближение наций наиболее интенсивно происходят в сфере материального производства.

Значительная масса корейского населения Средней Азии и Казахстана занята в сельском хозяйстве. В направлении сельскохозяйственной деятельности сказываются многовековые традиции корейских земледельцев-рисоводов. В условиях Средней Азии и Казахстана корейцам-рисоводам нередко принадлежит важная и почетная роль пионеров целины. Когда здесь поднимают целину для того, чтобы вымыть соль из почвы, сначала культивируют поливной рис. Затем на этих землях выращивают джугару, и лишь через несколько лет земля считается пригодной для возделывания хлопка. Поэтому не случайно, что во многих крупных рисоводческих хозяйствах Средней Азии и Казахстана значительная роль принадлежит корейцам. Они, как правило, руководят рисоводческими бригадами или звеньями в многоотраслевых колхозах [16]. Многие корейские рисоводы принимали и принимают участие в улучшении имеющихся и выведении новых сортов риса. Так, заслуга выведения сорта риса «политотдельское кенде» принадлежит одному из организаторов колхоза «Политотдел» Ким Сек-пому (1890—1969) [17].

Несмотря на широкое использование машин (тракторов, палоделателей, молотилок, зерноочистительных машин и механических рисорушек), рис все еще остается очень трудоемкой культурой. Для выполнения некоторых сельскохозяйственных работ корейцы используют как национальные орудия (различных размеров серпы — *нат*, мотыги — *хоми*, крупорушки — *пан* и др.), так и среднеазиатские (кетмени, лопаты, серпы). Эти же сельскохозяйственные орудия широко используются для обработки приусадебных участков, на которых корейцы выращивают виноград, персики, яблоки, урюк, вишни, кукурузу, баклажаны, кочанную и листовую капусту, сою, фасоль, перец, укроп, чеснок, огурцы, помидоры, дыни, арбузы, картофель, подсолнухи и многое другое.

При обработке земли на приусадебных участках применяется грядковая система. Хотя корейцы и сами прекрасные садоводы, они нередко обращаются за помощью и советом к узбекам. Так, осенью для обрезания и укрытия винограда каждая корейская семья приглашает опытного узбека-виноградаря.

В районах компактного расселения корейцев за прошедшие четыре десятилетия выросли передовые хозяйства. Многонациональные по своему составу (например, в колхозе «Политотдел» трудятся представители тринадцати национальностей), они благодаря преобладанию в них корейского населения нередко называются «корейскими». Наиболее известные среди них колхозы «Политотдел», им. Ким Пёнхва («Полярная звезда»), «Правда», им. Димитрова, им. Свердлова, «Ленинский путь» Ташкентской обл., колхозы «Авангард», «III Интернационал» Кзыл-Ординской обл., «18 лет Казахстана» Целиноградской обл., совхоз «Куста-

найский» Кустанайской обл., совхоз «Раушан» Каракалпакской АССР и многие, многие другие. В этих передовых хозяйствах корейцы вместе с представителями других национальностей (узбеками, казахами, таджиками, татарами, русскими) занимаются хлопководством, возделыванием лубяных культур (кенаф), выращиванием кукурузы и сахарной свеклы (рис. 1). Все больше корейцев занимается животноводством.

Из среды корейцев выдвинулось много известных всей стране руководителей сельского хозяйства. Так, например, более тридцати лет руководил колхозом «Полярная звезда» Ташкентской обл. дважды Герой Социалистического Труда Ким Пёнхва (1905—1974) [18]. В ознаменование выдающихся заслуг Ким Пёнхва на центральной площади колхоза был установлен его бронзовый бюст. Для увековечения памяти Ким Пёнхва ЦК КП Узбекистана и Совет Министров Узбекской ССР 27 июля 1974 г. принял решение о переименовании колхоза «Полярная звезда» в колхоз им. Ким Пёнхва. Имя Ким Пёнхва было присвоено школе в поселке Туябугуз Среднечирчикского р-на, а также одной из улиц Ташкента [19].

Более двадцати лет возглавляет колхоз «Политотдел» Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета Узбекской ССР Хван Ман Гын (Тимофей Григорьевич). Во главе колхоза «III Интернационал» Кзыл-Ординской обл. стоит Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета Казахской ССР

Рис. 1. На колхозном поле. Вязка луба (колхоз «Политотдел»)

Цхай Ден Хак, а Герой Социалистического Труда, депутат III Всесоюзного съезда колхозников Кан Де-Хан руководит колхозом «18 лет Казахстана».

Совместный творческий труд корейцев, узбеков, казахов, русских, таджиков, татар и представителей других народов способствует быстрому процессу взаимовлияния и взаимопроникновения культур.

Особенно ярко это проявляется в материальной культуре корейцев Средней Азии и Казахстана.

Современное корейское сельское жилище представляет собой синтез традиционных и среднеазиатских элементов с достижениями строительной техники. Дома корейцев, как правило, возводятся по типовым проектам, разработанным советскими архитекторами для того или иного района Средней Азии или Казахстана с учетом местных условий и традиций (рис. 2). В местах компактного расселения корейцев дома чаще всего возводятся строительными бригадами. У народов Средней Азии, и прежде всего у узбеков, были заимствованы приемы строительства домов с глинобитными стенами или стенами из саманного кирпича — приемы, с которыми корейцы до переселения на территорию Средней Азии и Казахстана не были знакомы, так как традиционное корейское жилище (в отличие от среднеазиатского жилища с несущими стенами) относится к каркасно-столбовым постройкам. В наши дни жилище корейцев представляет собой, как правило, двух- или четырехка-

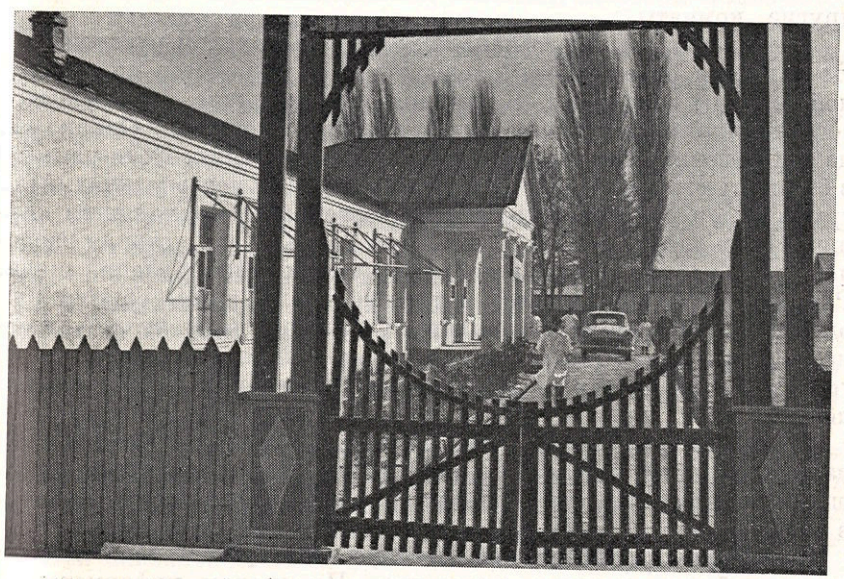

Рис. 2. Ворота традиционной формы около здания больницы в колхозе «Политотдел»

мерную прямоугольную в плане постройку из сырцового кирпича, с большими, обращенными на улицу окнами, с двух- или четырехскатной крышей, крытой шифером или железом, с открытой во двор верандой. В зависимости от местных условий меняется строительный материал. Так, например, в Каракалпакской АССР в конце 50-х годов по типовым проектам строились дома, стены которых были возведены из камышитовых плит (совхоз «Раушан», Кунградский р-н) [20].

Широко используя среднеазиатскую строительную технику и местные материалы при устройстве отопления в жилище, корейцы следуют национальным или русским традициям. Иногда эти две тенденции совмещаются. Национальным своеобразием отличается корейская традиционная система отопления *кудур* или *ондоль* (теплый пол) — древнейший, самобытный способ корейского национального отопления. Основной принцип устройства *кудур* сводится к следующему: от топки печи, расположенной ниже уровня пола комнаты, отведены три или пять головных каналов; от них идут более мелкие трубы или просто углубления на дне каменной кладки. По каналу и трубам растекаются огонь и дым очага, обогревающие пол. У противоположной торцовой стены комнаты все трубы соединяются в отводной канал. Перед выводом дымохода на улицу в земле делают вытяжную яму. Наружная труба отводного канала помещается на некотором расстоянии от дома. Однако сейчас нередко отводной канал бывает связан с дымоходом русской плиты или голландки, которыми отапливаются другие комнаты.

Соединение отводного канала *кудур* с дымоходом русской плиты является своеобразным новшеством в устройстве национальной системы отопления. Благодаря ему частично отапливаются соседние комнаты и уменьшается опасность пожаров. Однако это не единственное изменение в устройстве отопления. Если раньше, в бытность свою на Дальнем Востоке, корейцы часто выкладывали трубы *кудур* из камней, то сейчас повсеместно применяется кирпич. Изменился внешний облик и той части *кудур*, которая расположена над самой топкой и является местом приготовления пищи. Раньше здесь вмазывались чугунные котлы *кама*, обычно или один большой, или два маленьких. Сейчас эта часть *кудур* устроена, как и русская плита, поэтому можно приготовлять пищу не только в котлах, но в современной алюминиевой и эмалированной посуде.

Кудур строят иногда сами хозяева, иногда мастер — кореец из строительной бригады. Строительство хорошего *кудур* — большое искусство, и настоящие мастера своего дела высоко ценятся в народе.

Корейская отопительная система пользуется известностью среди узбеков, казахов, таджиков. По словам информаторов, иногда они просят корейцев построить в их домах *кудур*.

Наличие или отсутствие в доме *кудур* оказывает огромное влия-

ние на весь уклад домашней жизни корейской семьи. Если в доме есть *кудур*, то комната с теплым полом становится тем своеобразным центром дома, где протекает обычно вся жизнь членов семьи, несмотря на наличие других комнат. Здесь проводят свой досуг старики; здесь хозяйка готовит пищу; здесь обедают, принимают гостей. Здесь установлены радиоприемники, телевизоры: в этой же комнате спят, расстелив на циновках тонкие матрацы и положив под голову продолговатые подушки — *пэгэ*; здесь школьники готовят уроки, играют дети, отдыхают старшие. Пол в комнате с *кудур* содержится в большой чистоте, входящие в дом обязательно снимают обувь. Никакой мебели, кроме небольших шкафчиков, в этой комнате обычно нет. Вдоль стен укладывают сложенные стопками постельные принадлежности (одеяла, подушки, матрацы), а иногда и чемоданы.

Другие комнаты дома, имеющие наряду с корейскими названиями и русские — «зал», «спальня», «детская» — обставляются городской мебелью.

В «современных» комнатах живут старшие дети, студенты, школьники старших классов или женатый сын со своей семьей. Особенно интенсивно используется жилая площадь этих комнат в тех случаях, когда в доме нет *кудур*. В домах, где его нет, сейчас все чаще входят в обиход домашние туфли. Пол в доме по-прежнему содержится в большой чистоте. В жилых комнатах деревянные полы красят или покрывают линолеумом. Распространены матерчатые и ковровые дорожки. Большой любовью пользуются среднеазиатские ковры, кошмы, которыми корейцы украшают интерьер своих жилищ. Изготовляемые корейцами соломенные циновки используются и узбеками, казахами, таджиками.

Интерьер дома корейской семьи, в котором нет *кудур*, по своей планировке, обстановке и убранству ничем не отличается от интерьера русского городского дома. И все же при пристальном изучении быта корейской семьи можно обнаружить много интересных деталей, в которых проявляются обычаи и традиции, связанные с жизнью в доме, отопляемом по-корейски. Кореянки укладывают одеяла и подушки на кровати по-старинному, в стопку. В стопку устанавливаются и чемоданы. Несмотря на наличие в доме табуреток и стульев, кореянки обычно предпочитают стирать на полу, присев при этом на корточки. На полу умываются из таза, занимаются мелкими домашними делами. При входе в дом по-прежнему снимают уличную обувь.

В тех районах, где корейцы живут сравнительно небольшими группами, они часто приобретают дома у узбеков, таджиков или русских. К таким домам они позднее делают пристройки, в которых устраивают *кудур*. С течением времени эти пристройки становятся наиболее жилыми и любимыми помещениями.

Таким образом широко заимствуя основные строительные приемы у среднеазиатских народов, корейцы сохраняют свою традиционную систему отопления. В отдельных случаях *кудур*

сочетается с русской печкой — голландкой или плитой. В интерьере жилища корейцев Средней Азии и Казахстана преобладают черты русского городского дома (характер мебели и ее расположение). Только в комнатах с *кудур* более стойко сохраняется традиционная мебель, которая в наши дни дополняется радиоприемниками, телевизорами, швейными машинками. Дома, как правило, электрифицированы, обеспечены водопроводом и газом.

Особо хочется отметить то, что многие корейские колхозы превратились в настоящие социалистические сельскохозяйственные города с асфальтированными улицами, благоустроенными домами, магазинами, больницами, дворцами культуры, домами бракосочетания, гостиницами (рис. 3). Не случайно советский писатель Валентин Овечкин, например, неоднократно бывал в колхозе «Политотдел» и мечтал написать о нем. А. Т. Твардовский в статье, посвященной памяти В. В. Овечкина, писал в 1968 г.: «Смерть застала его за подготовкой к задуманной им большой работе о знаменитом в Узбекистане совхозе «Политотдел», о котором он с восхищением говорил в своих письмах»[21]. Вот строки из письма Валентина Овечкина одному из своих друзей: «„Политотдел“ — это уже настоящий сельскохозяйственный город. Это даже слабо сказано. Далеко не в каждом рабочем поселке или городе найдешь такой материальный уровень, культуру быта и производства, такую жизнь, как в этом колхозе. И такими могут, должны стать все хозяйства»[22].

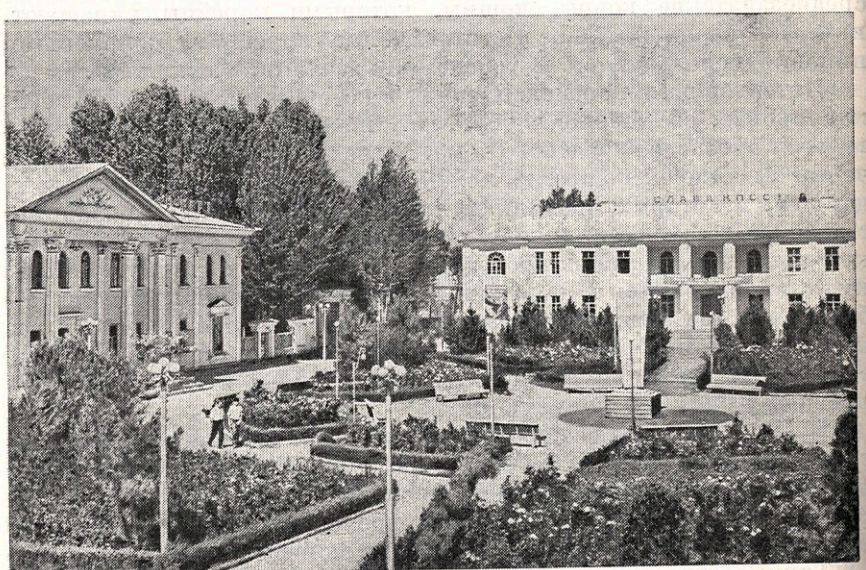

Рис. 3. Центральная усадьба колхоза им. Димитрова Ташкентской обл.

В наши дни в колхозе «Политотдел» 8 школ, медицинский городок, 10 детских садов и яслей, Дворец культуры, кинотеатр, 4 клуба, торговый центр, много магазинов, столовые, ресторан, гостиница, дом отдыха. В декоре и архитектурном национальном своеобразном облике отдельных общественных зданий подчеркивается и воспевается идея дружбы народов. Интересно решены скульптурные группы, венчающие фронтон Дворца культуры (центральная усадьба). В центре — три стоящие фигуры: кореянка, узбек и русский в национальных костюмах; справа — скульптура, изображающая узбека, бьющего в бубен; слева — кореянка в национальной одежде перебирает струны *каягыма*. Старинную корейскую многоярусную пагоду напоминает своими очертаниями здание ресторана «Куксу» (центральная усадьба). В новой большой гостинице ряд комнат оборудован в национальном стиле.

Культурные и этнические контакты корейцев Средней Азии и Казахстана с соседними народами нашли свое отражение и в одежде. Прежде всего необходимо отметить влияние общесоветской городской культуры. В наши дни в сельской местности, и в городах корейцы носят модную современную одежду — покупную или сшитую из покупных тканей. Мужчины предпочитают костюмы из тканей светлых тонов. Возможно, это связано с тем, что в традиционной народной одежде корейцев белый цвет был преобладающим и наиболее любимым. Молодые женщины и девушки носят штапельные, шелковые и шерстяные платья модных фасонов. Детям школьного возраста покупают форменную одежду. В то же время в сельской местности под влиянием узбеков и таджиков кореянки носят платья узбекского покроя. Большим спросом пользуются шелковые ткани с национальным узбекским орнаментом. Девочки школьного возраста носят под платьем длинные шальвары. У мужчин пользуются любовью среднеазиатские тюбетейки.

Вместе с тем во многих семьях сохраняются отдельные предметы корейского национального костюма. Женщины пожилого возраста носят корейские юбки *чхима* и кофты *чогори*. Широко бытует корейская безрукавка *тынгори*, которую носят и мужчины, и женщины. Новым в покрое *тынгори* являются накладные карманы и фабричные пуговицы. Национальный костюм женщины надевают в дни больших семейных праздников: в день празднования годовщины со дня рождения ребенка, во время свадьбы, в день 60-летия.

Большинство кореянок носят косы, девушки убирают волосы в две косы, молодые и пожилые женщины укладывают косы в пучок. Сейчас рапространены современные стрижки и прически. В отличие от узбечек, таджичек, казашек молодые кореянки обычно ходят с открытой головой, только во время работы в поле покрывают голову платком, завязанным сзади; в зимнее время (под влиянием русских) распространено ношение пуховых и шерстяных платков.

В отличие от среднеазиатских народов кореянки почти не носят украшений.

Мужчины отдают предпочтение фетровым и соломенным шляпам современных фасонов, распространены фуражки и кепки. Во время работы в поле от солнца они прикрывают голову большими 6—8-гранными корейскими соломенными шляпами — *кат*.

За прошедшие десятилетия в результате тесного повседневного общения с соседними народами значительно расширился состав пищи корейцев Средней Азии и Казахстана. Как известно, традиционная корейская пища отличается большим своеобразием. До настоящего времени основным блюдом является сваренный без соли рис — *пап*, который едят три раза в день. Обычной приправой к рису служит *чан* — кашицеобразное блюдо из сои — или *канчан* — жидкая соя. Широко распространенной приправой к рису служат различные соленья и маринады — *кимчи*. Кимчи приготовляют прежде всего из капусты, а также из лука, помидоров, огурцов, дынь. Из овощей (капусты, моркови, картофеля, баклажанов и др.) корейские хозяйки готовят и горячие острые блюда — *чхэ*. Разнообразен ассортимент блюд из курятины. В отличие от многих народов Средней Азии и Казахстана корейцы широко употребляют в пищу свинину. Большой любовью пользуется *куксу* — вид корейской лапши, приготовляемой из пресного теста. Куксу подают к столу в мясном бульоне, куда добавляют куски мяса. Из других кушаний наиболее распространено *хве* — блюдо, приготовленное из сырой рыбы или мяса.

Сейчас в пищевой рацион корейцев все больше входят хлеб, молочные продукты, масло, в прошлом отсутствовавшие в их питании. Хлеб наряду с рисом в наши дни подается к столу при каждом приеме пищи. Корейцы, проживающие в Средней Азии и Казахстане, под несомненным влиянием местного населения стали пить много чая [23]. Спросом пользуется и зеленый, и черный чай. Подобно узбекам и казахам, корейцы подают чай перед началом еды. Непременным блюдом повседневного и праздничного стола корейцев стали пловы, шурпа, куксу с бараниной. Употребляют корейцы и узбекские лепешки. Более того, названия некоторых среднеазиатских блюд вошли в словарный состав языка советских корейцев, например такие, как «плов», «самса», «манты» [24]. В то же время во многих узбекских и казахских семьях начинают по корейскому рецепту приготовлять *кимчхи* и *куксу*.

В сельской местности сохраняется традиционный режим питания. Обычно пищу принимают три раза в день. В домах, где есть *кудур*, корейцы едят за низеньким столом *папсан*. Там, где нет корейской отопительной системы, едят за обычным высоким столом — как правило, на кухне которая является для членов семьи и столовой. Сваренный на пару́ рис (*пап*) и все приправы к нему подаются в мисках или пиалах. Перед каждым обедающим ставится пиала с сырой холодной водой, в которую иногда кладут

рис. Палочки для еды совершенно вышли из употребления. Супы корейцы обычно едят в завтрак и в ужин. Наряду с «корейскими» супами, приготовляемыми из жидкой сои, кореянки сейчас нередко варят борщи и супы на мясном бульоне. Еду готовят в чугунных котлах, вмазанных в топку *кудур*. Там, где *кудур* нет, используют газ, керосинки, керогазы, примусы.

В современной материальной культуре корейцев Средней Азии и Казахстана можно выделить три основных направления ее развития: сохранение традиционных компонентов (например, вид отопления жилища в сельской местности, праздничная и обрядовая одежда жещин, состав пищи и режим питания); широкое усвоение общесоветской городской культуры, обычно воспринимаемой корейцами как русской; восприятие отдельных элементов материальной культуры народов Средней Азии и Казахстана. Особо необходимо отметить, что, сохраняя и развивая национальные традиции, корейцы вносят свой вклад в обогащение общесоветской культуры. В сфере материальной культуры это проявляется в популярности некоторых видов корейского ремесла (плетение циновок), отдельных блюд национальной корейской кухни (*куксу*, *кимчхи*), в ношении корейских соломенных шляп и т. д.

Основные направления этнических процессов нашли отражение и в различных сферах духовной культуры корейцев Средней Азии и Казахстана.

Корейцы Средней Азии и Казахстана в своей основной массе двух- или трехъязычны. Для подавляющего большинства родным языком является корейский. Так, по данным переписи 1970 г., в Узбекской ССР из 147 538 человек назвали родным языком корейский 108 483 человека (табл. 11, с. 202); в Казахской ССР из 81 598 человек назвали родным языком корейский 52 218 человек (табл. 13, с. 223); в Киргизской ССР из 9404 человек — 6067 человек (табл. 22, с. 284); в Таджикской ССР из 8490 человек — 5825 человек (табл. 24, с. 295); в Туркменской ССР из 3493 человек назвали родным языком корейский 2549 человек (табл. 27, с. 307).

В районах компактного расселения корейцев в школах преподается корейский язык. Преподавателей корейского языка для таких школ готовит Ташкентский пединститут. На корейском языке издается с 1938 г. газета «Ленин кичхи» («Ленинское знамя»), которая с 1960 г. является межреспубликанской (Алма-Ата). В газете имеются отделы: партийной жизни, пропаганды, экономики, культуры и быта, международной информации, литературы и искусства, писем. Два раза в месяц газета дает литературную страницу, на которой со своими произведениями выступают советские корейские писатели.

Многие выписывают также издаваемую на корейском языке в Южно-Сахалинске с 1949 г. газету «Ленин-ы кильло» («По ленинскому пути»), а также издаваемые в Москве на корейском языке журналы «Советская женщина» и «Советский Союз», регуляр-

но слушают передачи на корейском языке, транслируемые радиовещанием Москвы, Ташкента, Алма-Аты.

В жизни корейского населения Средней Азии и Казахстана все бóльшую роль играет русский язык. Можно без преувеличения сказать, что почти все корейцы, за исключением глубоких стариков и детей дошкольного возраста, знают русский язык. Корейские дети, как правило, обучаются в русских школах. Данные переписи 1970 г. свидетельствуют о том, что для значительной части корейцев русский язык сегодня является родным. Причем число лиц корейского происхождения, считающих русский язык своим родным языком, значительно больше в городе, чем в сельской местности. Так, например, в Узбекистане из 147 538 человек считают родным языком корейский язык 108 483 человека, а 38 973 человека считают родным языком русский; в том числе из 85 417 человек, живущих в городах, считают родным языком корейский 57 988 человек, а 27 380 человек считают родным языком русский; из 62 121 человека, живущего в сельской местности, считают родным языком корейский 50 495 человек, а 11 593 человека считают родным языком русский (табл. 11, с. 203, 205, 208).

О возрастающей роли русского языка свидетельствуют и данные о том, что для многих корейцев он выполняет функции «второго языка». Вот некоторые примеры: в Узбекистане из 147 583 корейцев 78 521 человек назвали русский язык своим вторым языком (табл. 11, с. 202); в Казахстане соответственно из 81 598 человек — 43 514 человек (табл. 13, с. 223); в Киргизии из 9404 человек — 5243 человека (табл. 22, с. 284); в Таджикистане из 8490 человек — 4862 человека (табл. 24, с. 295); в Туркмении из 3493 человек — 1842 человека (табл. 27, с. 307). Кроме того, наблюдается влияние русского языка и на корейский язык в области словарного состава, терминологии и синтаксиса.

Этнографические наблюдения говорят о том, что большинство представителей среднего и младшего поколений свободно владеют разговорным узбекским или казахским языком, который они изучают в средней школе. Часто можно наблюдать, как корейцы в разговоре быстро переходят с одного языка на другой. Многолетняя совместная работа и жизнь способствует тому, что и узбеки, и казахи в некоторых местностях овладевают навыками разговорного корейского языка. Об этом прежде всего говорят полевые наблюдения. Особенно это характерно для представителей тех поколений, которые вместе росли, учились, живут и работают бок о бок.

Этнолингвистические процессы у корейцев Средней Азии и Казахстана, как и у других народов Советского Союза [25], нашли отражение и в их антропонимии. Изменения происходят как в составе именника, так и в перемене структуры антропонимической модели.

Ознакомление с антропонимией корейцев, проживающих в республиках Средней Азии и Казахстана, позволяет выделить в ней четыре основных пласта, которые соотносятся один с другим в хронологической последовательности: 1) традиционная корейская антропонимия (с середины XIX в. до 20-х годов XX в.), 2) антропонимия переходного типа с превалированием традиционной (20—30-е годы), 3) антропонимия переходного типа при всевозрастающей роли русского именника (30—60-е годы), 4) утверждение новой антропонимической модели: фамилия (корейская или традиционная либо восходящая к традиционной) + имя (русское или интернациональное) + отчество (восходящее к русскому, интернациональному либо к традиционному имени отца) (60—70-е годы).

Корейская традиционная антропонимическая модель [26] со всеми присущими ей особенностями характерна для представителей старшего и частично среднего поколения. Она состоит из фамилии (*сонъ*) и имени (*мёнъ*, *ирым*), причем фамилия обязательно предшествует имени. Число корейских фамилий ограниченно. Разные исследователи дают разное число — от 180 до 250. Наиболее распространенными фамилиями являются Ким, Ли, Пак Чхве, (Цой). Подавляющее большинство современных корейских фамилий односложны.

Фамилия является наиболее стойким компонентом корейской антропонимической модели. У корейцев Средней Азии и Казахстана нами отмечены следующие фамилии: Ан, Дё, Ем, Кан, Квон, Ким, Кир, Лем, Ли, Лим, Лян, Мун, Нам, Ни, Ним, Нон, Пак, Пан, Пен, Пек, Рем, Сей, Сим, Сон, Тен, Тхя, Тэн, Тю, Тян, Фвон, Хак, Хан, Хен, Хон, Хван, Хвон, Цой, Цхан, Чжан, Шек, Шим, Шин, Эм, Юн. Исследователи (О. М. Ким) уже обращали внимание на известное изменение фамильного фонда корейцев Советского Союза. Частично он происходил и происходит за счет различных (а порой неправильных) форм транскрипций одной и той же корейской фамилии. Например, среди перечисленных фамилий *Лем* и *Рем* представляют собой две транскрипции одного звука (*л* — *р*) и восходят к одному фамильному иероглифическому знаку.

Некоторые из фамилий, по форме очень близкие к исконно корейским, между тем не находят себе аналогий среди традиционных фамильных знаков (например, Дё, Фвон, Сей, Чжэн, Цхан). Их происхождение пока не очень ясно.

В русском окружении у корейцев возникли новые формы фамилий; они создались путем прибавления к фамильному знаку образовательного суффикса *гай*: *Хэ*+*гай* (Хэгай). Нами зафиксированы следующие фамилии данного типа: Агай, Егай, Дигай, Дягай, Когай, Лагай, Магай, Мигай, Нагай, Ногай, Огай, Пегай, Тюгай, Тягай, Хегай, Хэгай, Чагай, Шагай, Шегай, Шигай, Югай.

По мнению О. М. Ким, фамилии этого типа воспринимаются советскими корейцами как самостоятельно существующие от фа-

милии типа Е, Ди, Дя, Ко, О и т. д. Однако в литературных источниках и в ходе полевой работы нами были также зафиксированы случаи, когда один и тот же носитель имени при указании своего корейского имени называл свою фамилию в исконно корейской форме, а при указании русского имени прибавлял к фамилии суффикс *гай*.

Уже в дореволюционный период среди корейского населения, жившего на русском Дальнем Востоке, наблюдались отдельные случаи обращения к русскому именнику. В первую очередь русские имена в качестве официально оформленных получали корейцы, принявшие христианство. Однако число их было невелико.

В ходе полевой работы нам удалось зафиксировать несколько случаев, когда представители старшего поколения имели русские православные имена, данные им при крещении [27].

Необходимость экономического и культурного общения корейцев с русским населением определила появление у корейцев русских имен в качестве «вторых». Более широкое распространение вторые русские имена в среде корейского населения стали получать в ходе совместной борьбы русского и корейского народов за установление Советской власти на Дальнем Востоке, а также в период строительства социализма. В качестве второго имени использовалась иногда конструкция: личное имя + отчество. Однако все-таки наиболее частыми были случаи, когда в качестве второго использовалось только личное имя.

Вторые имена были отражением начавшегося культурного и этнического сближения корейцев с русскими. Изучение русского языка, восприятие отдельных элементов русского быта особенно интенсивно проходило у тех групп корейцев, которые проживали в городах и пригородных поселках. В период, последовавший за переселением корейцев на территорию Средней Азии и Казахстана, русский язык и русская культура были основным средством контактирования корейцев с соседними народами. Поэтому в этот период использование русских имен в качестве вторых приобретает особенно широкий размах. Вот некоторые примеры: рабочий совхоза «Раушан» Кунградского р-на Каракалпакской АССР Ким Тенгвон (р. 1917) имеет русское имя Александр; рабочая того же совхоза Ким Оксун (р. 1926) — имя Ксения [28]; колхозник колхоза «Коммунизм» Самаркандской обл. Цой Инсу (р. 1905) — Сергей [29]; один из организаторов колхоза «Политотдел» Эм Паун был известен также под русским именем Федор Иванович [30] и т. д.

Сфера употребления второго русского имени первоначально ограничивалась областью производственной и общественной деятельности. Таким образом, на этом этапе своего развития и второе имя имело внешний характер. Изучение второго имени у корейцев показывает, что выбор того или иного имени часто носил и носит чисто случайный характер. Правда, в некоторых случаях,

особенно среди интеллигенции, наблюдаются попытки связать второе русское имя с корейским.

Особый интерес представляет тот факт, что, раз возникнув, второе имя (в данном случае русское) представителей старшего поколения закрепляется по русскому образцу в отчестве детей. Это связано с почти повсеместным переходом представителей третьего и четвертого поколений на русские имена.

Начиная с 30—40-х годов наиболее значительным явлением в корейской антропонимии стало массовое использование русских имен в качестве основных, официально зафиксированных.

Ознакомление с материалами показывает, что процесс перехода корейцев на русский именник был сложным явлением в развитии их антропонимии. С одной стороны, мы наблюдаем здесь много общего с тем, как происходили аналогичные процессы у других народов нашей страны. В то же время наблюдается много своеобразных явлений, связанных с обычаями и спецификой традиционного иметворчества. Среди русских имен, воспринятых корейцами, наибольшую группу составляли так называемые календарные имена: женские — Мария, Екатерина, Вера, Надежда, Любовь; мужские — Константин, Михаил, Роман, Александр. Как и все другие народы нашей страны, корейцы пережили период «революционизации» своей антропонимии. Вот некоторые из этих имен: Рева и Люция (имена двух сестер-близнецов), Искра, Майя и т. п. Значительную группу составляют имена иностранного происхождения, но почерпнутые корейцами из русского языка и поэтому воспринимаемые ими как «русские»: Герман, Ада, Алла, Эвелина, Рафаэль, Моисей, Венера.

В современной антропонимии корейцев наблюдается интересное явление, связанное с традиционным иметворчеством. Так, давая своим детям русские имена, корейцы нередко стремятся к тому, чтобы имена детей (иногда только мальчиков, иногда только девочек, иногда и мальчиков и девочек) начинались с одной буквы. Например, в колхозе «Политотдел» в семье колхозников Юн Морбея (р. 1924) и Сон Татьяны (р. 1924) сыновья были названы: Адик (р. 1952), Алик (р. 1954), Арон (р. 1958), Артур (р. 1963); в семье Нам Тимофея (р. 1917) и Пак Чен-хва (р. 1930) дочери были названы: Лариса (р. 1951), Люся (р. 1952), Люда (р. 1954), Люба (р. 1956); в семье Хван Василия (р. 1924) и Ким Зои (р. 1928) дети получили имена: Владик (р. 1947), Валерий (р. 1949), Виталий (р. 1953), Варя (р. 1955), Виссарион (р. 1957), Вера (р. 1959); в семье Хван Михаила (р. 1928) и Хэгай Анны (р. 1930) дети были названы: Ада (р. 1950), Алик (р. 1952), Алла (р. 1955) [31].

Современный обычай давать имена, начинающиеся с одной и той же буквы, восходит к древней корейской традиции, согласно которой представители одного поколения имели одинаковый слог в своих именах. В традиционной антропонимии корейцев этот обычай, связанный с древним учением о цикличности пяти

стихий, получил название «система одинаковых слогов в именах родственников». Подобное явление зафиксировано в антропонимии и других народов мира. В. А. Никонов определил его как «обычай связанных имен» [32], а Л. И. Ройзензон и А. Бобоходжаев — как «антропонимические серии» [33].

Исследователями (Р. Суббаева, Г. Г. Банчиков) зафиксированы случаи переноса этого обычая на русские имена в наши дни у татар Советского Союза и у монголов МНР.

Для изучения антропонимических процессов у корейцев на современном этапе интересно сопоставить данные «Записей актов о рождении за 1946 г.» по Постдаргомскому р-ну Самаркандской обл., «Записей актов о рождении за 1967 г.» и «Записей актов о браке за 1967 г.» Барданкульского сельсовета Верхнечирчикского р-на Ташкентской обл. Узбекской ССР.

Сопоставление данных по антропонимии корейского населения за двадцатилетний период позволяет проследить характер происходивших в ней изменений. Так, «Записи актов о рождении за 1946 г.» (по Пастдаргомскому р-ну) дают двухчленную антропонимическую модель: фамилия + имя. У новорожденных — корейская фамилия + русское календарное или интернациональное имя, например Пак Дмитрий, Огай Тамара, Ким Леонид, Хван Алла.

Антропонимическая модель родителей также состоит из двух компонентов: фамилия + имя, но во многих случаях не только фамилия, но и имя традиционны по форме. Например: отец — Хе (фамилия) Хан-нок (имя); мать — Ким Гым-еи; отец — Тен Гисон; мать — Хван Бун-ок; отец — Чагай (фамилия) Гымчер (имя). Во многих семьях один из родителей имеет корейское имя, а другой — русское. Отчества отсутствуют и у родителей и у детей.

К 1967 г., как об этом свидетельствуют данные «Записей актов о рождении» (по Барданкульскому сельсовету), у корейцев, проживающих в сельской местности, антропонимическая модель состояла из фамилии, имени и отчества. Например: Ким Александр Геннадиевич, Хегай Марина Юрьевна, Югай Константин Афанасьевич, Хван Светлана Ивановна. Хочется отметить, что эта антропонимическая модель была господствующей при записи новорожденных в 1967 г., т. е. за год до опубликования «Основ законодательства СССР о браке и семье», которые закрепили общегосударственную обязательность трехчленного наименования для всего населения нашей страны [34].

Как мы отмечали, к 60-м годам именник советских корейцев состоял из русских календарных и интернациональных имен. Имена, как правило, стали записываться в своей полной правильной форме. Отчества записаны и мальчикам и девочкам. Современные отчества корейцев генетически восходят либо к корейскому имени отца, либо к его «второму» русскому имени, либо (наиболее распространенное сейчас явление) к русскому имени отца. Конструктивно современные корейские отчества состоят из имени отца

+суффиксов, заимствованных из русского языка, *-ович(евич)*, *-овна(евна)*.

Большинство отчеств имеют в своей основе также русские календарные или интернациональные имена: Владимир Петрович, Эдуард Анатольевич, Анжелика Робертовна, Ирина Михайловна, Светлана Анатольевна, Григорий Михайлович. Это свидетельствует о преобладании русского именника и у поколения родителей. Однако нами отмечены случаи, когда отчество детей восходит к корейскому имени отца. Например: Жанна Досоновна (имя отца Досон); Александр Дясунович (имя отца Дясун); Виссарион Бенокович (имя отца Бенок); Наталья Мунсек (имя отца Мунсек); Светлана Юнмановна (имя отца Юнман); или отец — Ким Дядюн, сын — Ким Лаврентий Дядюнович; отец — Сон Индэк, дочь — Сон Людмила Индэковна; отец — Ким Тунгён Василий (второе имя), сын — Ким Сергей Васильевич.

Ознакомление с «Записями актов о браке за 1967 г.» показывает, что в корейской антропонимии намечается тенденция смены фамилий женщинами после их вступления в брак. На 23 пары было отмечено пять случаев. Явление это, столь необычное для корейской антропонимии, несомненно, возникает под влиянием русских обычаев [35].

Однако переход к русским именам не означает полного отказа корейцев от своих традиционных имен. Нам приходилось наблюдать немало случаев, когда дети имеют, помимо русского имени, официально зафиксированного, корейское имя. По своей природе эти имена нередко восходят к детским именам *амёнъ*. Сфера их употребления ограничивается кругом близких родственников и знакомых. Вот некоторые примеры: Ким Венера (р. 1948) имела детское имя Ссангамэ (Две макушки), ее брат Ким Александр (р. 1952) — Чхильсонтоль (Мальчик Семи Звезд — Большой Медведицы). Во всех этих случаях наблюдается тенденция превращения корейского традиционного имени во «второе» имя, которое теперь имеет внутренний, семейный характер. Во время полевой работы среди корейского населения Самаркандской обл. Узбекской ССР в 1969 г. нами были записаны интересные прозвища, восходящие к русским и корейским антропонимам и понятиям. Так, иногда корейское имя отца становится прозвищем сына и прибавляется к его русскому имени: Мёнчжу Коля. Среди бытовых прозвищ мы встречаем и корейские, и русские понятия. Они сочетаются как с русскими именами, так и с корейскими именами и фамилиями. Вот некоторые наиболее интересные: Аппетит Саша; Хорошо Вася; Шофер Коля, Потхори (Бобыль) Толя; Шигай Янбан (Дворянин) [36].

Этнографические наблюдения свидетельствуют о влиянии и среднеазиатской антропонимии на называние корейцев. Так, узбеки и таджики нередко к корейским фамилиям прибавляют свои уважительные обращения (например, Цой бобо — старый Цой). Эти обращения, слившись с фамилией, превращаются в

своеобразные личные имена, под которыми корейцы известны среди местного населения. Нами также отмечены случаи, когда в качестве «вторых» имен или отчеств используются казахские или узбекские имена. Например, Кан Де-Хан (Дмитрий Хасенович) [37].

Изучение семьи и семейной обрядности корейцев Средней Азии и Казахстана выявляет две основные тенденции, отражающие характер этнических процессов и являющихся общими закономерностями для развития семейно-брачных отношений у народов Советского Союза: с одной стороны, утверждение общих доминант, характерных для всего советского народа, с другой стороны, сохранение этнической специфики, определяемой традициями [38].

До наших дней у корейцев Средней Азии и Казахстана сохраняется своеобразная патронимическая система отношений между родственниками, называемая по-корейски *пон*. Члены этой группы считаются близкими родственниками, и браки между ними до сих пор не поощряются. Сила родственных связей корейцев сказывается также и в том, что они, расселяясь по территории Средней Азии из мест наиболее компактного их поселения, стараются придерживаться семейного признака.

Господствующей формой семьи у корейцев является моногамная семья. Она состоит из мужа, жены и их детей. Корейские семьи очень многодетны (рис. 4). В среднем в каждой корейской семье бывает от 3 до 5 детей, немало семей имеют 7, 8 и 9 детей. Рождение каждого ребенка отмечается как большой праздник. Если

Рис. 4. В детском саду колхоза «Политотдел»

ребенок родится дома, то, по корейским обычаям, на 3-й день его купают и одевают. До 7 дней нельзя ничего выносить из дома, где находится новорожденный. Родные и соседи с подарком приходят посмотреть на малыша на 3-й день. Подарки новорожденным бывают очень богатыми. Их делают не только бабушки и дедушки, но и многочисленные родственники. Обычно новорожденному дарят детскую кровать, одеяла (шерстяные и шелковые), полотенца, простыни, пододеяльники, отрезы байки, шелка (каждый отрез, как правило, в 3 или 5 м). Молодым родителям оказывают посильную денежную помощь. Иногда смотрины устраиваются не на 3-й, а на 101-й день. Обычно это бывает в тех семьях, где дети часто умирали или рождались слабыми и болезненными.

Сейчас, когда большинство кореянок рожают в больнице, старинные обряды, связанные с рождением и первыми днями жизни новорожденного, сами собой отпадают. Однако в некоторых семьях до недавнего времени бытовало немало обычаев, имевших своей целью сохранить жизнь ребенку, оградить его от всякого рода напастей, болезней, неприятностей. К их числу в первую очередь относится широко распространенный институт приемных родителей или (наиболее часто) приемной матери, которую корейцы, проживающие в Средней Азии, называют *тарын-мама* (другая мама) или *ян-эми* (приемная мать) (литературное — *ян-омони*). Между ребенком и приемной матерью устанавливаются самые близкие отношения. *Ян-эми* дарит ребенку подарки, навещает его, переписывается с родителями ребенка, который теперь уже считается ее сыном или дочерью.

В современной корейской семье отец и мать пользуются одинаковыми правами в воспитании и определении дальнейшей судьбы детей.

В семейной обрядности корейцев стойко сохраняется представление о том, что в жизни каждого человека есть три самых главных праздника (как говорят корейцы, три праздничных стола): день, когда ребенку исполняется один год [39], свадьба и празднование шестидесятилетнего юбилея [40]. Эти праздники до сих пор отмечаются в корейских семьях очень торжественно. Но даже в традиционной семейной обрядности появилось очень много общесоветских черт.

Сочетанием новых и традиционных элементов отличается и современный свадебный обряд корейцев, который состоит из целого ряда церемоний и, как правило, проводится ярко и торжественно.

В наши дни молодежь все чаще сама решает сложные вопросы своей личной жизни. Это прежде всего касается устройства новой семьи. В настоящее время молодые люди, как правило, знакомятся и заранее договариваются между собой. В определенный день родители юноши идут свататься к родителям девушки и, получив положительный ответ, договариваются о дне свадьбы. Нередки случаи, когда родители девушки, видя ее дружбу с тем или

иным парнем, сами сообщают его родителям, что они не против отдать свою дочь замуж за него. В этом случае отец и мать юноши спрашивают своего сына о его намерениях и если получают согласие, то, взяв вино, рис, курицу, идут вместе с ним к родственникам девушки свататься. Обычно в первый раз родители девушки отказывают родителям юноши. Бывают случаи, когда отцу юноши до 10 раз приходится посещать дом избранницы его сына и лишь после такого длительного сватовства получить согласие.

Через неделю, а иногда через месяц в доме невесты устраивают досвадебный вечер, угощение на который приносят родственники жениха. По словам пожилых корейцев, еще в 30-х годах девушка во время этого праздника сидела со своими подругами в отдельной комнате, а юноша пировал с гостями. Сейчас молодые люди на ряду со своими родственниками и гостями участвуют в торжестве.

Во время праздника родители договариваются о времени свадьбы. Иногда этот вопрос решается в последующие дни. До сих пор одним из важнейших аргументов при установлении дня свадьбы является степень готовности подарков, которые невеста должна преподнести родственникам жениха. После проведения досвадебного вечера юноша и девушка считаются женихом и невестой. Юноша посещает дом невесты и нередко даже ночует там.

В день свадьбы жених, встав рано утром, поздравляет своих отца и мать, преподносит им рюмки с вином. Затем в сопровождении родственников жених едет за невестой, обязательно на машине. Число сопровождающих родственников колеблется от 3 до 9 человек (обязательно нечетное число). Среди них ни в коем случае не могут быть его отец и мать. Если у жениха нет родителей и их заменяет на свадьбе старший брат или кто-либо из родственников, то и они не могут с ним ехать за невестой.

Жених приезжает за невестой рано утром (считается, что чем раньше, тем лучше) — часов в 7—8. В доме невесты его и родственников ждет угощение. Зимой, когда свадьба происходит на *кудур*, угощение подают на маленьких столиках, а в другое время года — на русских столах.

Жених и невеста садятся рядом. Невеста сидит с правой стороны, около нее — женщины, которые приехали с женихом. Жених и сопровождающие его мужчины сидят с левой стороны. Родственники невесты за столом не сидят, они следят за порядком. Сейчас все чаще первую рюмку выпивают жених и невеста, потом угощают родителей невесты и всех ее родственников по старшинству. Невесте и жениху кричат «горько», их заставляют петь песни. К 12 часам дня жених и невеста уезжают. Родственники жениха выносят приданое невесты, состоящее из одеяла, подушек (корейских и русских), чемоданов с платьями и отрезами, а также подарками родственникам жениха. Невеста прощается со своими родителями за руку или кланяется каждому из них. В дом жениха невесту сопровождают 5, 7 или 9 человек, обязательно на 2 человека больше, чем сопровождавших жениха. Наиболее образованный, остроумный и веселый из них назначается главным. При приближении к дому жениха он останавливает машину и требует от родителей жениха угощений, водки, якобы для заправки машины, нередко заставляет их танцевать, петь — словом, тут все зависит от его находчивости и смекалки. На расстоянии нескольких метров от дома стелят ткань для невесты, когда невеста выходит из машины, ей кладут под ноги мешок с рисом. Когда невеста входит в дом жениха, то иногда она с поклоном отдает свекрови или жене старшего брата зеркало, завернутое в платок [41]. До поздней ночи в доме жениха идет гулянье (рис. 5).

На третий день (т. е. через день), а сейчас иногда на 5-й и даже на 7-й день молодая делает подарки родителям и родственникам мужа. Этот день имеет специальное название *сэмири* (третий день). По словам информаторов, в народе *сэмири* нередко называют свадьбой для родственников жениха. Утром этого дня молодая готовит рис и суп для всех гостей. Затем в комнату вносят маленький столик, на котором установлены закуски и вино. На этом же столике лежат подарки. Молодая с поклоном подносит родителям мужа и всем его родственникам по старшинству рюмку вина и подарок. Свекру чаще всего дарят отрез на рубаху, полотенце, носовой платок, свекрови и старшей сестре мужа — сшитые молодой до свадьбы кофты и юбки. Подарками должны быть одарены все присутствующие.

Рис. 5. На современной свадьбе (колхоз «Политотдел»)

Поэтому не случайно день свадьбы определяется степенью готовности подарков. Наиболее распространенным видом подарка для многочисленных родственников являются носовые платки и полотенца. Полотенец бывает раздарено 20—70 штук, носовых платков — 70—100 штук. В благодарность за подарки молодая получает от присутствующих деньги, которые кладут тут же на столик. При распределении подарков молодой помогает мать мужа. Активное участие в этом празднике принимают приехавшие с невестой женщины из числа ее родственников.

Через несколько дней молодые едут в дом родителей жены. После возвращения из дома родителей новобрачной молодые уже считаются мужем и женой.

Сейчас очень часто в корейских семьях устраивают специальное свадебное пиршество, куда приглашают друзей — узбеков, казахов, таджиков, русских и представителей других национальностей, в соседстве с которыми корейцы живут и работают.

Во многих корейских колхозах построены Дворцы бракосочетания. На свадьбах, которые празднуются в них, обычно присутствуют родители и жениха и невесты, а застолье проводится сразу же после торжественной регистрации брака. Свадебное пиршество по традиции начинается со слов благодарности, с которыми жених обращается к своим родителям.

Этнографические наблюдения и знакомство с «Записями о браке» свидетельствуют о том, что число смешанных браков между корейцами и соседними народами, особенно в сельской местности, очень невелико. Например, из 100 молодых семей (по Бардан-кульскому сельсовету) отмечено только четыре смешанных брака: муж — кореец, жена — русская. Русские женщины после замужества иногда берут корейскую фамилию своего мужа. Смешанные браки несколько чаще наблюдаются среди городской молодежи: студентов, служащих, рабочих. В 1974 г. нам довелось присутствовать на молодежной свадьбе студентов театрального факультета Алмаатинской консерватории — кореянки Пак Александры Николаевны и казаха Магзубекова Абылкаса Сунгатовича. Свадьба эта была молодежной и интернациональной в полном значении этого слова. Здесь были и корейцы, и казахи, и русские, и украинцы, и монголы. Регистрация прошла во Дворце бракосочетания Алма-Аты, а празднование было в доме родственников жениха.

Необходимо отметить, что изменения, происходящие в свадебной обрядности корейцев Средней Азии и Казахстана, типологически идут в том же направлении, что и у других народов Советского Союза. В этом сказывается влияние общесоветской культуры [42].

Третьим важным праздником в жизни каждого корейца (после празднования годовщины со дня рождения и свадьбы) является юбилей, отмечаемый в день шестидесятилетия. Юбилей торжественно отмечается как для мужчин, так и для женщин. На праздник съезжаются все родные юбиляра из других городов и разных районов.

Подготовка праздника начинается задолго до дня юбилея. Нередко из-за недостаточной подготовки пиршество переносится на несколько дней или даже месяцев. Главные расходы по проведению юбилея родителей несут сыновья. Они договариваются между собой, за что́ каждый из них отвечает: так, один из сыновей закупает водку и вино, другой — говядину, кур, свинину, третий — овощи и фрукты.

Утром в день праздника юбиляр, одетый в новый костюм (до сих пор у женщин это национальная корейская одежда: кофта — *чогори* и юбка — *чхима*), в окружении родственников принимает первые поздравления от детей и внуков. В это время на улице (если тепло) или в самой большой комнате дома расставляют столы для юбиляра и гостей. Столы устанавливают буквой П. В центре садятся юбиляр и его жена (или муж), по правую и левую сторону — ровесники юбиляра и вообще старшие по возрасту из пришедших гостей. За остальными столами — все другие гости. На праздник приглашаются только женатые и замужние родственники и соседи.

Торжество начинает старший сын. Вместе со своей женой он подходит к юбиляру, кланяется, подносит ему бокал шампанского, поздравляет и желает ему долгой жизни. Затем кто-нибудь из присутствующих вносит подаренный сыном «стол с угощениями» и другие подарки. «Столы с угощениями» должны быть преподнесены юбиляру всеми его детьми — и сыновьями и дочерьми (каждым в отдельности). На «столе» обязательно должны быть такие угощения, как вино, шампанское, печенье, конфеты, колбаса, рыба, орехи, фрукты, виноград и непременно курица. «Столы с угощениями», поднесенные юбиляру его детьми и другими родственниками, ставятся перед его столиком и сохраняются нетронутыми до конца праздника. Количеством поднесенных юбиляру «столов с угощениями» определяется размах и богатство этого праздника. Кроме того, каждый из детей юбиляра подносит ему по два-три отреза (каждый отрез 2—3 м) шелковой или шерстяной ткани. Отрезы являются основным видом подарков, подносимых юбиляру его родственниками и знакомыми.

После подношения подарков начинается пиршество и гулянье. Обычно торжества продолжаются 2—3 дня. Присутствующие на празднике женщины берут с юбилейного стола угощение для своих детей, оставленных дома. Считается, что угощения со стола юбиляра приносят здоровье и счастье детям.

Сейчас на праздниках, посвященных шестидесятилетнему юбилею, не только рассказывают о том, что сделал юбиляр для своих родных, для своей семьи, но и особо подчеркивают его заслуги перед обществом. О трудовой и общественной деятельности юбиляров говорят их коллеги по работе. Поэтому это торжество в наши дни все больше приобретает общественное звучание.

Изучение духовной культуры корейского населения Средней Азии и Казахстана позволяет говорить о богатом фольклорном наследии. Повседневная речь корейцев пересыпана различного рода пословицами и поговорками. Для каждого случая жизни есть своя народная примета: «Если утром кричит сорока — придут гости» [43], «Если паучок над головой качается — придет родной человек» [44], «Кто любит сказки — тот бедно живет» [45], «Чем раньше (в течение дня — *Р. Д.*) начнут праздник годовщины ребенка, тем скорее девушка выйдет замуж (или юноша женится)» [46], «Ребенок гулит — погода переменится» [47]. По вечерам и дети и взрослые любят слушать и рассказывать сказки. Широко бытуют сказки о животных, волшебные и бытовые сказки, сказки-предания о легендарных и исторических героях.

Среди корейцев значительна прослойка сельской интеллигенции (агрономы, врачи, учителя, бухгалтеры, работники связи). Только в колхозе «Политотдел» 187 специалистов с высшим образованием — все они выходцы из колхоза. Все механизаторы имеют среднее образование

Очень высок среди корейцев процент людей со средним и высшим образованием. Многие из них трудятся в институтах академий союзных республик, преподают в университетах и высших учебных заведениях, имеют ученые степени и звания.

За годы Советской власти расцвело творчество советских корейских писателей, поэтов, драматургов. В настоящее время свыше пятидесяти писателей-профессионалов пишут на корейском языке. Многие из них являются членами Союза писателей СССР и других творческих организаций нашей страны. Их сочинения, а также произведения корейской классической литературы издаются на корейском языке в Москве, Ташкенте, Алма-Ате, Кзыл-Орде, на Дальнем Востоке и на Сахалине (рис 6).

Рис. 6. Читальный зал колхозной библиотеки

Советская корейская литература отличается богатством жанров. На корейском языке написаны романы — «Корейская сосна» Ким Дюна, «Хон Бон До» Ким Си Ира. Большой интерес у читателей вызывают рассказы, повести и новеллы Хан Сан Ука, Ким Кван Хёна, Ли Чон Хи, Анатолия Кима. Традиционной любовью пользуется поэзия. Широко известно творчество таких поэтов, как Анатолий Хан, Кан Тхэ Су, Ким Цын Сон, Угай Дегук.

Многие произведения советских корейских писателей издаются в нашей стране в переводе на русский язык. Так, например, в Ташкенте в 1956 г. вышел поэтический сборник Ким Цын Сона, в 1975 г.— Угай Дегука. В 1974 г. в Москве вышел роман Ким Дюна «Корейская сосна».

В культурной жизни корейцев Средней Азии и Казахстана важное место занимает Государственный республиканский корейский театр, созданный в 1932 г. и находящийся в настоящее время в Алма-Ате. Театр ставит пьесы на корейском языке. За свою 45-летнюю историю театр осуществил более 100 постановок. В репертуаре значительное место занимают корейские классические музыкальные драмы «Чхун Хян чон» («Сказание о девушке Чхун Хян»), «Сим Чон чон» («Сказание о девушке Сим Чон»), «Хынбу и Нольбу», «Янбан чон» («Сказание о янбане»).

Театр ставит пьесы современных советских корейских драматургов. Наибольшим успехом пользовались пьесы члена Союза писателей СССР, заслуженного деятеля Казахской ССР Тхай Дянчуна — «Межа», «Хон Бон До», «Южнее 38-й параллели». Пьеса «Южнее 38-й параллели» была переведена на русский язык и с успехом шла на сцене театров Москвы, Ленинграда, Риги. Современной жизни советских корейцев посвятили свои пьесы И. Ким и С. П. Ким. Советскими корейскими драматургами создано более 70 многоактных и одноактных пьес. Многие из них шли на сцене театра.

Переведенные на корейский язык на сцене театра шли и идут пьесы советских драматургов — русских («Враги», «Егор Булычев и другие» М. Горького; «Русские люди», «Жди меня» К. Симонова; «Платон Кречет» А. Корнейчука; «Любовь Яровая» К. Тренева; «Кремлевские куранты» Н. Погодина), казахских («Энлик и Кебек», «Каракоз» М. Ауэзова; «Козы-корпеш и Баянслу» Г. Мусрепова); киргизских («Тополек мой в красной косынке», «Материнское поле», Ч. Айтматова).

В репертуаре театра — русская («Гроза» А. Н. Островского, «Ревизор» Н. В. Гоголя) и западноевропейская («Отелло» В. Шекспира, «Коварство и любовь» Ф. Шиллера, «Слуга двух господ»

К. Гольдони) классика, которая также ставится на корейском языке.

Одним из основателей театра и его многолетним руководителем является заслуженный деятель культуры Каз ССР, член Союза писателей СССР, драматург и режиссер — Цай Ен. В коллективе трудились и трудятся такие прославленные мастера сцены, как народная артистка Казахской ССР Ли Хам Дек [48], народный артист Казахской ССР Ким Чин, заслуженный артист Казахской ССР, главный художник театра Г. М. Кан. В театр приходит творческая молодежь. Это выпускники Ташкентского театрального института, Алмаатинской консерватории Майя Пак, Владимир Ким, Александр Мун, Мэри Цой и многие другие.

Театр неоднократно выезжал на гастроли по стране (Украина, Закавказье, Северный Кавказ). Кроме того, ежегодно в колхозах Средней Азии и Казахстана в течение 4—5 месяцев гастролируют драматическая и эстрадно-концертная труппы театра.

В репертуаре концертной труппы, которая обслуживает корейские колхозы, наряду с корейскими народными песнями и танцами представлены песни и танцы народов Советского Союза. Многие выступления ведутся на русском языке.

Широкой популярностью пользуются самодеятельные корейские вокально-инструментальные ансамбли «Ариран», «Каягым», а также коллективы художественной самодеятельности колхоза им. Димитрова, народного театра колхоза им. Ким Пёнхва. Выс-

Рис. 7. Выступление художественной самодеятельности колхоза им. Димитрова

тупления этих коллективов приурочиваются к народным массовым торжествам: празднованию годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, Первого мая и других советских праздников. Дети школьного возраста также принимают активное участие в проведении праздничных вечеров в школах, в организации художественной самодеятельности (рис. 7).

Среди корейской молодежи особой любовью пользуются занятия современными видами спорта. В колхозе «Политотдел» создан большой спортивный комплекс. Во многих других колхозах созданы стадионы. На всесоюзных соревнованиях успешно выступает футбольная команда «Политотдел».

На XXI летних Олимпийских играх три золотые медали принесла советской команде девятнадцатилетняя гимнастка из Чимкента (Казахская ССР) Нелли Ким. Нелли родилась в 1957 г. Ее отец — кореец, мать — татарка. Еще в школе Нелли начала заниматься гимнастикой. Будучи школьницей, она в 1975 г. стала чемпионкой Европы по вольным упражнениям. Как одна из самых выдающихся советских и мировых гимнасток, Нелли Ким была выбрана еще до начала Олимпийских игр одной из шести героинь фильма, посвященного Олимпийским играм и снимавшегося канадской национальной кинокомпанией. И была выбрана очень удачно: Нелли завоевала три золотые медали — за вольные упражнения (10 баллов), за опорный прыжок (9,5 балла) и за командное первенство.

Исторические судьбы корейского населения, проживающего уже более 40 лет в дружной семье народов Средней Азии и Казахстана, наложили отпечаток на формирование духовного облика корейцев. Главным, определяющим в этом облике является то, что корейцы, как и другие народы Советского Союза, входят в состав новой исторической общности людей — советский народ.

Наряду с представителями других народов Советского Союза корейцы избираются в высшие органы Советской власти и активно участвуют в их работе. Дважды (в 1962 и в 1966 г.) избиралась депутатом Верховного Совета СССР бригадир колхоза «Политотдел», Герой Социалистического Труда Любовь Ли.

Депутатом Верховного Совета СССР восьмого (1970 г.) и девятого (1974 г.) созывов являлся Кан Анатолий — колхозник колхоза «Правда» Ташкентской обл. Узбекской ССР. Депутатом Верховного Совета СССР десятого созыва (1979 г.) избран Кан О Нам — колхозник колхоза им. Энгельса Среднечирчикского р-на Ташкентской обл. Узбекской ССР [49].

Многие корейцы являются депутатами Верховных Советов Узбекской ССР, Казахской ССР. Как избранные народом депутаты, они активно работают в местных органах власти — краевых, областных, городских, районных Советах депутатов трудящихся. Ряд корейцев занимают посты министров в правительствах союзных республик (Узбекистан, Казахстан), многие возглавляют работу советских учреждений.

Духовный облик корейцев прежде всего проявляется в советском патриотизме, дружбе с соседними народами, в социалистическом отношении к труду, в коллективизме и взаимопомощи, в высоком чувстве долга перед советским обществом, государством, в безграничной вере в торжество коммунизма.

1 В данной работе сведения о численности корейского населения, по итогам переписи 1960 г., даются по кн.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. М.: Статистика, 1973, Т. IV. Национальный состав населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и национальных округов. В скобках обозначаются номер таблицы и страница.

2 Народы Средней Азии и Казахстана.— В кн.: Очерки общей этнографии: Азиатская часть СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1960, с. 158.

3 Корейские этнонимы *корё сарам*, *чосон сарам* восходят к различным наименованиям страны. Подробнее см.: *Концевич Л. Р.* Исторические названия Кореи.— В кн.: Этнонимы. М.: Наука, 1970, с. 61—77.

4 *Левин М. Г.* Полевые исследования Института этнографии в 1946 году.— СЭ, 1947, № 2, с. 209.

5 *Левин М. Г.* Антропологический тип корейцев.— КСИЭ, 1949, вып. VIII, с. 25—34.

6 *Джарылгасинова Р. Ш.* Культура и быт корейцев совхоза «Раушан» Кунградского района Кара-Калпакской АССР.— КСИЭ, 1960, вып. XXXV, с. 54—63; *Ионова Ю. В.* У корейцев Средней Азии.— КСИЭ, 1963, вып. XXXVIII, с. 23—34.

7 *Ионова Ю. В.* Корейцы.— В кн.: Народы Средней Азии и Казахстана. М.: Изд-во АН СССР, 1963, т. II, с. 564—581. (Сер. «Народы мира»).

8 *Хэгай М. А.* Лексические заимствования из русского языка в корейских переводах: Автореф. канд. дис. М., 1953.

9 *Ким О. М.* О языке корейцев СССР: (К постановке вопроса).— ТСАГУ (Ташкент), 1962, вып. 202, с. 91—92; *Она же.* Особенности русской речи корейцев Узбекской ССР (Фонетико-морфологический очерк): Автореф. канд. дис. Ташкент, 1964.

10 *Джарылгасинова Р. Ш.* К вопросу о культурном сближении корейцев Узбекской ССР с соседними народами: (Традиционное и новое в хозяйстве и материальной культуре).— СЭ, 1966, № 5, с. 3—14; *Она же.* Новое в культуре и быту корейцев Средней Азии и Казахстана: (На примере сельского населения).— СЭ, 1977, № 6, с. 59—70.

11 *Пак М.* Семья и семейный быт корейцев Узбекистана: (На примере колхоза «Политотдел» Ташкентской области). М., 1965. (Рукопись); *Джарылгасинова Р. Ш.* Традиционное и новое в семейной обрядности корейцев Средней Азии.— В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М.: Наука, 1968, с. 343—349.

12 *Джарылгасинова Р. Ш.* Вторые имена как историко-этнографический источник.— В кн.: Ономастика Поволжья. Ульяновск, 1969, с. 22—27; *Она же.* Антропонимические процессы у корейцев Средней Азии и Казахстана.— В кн.: Личные имена в прошлом, настоящем и будущем: (Проблемы антропонимики). М.: Наука, 1970, с. 139—149; *Она же.* К характеристике современной антропонимической модели корейцев, проживающих в сельских районах Узбекской ССР.— В кн.: Ономастика Средней Азии. М.: Наука. ГРВЛ, 1978, с. 203—205.

13 Первая большая партия корейцев перешла границу в 1863 г. Подробнее об этом см.: *Ким Сын Хва.* Очерки по истории советских корейцев. Алма-Ата: Наука, 1965, с. 28.

14 Там же, с. 31—32.

15 Факт, сообщенный автору статьи В. П. Паком.

16 Например, см.: *Щупаковский В. Ф.* Культура риса в Узбекистане. Ташкент: Гос. изд-во УзССР, 1958, с. 54—57.

17 Полевые записи автора. Колхоз «Политотдел», 1967.

18 *Ким М. Т.* Корейские интернационалисты в борьбе за власть Советов на Дальнем Востоке (1918—1922). М.: Наука, ГРВЛ, 1979, с. 108—109.

19 Там же, с. 109.

20 Полевые записи автора. Совхоз «Раушан» Кунградского р-на Каракалпакской АССР, 1959 г., август.

21 *Твардовский А. Т.* Валентин Овечкин.— Собр. соч. М.: Художественная лит-ра, 1971, т. 5, с. 383.

23 Неделя, 1974, № 8(728), с. 13.

22 Жители Кореи в отличие от китайцев и японцев в прошлом мало употребляли чай.

24 Подробнее об этом см.: *Ким О. М.* О языке корейцев СССР, с. 92.

25 *Никонов В. А.* Современные антропонимические процессы у народов СССР.— В кн.: Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука, 1977, с. 291—293.

26 Подробнее о традиционной корейской антропонимии см.: Описание Кореи. СПб.; Мин-во финансов, 1900, ч. I, с. 370—372, 384—385; *Петрова О. П.* Описание письменных памятников корейской культуры. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956, вып. I, с. 12—13; *Ли Г. В.* Корейские имена как этнографический источник.— В кн.: Этническая история и современное национальное развитие народов мира: Тез. докл. М., 1967, с. 60—63.

27 Полевые записи автора. Ташкент и Ташкентская обл., 1967 г.

28 Полевые записи автора. Совхоз «Раушан», 1959 г.

29 Полевые записи автора. Поселок Чархин Самаркандской обл., УзССР, 1961 г., октябрь.

30 Полевые записи автора. Ташкентская обл., 1967, г., ноябрь—декабрь.

31 Полевые записи автора. Барданкульский сельсовет Ташкентской обл. УЗССР, 1967 г., ноябрь-декабрь.

32 *Никонов В. А.* Имя и общество. М.: Наука, ГРВЛ, 1974, с. 131—141.

33 *Ройзензон Л. И.*, *Бобоходжаев. А.* Антропонимические серии у узбеков Нураты.— В кн.: Ономастика Средней Азии, с. 144—152.

34 Современные этнические процессы в СССР, с. 293.

35 Полевые записи автора. Барданкульский сельсовет Ташкентской обл. УзССР, 1967 г., ноябрь.

36 Записано от Цой Ёнсу (Софья), р. 1922. Чархан, Пастдаргомский р-н Самаркандской обл., 1969 г., январь.

37 Полевые записи автора. Целиноград, 1974 г., апрель.

38 Современные этнические процессы в СССР, с. 460.

39 Подробнее о праздновании первого года со дня рождения ребенка см.: *Джарылгасинова Р. Ш.* Культура и быт корейцев совхоза «Раушан»..., с. 60; *Ионова Ю. В.* Корейцы, с. 576—577.

40 Как и многие другие народы Восточной и Юго-Восточной Азии, корейцы придерживаются шестидесятилетнего цикла летосчисления.

41 Обычай этот восходит к глубокой древности и, очевидно, связан с магическим осмыслением назначения зеркала. Подробнее см.: *Стратанович Г. Г.* Китайские бронзовые зеркала: их типы, орнаментация и использование.— В кн.: Восточноазиатский этнографический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1961, II, с. 67—68. (ТИЭ. Нов. сер. Т. 73).

42 *Лобачева Н. П.* О формировании новой обрядности у народов СССР: (Опыт этнографического обобщения).— СЭ, 1973, № 4, с. 14—24; *Она же.* Формирование новой обрядности узбеков. М.: Наука, 1975; Современные этнические процессы в СССР, с. 433—460.

43 Записано от Тен Сун Хва (47 лет). Чархин, 1961 г., октябрь.

44 Записано от Тен Сун Хва.

45 Записано от Хо Хын Чу (73 г.).

46 Записано от Любы Сон (39 лет).

47 Записано от Любы Сон.

48 120 ролей Ли Хан Дек.— Вечерняя Алма-Ата, 1975, 15 янв.

49 Правда, 1979, 7 марта.

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ У СОВЕТСКИХ УЙГУРОВ

Г. М. Исхаков, А. М. Решетов, А. Н. Седловская

Уйгуры СССР — один из народов Средней Азии и Казахстана. За годы Советской власти уйгуры сформировались в социалистическую народность.

Согласно переписи 1970 г., в Советском Союзе проживает 173 тыс. уйгуров [1]. Наиболее многочисленны уйгуры Казахстана (около 121 тыс.). Основная территория их расселения — Уйгурский, Чиликский, Энбекши-Казахский районы Алмаатинской обл. Кроме того, уйгурское население имеется в Талды-Курганской обл. (в основном Панфиловский р-н) и в городах Алма-Ата, Чимкент, Джамбул.

В Киргизской ССР — около 25 тыс. уйгуров. Живут они преимущественно в городах Фрунзе, Ош, Токмак, Пржевальск. В Узбекистане около 24 тыс. уйгуров. В основном они расселены в Андижане и Андижанской обл., в Ташкенте и Ташкентской обл. Небольшая группа уйгуров проживает в Туркменской ССР в г. Байрам-Али — около 1,2 тыс. человек.

За пределами нашей страны уйгурское население проживает преимущественно на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР.

До 1921 г. уйгуры не имели единого этнического наименования. Их отдельные группы назывались по месту жительства: *кашгарлыки* — выходцы из г. Кашгара, *турфанлыки* — выходцы из г. Турфана и т. д. Илийских уйгуров называли *таранчи* (это наименование происходит от маньчжурского слова, означающего «земледелец», «пахарь»). Закрепилось оно за той частью уйгуров, которая была переселена в долину р. Или преимущественно из Кашгарии. Это переселение осуществлялось насильственно маньчжуро-китайской администрацией, вскоре после захвата в 1759 г. Восточного Туркестана цинской империей. Оно преследовало двойную цель: ослабить антицинские настроения и основать новые уйгурские поселения, жители которых обязаны были снабжать маньчжурские войска продовольствием. Впоследствии термин *таранчи* стал самоназванием этой группы населения.

В мае 1921 г. в Ташкенте состоялся съезд джунгарских и алтышаарских трудящихся, на котором было принято общее для всех таранчей, кашгарлыков и других родственных им групп наименование *уйгуры*. Это историческое название одного из древнейших

тюркских народов Центральной Азии существовало до XIV в. и было утрачено после исчезновения уйгурского государства в период длительной междоусобной феодальной борьбы. В 1930-е годы этноним *уйгуры* весьма широко распространился и в Синьцзяне [2].

Появление значительной массы уйгурского населения в Средней Азии и Казахстане связано с происходившими на территории Синьцзяна народными антифеодальными восстаниями, приведшими к эмиграции многих тысяч уйгурских семей в Ферганскую и Семиреченскую области в конце XVIII — первой половине XIX в. Однако имеются сведения о более ранних поселениях уйгуров на территории Средней Азии и Казахстана. А. Н. Бернштам отмечает существование уйгурских поселений в Семиречье еще в XV в.[3] Имеется упоминание о селении пленных кашгарцев близ р. Ош, относящееся к XV в.[4] В литературе приводятся исторические факты, свидетельствующие о том, что уйгуры встречались и среди населения Ферганской долины еще в XVI в., т. е. задолго до массового переселения уйгуров в XVIII—XIX вв.[5] В годы, последовавшие за подавлением антикитайского восстания (1828 г.), группы уйгуров-кашгарцев огромными массами переходили в Ферганскую долину. По некоторым данным, за указанный период на территорию Кокандского ханства переселилось от 85 до 160 тыс. кашгарцев [6]. Это была неоднородная масса, сохранявшая прежде всего представление о своей региональной принадлежности в своих самоназваниях: *кашгарлыки*, *турфанлыки* и т. д. Среди переселенцев оказались и *доланы* — этнографическая группа уйгуров с монгольским субстратом [7].

Новая волна уйгурских переселенцев приходится на последнюю четверть XIX в., когда по Русско-китайскому договору 1881 г. в 1881—1884 г. из Илийского края северного Синьцзяна на территорию Семиреченской обл. русского Туркестана добровольно переселилось свыше 45 тыс. уйгуров-таранчей [8]. Одновременно в этом же районе, на территории Верненского, Джаркентского, Пишпекского и Пржевальского уездов, появились селения уйгуров-кашгарлыков с населением более 6 тыс. человек.

В конце 80-х и в 90-х годах XIX в. несколько сот таранчинских семей было переселено в Закаспийскую обл., на территорию Мургабского государева имения. В поисках заработка сюда в 80-е годы XIX в. приходят и группы кашгарлыков в связи со строительством и вводом в строй железной дороги [9].

По материалам сельскохозяйственной переписи, в 1917 г. в России насчитывалось 100 516 уйгуров, в том числе 60 988 таранчей и 39 528 кашгарлыков [10]. Помимо основного постоянного населения, значителен был приток сезонных рабочих-уйгуров. Так, приток последних в 1914 г. составлял 40 тыс. человек, и этот приток поощрялся, поскольку сезонники в одних случаях пополняли местное батрачество, в других — даже вытесняли его, так как для них устанавливалась более низкая зарплата, чем для

местных батраков [11]. По данным переписи 1926 г., численность уйгуров в СССР составляла 66 тыс. человек (в число уйгуров были включены все таранчи и кашгарлыки) [12]. Очевидно, на изменение численности уйгурского населения оказало влияние уменьшение числа сезонников.

Обычно уйгуры приходили небольшими группами — по нескольку членов семьи вместе или даже всей семьей, возраст приходящих был 18—50 лет [13]. Уменьшение притока сезонников, очевидно, сказалось на численности уйгуров при переписи 1926 г. В дальнейшем, начиная с 1927 г., китайские власти стали закрывать границу для перехода уйгуров в Среднюю Азию; в том году пришло всего около 6 тыс. сезонников [14].

В 1928 г. граница также была закрыта, а в 1929 г. уйгурам вновь было разрешено приходить на сезонную работу в Среднюю Азию.

По переписи 1959 г., в СССР насчитывалось 95,2 тыс. уйгуров [15]. В целом можно говорить об увеличении уйгурского населения за период 1926—1959 гг., хотя, как справедливо считают исследователи, часть уйгуров, живущих в Ферганской долине, назвала себя при переписи 1959 г., узбеками, что является отражением процесса сближения части ферганских уйгуров с узбеками.

Численность уйгурского населения в СССР в 1970 г. составила 173 276 человек [16]. Увеличение численности уйгуров произошло как в результате естественного прироста, так и в связи с переходом многих групп уйгуров из Синьцзяна на территорию СССР.

В Казахской ССР в 1959 г. проживало 59 840 уйгуров, в 1970 г. — 120 881. На территории Алмаатинской обл. уйгуры наиболее компактно расселены в Уйгурском, Энбекши-Казахском, Чиликском районах Алмаатинской обл. Всего в области зарегистрировано 72 692 уйгура, в Алма-Ате — 19 105. В Талды-Курганской обл. насчитывалось 21 493 уйгура (преимущественно в Панфиловском р-не и в г. Панфилове). Небольшие группы уйгуров отмечены в Чимкентской (2441 человек) и Джамбульской областях (2388 человек).

В Киргизской ССР в 1959 г. было 13 757 уйгуров, в 1970 г. — 24 872. Здесь уйгуры расселены как в сельских районах (Кашгар-Кишлакский сельсовет Карасуйского р-на Ошской обл., сел. Ырдык Джеты-Огузского р-на Иссык-Кульской обл. и т. д.), так и значительными группами в городах Фрунзе, Токмак, Пржевальск, Нарын, образуя в этих городах постоянные уйгурские кварталы.

В Узбекской ССР в 1959 г. проживало 19 400 уйгуров, в 1970 г. — 23 942. Наиболее крупные группы живут в Ташкенте (5884 человек) и Ташкентской обл. (5157 человек), Андижанской обл. (11 054 человек), причем в последней имеется несколько крупных уйгурских селений в Московском, Ленинском и Пахта-абадском районах.

Небольшие группы уйгурского населения имеются в Туркменской ССР, преимущественно на территории Туркмен-Калинского и Байрам-Алийского районов Марыйской обл., в 1959 г. их было 0,8 тыс. человек, в 1970 г. — около 1,2 тыс. человек. Небольшими группами в несколько семей, поддерживающих между собой довольно тесные контакты, уйгуры расселены также в Иолотани, в городах Ашхабад, Мары, Тахта-Базар и т. д. Городские уйгуры поддерживают самые тесные связи с уйгурами, живущими в сельских районах. В Таджикской ССР в 1959 г. проживало 0,4 тыс. человек, в 1970 г. — свыше 0,5 тыс. человек, в основном они живут в Джамбуле, Гиссарском р-не, городах Куляб и Курган-Тюбе, поселках Вахшской долины и т. д.

Уже сам характер расселения предопределяет контакты уйгуров с соседними народами. Конечно, наиболее интенсивные контакты существуют у городского населения, поскольку здесь характер соседских связей весьма крепкий, постоянный и разнообразный. Значительны связи с соседним узбекским, туркменским, таджикским, киргизским и казахским сельским населением. Только на территории Алмаатинской и Талды-Курганской областей Казахской ССР уйгуры живут довольно компактной непрерывной полосой. В остальных случаях они всегда расселены небольшими, хотя порой и компактными, группами («гнездами»). Таким образом, характер расселения советских уйгуров на территории Средней Азии и Казахстана создает объективную возможность для расширенных и разнообразных контактов со всеми разноязыкими соседями.

Исторически именно территория Восточного Туркестана и его южных окраин была центром формирования этнической области уйгуров. В процессе своей этнической истории уйгуры впитали разные этнические компоненты, включая в свой состав представителей тех народов, с которыми у них были наиболее тесные этнокультурные и хозяйственные контакты: ирано-, монголо- и тюркоязычные элементы оставили свой след в формировании антропологического облика уйгуров. Как считают советские антропологи, уйгуры по своему физическому облику наиболее близки узбекам, вместе с которыми они относятся к европеоидной расе Среднеазиатского междуречья, причем у южных групп, у кашгарлыков, европеоидность выступает в более чистом виде, чем у северных групп уйгуров-таранчей, у которых прослеживается более сильное монголоидное влияние.

В Ферганской долине многие уйгурские села в прошлом носили название Кашгар-кишлак, Кашгарлык-махаля, Таглык [17]. Эти названия до сих пор сохранившиеся в Андижанской, Наманганской, Маргиланской областях, являются свидетельствами расселения здесь в недалеком прошлом уйгуров, к настоящему времени ассимилированных узбеками [18]. В таких селениях нам неоднократно приходилось констатировать то, что сами жители этих кишлаков помнят о своем уйгурском происхождении.

Отдельно селились доланы, например в сел. Тигермень Уйгурского р-на Алмаатинской обл. и в сел. Долан Московского р-на Андижанской обл. Доланы всегда жили довольно изолированно от других групп уйгуров, сохраняя преимущественно групповую эндогамию [19].

Таким образом, к началу XX в. уже сложились основные районы расселения кашгарлыков и таранчей в Средней Азии и Казахстане, в основных чертах сохраняющиеся вплоть до нашего времени. Необходимо подчеркнуть, что две основные группы — таранчи и кашгарлыки, позднее объединившиеся под общим самоназванием «уйгуры», — жили и в Синьцзяне всегда изолированно. Переселившись на территорию Средней Азии и Казахстана, они также отдельно селились на новых местах: таранчи — преимущественно в Семиречье, среди казахско-киргизского кочевого населения; кашгарлыки — преимущественно в Ферганской долине, среди близкородственного по языку, быту и культуре оседлого земледельческого узбекского населения.

С самого начала жизни таранчей и кашгарлыков на новых землях на их этнокультурное развитие действовали два, по существу противоборствующих, противостоящих фактора: с одной стороны, установление и развитие хозяйственно-бытовых и этнокультурных связей с соседним населением; с другой стороны, поддержание контактов со своими соотечественниками, в том числе родственниками, приходящими на заработки [20]. Причем у таранчей имелся контакт с выходцами из Илийского края, у ферганских кашгарлыков — с кашгарцами из Кашгарии. Многие из числа приходивших на заработки поселялись здесь постоянно. Контактов между таранчами и кашгарцами практически было очень мало, хотя, когда они встречались, то немедленно обнаруживали несомненное родство.

Главным занятием уйгуров с самых давних пор является земледелие. Поселившись преимущественно среди кочевого казахского населения, уйгуры-таранчи освоили и оросили пустовавшие степи. В ведении сельского хозяйства, особенно в организации орошения у уйгуров еще долгое время сохранялись общинные традиции. Однако следует подчеркнуть, что в дооктябрьский период в хозяйство уйгуров Семиречья проникают и капиталистические черты.

В этот период развитие товарно-денежных отношений было характерно для уйгуров Чуйской долины. Хотя их хозяйство сохраняло полунатуральный характер, тесная связь его с рынком была несомненна. Исследователи установили, что доход от земледелия в натуральной форме составлял 68,8%, а в денежной форме — 31,2%; из соседей уйгуры уступали только дунганам, у которых доход в денежной форме превышал доход в натуральной форме, и превосходили своих соседей — русских и киргизов. В распределении дохода от скотоводства они превосходили всех своих соседей по соотношению его частей в натуральной форме

(43,6%) и денежной (56,4%) [21]. Еще в большей степени проникновение элементов капиталистических отношений было характерно для уйгуров-кашгарлыков, проживавших в Ферганской долине, у которых было довольно много поливной земли. Товарно-денежные отношения стали здесь господствующими уже к концу XIX в. Далеко зашедшее социальное расслоение привело к формированию категории безземельных крестьян, пополнявших ряды сельского пролетариата. Рост товарно-денежных отношений с неизбежностью вел к возрастанию межэтнических контактов уйгуров-земледельцев с русскими-горожанами, с казахами-скотоводами. Постепенно с ростом контактов в сфере производства и выходом его за рамки узкого этнического коллектива стали крепнуть межэтнические связи, находившие свое выражение в классовой солидарности [22].

Через русских переселенцев уйгуры познакомились с прогрессивными традициями земледелия, восприняли от русских ряд сортов огородных, полевых и садовых культур, познакомились с новой, более прогрессивной сельскохозяйственной техникой.

В годы первой мировой войны укрепились связи уйгурской бедноты с революционно настроенными представителями русского народа, а также с другими народами Средней Азии и Казахстана, подвергавшимися гнету. В этот период из среды уйгуров-таранчей выдвинулись такие видные в будущем партийные и государственные уйгурские деятели, как Абдулла Розыбакиев, Алиакбар Розыбакиев и др.

В годы революции и гражданской войны уйгурская беднота встала на защиту завоеваний революции и интересов Советской власти. Уйгуры вступали в ряды Красной Армии, а в сентябре 1921 г. из уйгуров и дунган был сформирован 56-й полк (затем 15-й кавалерийский полк, участвовавший в разгроме басмачей в Ферганской долине).

Наделение уйгуров землей, проведение земельно-водной реформы 1921—1922 гг. в Семиречье способствовало укреплению авторитета Советской власти, изоляции уйгурской эксплуататорской верхушки, расширению контактов уйгуров с другими народами.

С установлением Советской власти многое стало меняться в жизни уйгуров. С конца 20-х годов начинается коллективизация, приобретшая массовый характер в 30-х годах. Сначала колхозы организовывались среди бывших общинников-односельчан. Постепенно росло колхозное производство, появилось много новой техники, обновились способы возделывания традиционных культур, стали внедряться новые. В колхозы и МТС прибыли специалисты: агрономы, ветеринары, механизаторы, люди разных национальностей. В этот период практически прекратились связи с Синьцзяном и усилились связи с местным населением. В расширении межэтнических контактов большая роль принадлежит созданию укрупненных колхозов, на территории которых ра-

ботали вместе с уйгурами представители многих национальностей: казахи, киргизы, узбеки, русские и др.

В годы Советской власти в районах компактного расселения уйгуров создавались уйгурские национальные районы: на территории Казахской ССР такими районами являлись Джаркентский, Уйгурский, Чиликский, Энбекши-Казахский (смешанный), на территории Узбекской ССР были выделены уйгурские национальные сельсоветы в Ленинском р-не — Зарбдар, в Пахтаабадском р-не — Уйгурский, на территории Киргизской ССР, в Ошском р-не — Кишлакский, в Каракольском — Берликский, в Араванском — Лянгарский (смешанный). В Узбекистане было образовано свыше 60 уйгурских колхозов, в Туркмении — 2, в том числе один смешанный [23]. Как видно из этих материалов, уйгуры еще были административно обособлены, но их многосторонние связи с соседним населением все время росли и укреплялись. Расширение связей, изменение характера взаимоотношений уйгуров с соседями приводило к изменению устаревшего административно-территориального деления. По данным районирования в 1926 г., в Узбекистане было в Ленинском р-не 3 уйгурских сельсовета, в Избаскентском — 2, в Джалял-Кудукском — 1, в Ворошиловском — 1, кроме того, было 2 национально-смешанных сельсовета: уйгуро-узбекский и уйгуро-киргизский [24]. Сравнение этих более ранних данных с поздними дает право сделать вывод, что период в 10 лет (1926—1936 гг.) был периодом резкого увеличения межэтнических контактов, нашедших свое выражение и в изменении административно-территориального деления.

В советское время из среды уйгурского населения стали избираться депутаты, представляющие интересы своих избирателей в выборных органах всех ступеней. Вместе с депутатами, выдвинутыми из среды других народов, они решают задачи общего строительства, дальнейшего развития района, области, республики, тем самым приобщаясь к жизни всех народов своего региона.

Многие уйгуры селились среди окружающего населения, и им обеспечивалось равное право на землю, на труд, на образование и т. д. Теперь уже уйгурские семьи охотно переселялись в инонациональную среду — казахскую, киргизскую, узбекскую, туркменскую, таджикскую, русскую, татарскую и т. д. Через эти группы дисперсно живущего населения возрастало влияние других народов на уйгуров, шло культурное взаимопроникновение.

Контакты уйгуров с другими народами всей нашей страны значительно возросли в грозные годы Великой Отечественной войны. Большое количество уйгуров, в том числе добровольцев, стали воинами Советской Армии, они сражались на фронтах, обеспечивая сообща победу всего советского народа в войне.

Среди уйгурских воинов есть Герои Советского Союза, такие, как Дадаш Бажанов, Азнибакиев и др. В уйгурских селах тепло

и заботливо были приняты беженцы из районов, оккупированных врагом, из блокадного Ленинграда. Были случаи, когда дети, потерявшие родителей, — русские, украинцы, белорусы, эстонцы, латыши и другие были усыновлены и удочерены в уйгурских семьях. Важно отметить возросшее участие женщин в производственном труде и общественной жизни, что внесло определенные изменения в семейную жизнь, способствовало возникновению новых традиций.

В послевоенный период уйгуры вместе со всем советским народом участвовали в восстановлении разрушенного войной хозяйства и его развитии. Увеличилось число уйгуров — жителей городов, вырос процент уйгуров, пополнивших рабочий класс. Усилилась производственная активность на полях. Среди уйгуров много Героев Социалистического Труда, и в их числе — женщины.

У уйгуров сформировалась национальная интеллигенция: учителя, врачи, писатели, художники, артисты и т. д. Из своей среды уйгуры выдвинули видных государственных и партийных деятелей.

Все это — свидетельство активного участия уйгуров в жизни страны, свидетельство резко возросших и самых разнообразных контактов уйгуров с народами нашей страны.

Уйгурский (новоуйгурский) язык относится к карлукско-хорезмийской подгруппе карлукской группы западнохуннской ветви тюркских языков [25]. В языке советских уйгуров выделяются два говора: семиреченский и ферганский. Таким образом, можно констатировать, что по лингвистическому принципу советские уйгуры делятся на две группы: более многочисленную — семиреченскую, компактно расселенную на территории Восточного Казахстана и Восточной Киргизии, Туркмении, частично Узбекистана, преимущественно в Ташкенте, и значительно меньшую — включающую уйгуров Ферганской долины (прежде всего Андижанской обл. Узбекистана и Ошской обл. Киргизии) и Джамбульско-Чимкентскую группу на территории Казахстана [26].

В процессе этнического развития семиреченской группы происходила, с одной стороны, консолидация диалектных элементов собственно уйгурского языка, с другой стороны, шло проникновение заимствований из языков соседних народов. В последний период в связи с ростом этнокультурных контактов, возросло влияние на уйгурский язык со стороны казахского и русского языков. А. Т. Кайдаров этот процесс характеризует следующим образом: «В местностях, где преобладает казахское население и отсутствуют уйгурские школы, уйгурские дети обучаются в казахских школах, и, наоборот, где основное население составляют уйгуры и функционируют только уйгурские школы, дети казахов (да и не только казахов) обучаются на уйгурском языке, что, конечно, находит свое отражение в их языке. Надо сказать, что уйгуры Казахстана, особенно молодое поколение, свободно

объясняются с казахами на казахском языке. В результате в их речи отмечаются элементы казахского языка» [27].

На язык небольшой группы уйгуров — выходцев из Семиречья, поселившихся в конце XIX в. в Марыйской обл. Туркмении, — оказывает влияние, преимущественно в области лексики и морфологии, туркменский язык. Язык старшего поколения уйгуров этого района по существу не отличается от языка основной массы семиреченских уйгуров, поскольку они, живя довольно изолированно, общались между собой на своем родном языке. Вплоть до конца 40-х годов XX в. здесь были уйгурские школы, способствовавшие сохранению уйгурского языка. Начиная с 40-х годов процесс влияния туркменского языка усилился, особенно через обучение на туркменском языке. К настоящему времени влияние туркменского языка на язык уйгуров Марыйской обл. настолько велик, что языковеды говорят об особенностях туркменского подговора семиреченского говора уйгурского языка [28].

Как уже отмечалось, на территории Киргизии, в районах городов Фрунзе и Токмака уйгуры, говорящие на семиреченском и ферганском говоре, живут чересполосно друг с другом, а также с киргизами. Поэтому язык киргизских уйгуров характеризуется, с одной стороны, некоторым смешением двух основных говоров уйгурского языка, с другой — формированием особенностей киргизского подговора семиреченского говора [29]. В свою очередь уйгурский язык оказывает влияние на язык соседних киргизов [30].

Наиболее прочные, не прерывающиеся связи с казахстанскими уйгурами сохраняет иссык-кульская группа киргизских уйгуров, живущая в Пржевальске и окрестных селах. Их языки мало чем отличаются друг от друга.

Носители ферганского говора исторически весьма близки к узбекам. Однако наибольшая близость к уйгурскому языку установлена для наманганского говора узбекского языка, что свидетельствует о длительных этнокультурных связях этих двух родственных народов в последнее время. А. К. Боровков допускал два вероятных объяснения этому факту: смешение узбекских говоров с современным уйгурским языком или влияние окружающих узбекских говоров на язык колонистов из Кашгарии [31]. Вполне вероятно, что второе объяснение небезосновательно, так как известно, что число уйгуров в Ферганской долине довольно быстро и резко сокращается: в середине XIX в. здесь проживало примерно 200—250 тыс. уйгуров [32], а по переписи 1959 г., на территории всего Узбекистана их насчитывалось всего 19,4 тыс.[33]

Таким образом, можно говорить о том, что на территории Ферганской долины Узбекистана происходит процесс сближения узбекского и уйгурского населения, обусловленный прежде всего исключительной близостью языков этих двух родственных народов. Этот же процесс происходит и на территории Ошской обл. в Киргизии. В настоящее время исследователи отмечают как узбекские элементы в уйгурском языке, так и уйгурские элементы

в узбекском. Это дает право рассматривать ферганский говор уйгурского языка как переходный между уйгурским и узбекским языками. Такое его состояние — результат не только исторической общности, но прежде всего — непосредственно длительных контактов их носителей [34].

Однако надо отметить, что степень влияния узбекского языка на уйгурский не везде одинакова на территории Ферганской долины. Там, где уйгуры живут наиболее компактно, крупными многочисленными группами, где сравнительно недавно было школьное образование на уйгурском языке, уйгурский язык устойчиво сохраняется прежде всего в устно-разговорной форме [35]. Важно отметить, что сохраняются также особенности местных наречий, например у доланов в Долан-Кишлаке Московского р-на Андижанской обл.

Активную роль в развитии языковой ситуации играет уйгурский литературный язык. Первоначально, в 20-х годах, при обсуждении вопроса о диалектной основе уйгурского единого литературного языка было решено положить в его основу оба говора — семиреченский и ферганский. В таком решении нашли отражение споры о единстве уйгуров. Одна группа считала, что таранчи и кашгарлыки являются хотя и близкородственными, но отдельными самостоятельными народами, и потому каждый из них имеет право на формирование самостоятельного литературного языка; другая группа считала, что может быть создан единый литературный язык советских уйгуров, расхождение было лишь в выборе нормативного говора для него: одни были сторонниками семиреченского говора, другие — ферганского. Именно эта спорная ситуация в выборе диалектной основы литературного языка предопределила такое дуалистическое решение.

В 20—30-е годы в литературном языке советских уйгуров происходило укрепление и развитие общих элементов семиреченского и ферганского говоров. Однако в процессе формирования единого литературного уйгурского языка в СССР выявились разные возможности этих говоров. Первоначально положение ферганского говора укреплялось тем, что наиболее крупные культурные центры советских уйгуров находились в Ташкенте и Андижане. Все больше проявлялась изолированность ферганских уйгуров от всех остальных, прежде всего семиреченских, а также усилились процессы сближения их с узбеками, Вместе с тем в Казахстане наблюдалось бурное развитие разных форм уйгурской национальной культуры. Доля ферганского говора стала постепенно уменьшаться, и к настоящему времени литературный язык советских уйгуров сложился на основе семиреченского говора, на котором говорит большинство уйгуров, живущих в СССР. В наше время единый литературный язык советских уйгуров все больше приобретает наддиалектный характер и теперь уже в свою очередь оказывает нивелирующее воздействие на местные уйгурские говоры и подговоры [36].

Хотя ферганский говор по-прежнему является одним из источников обогащения единого литературного языка советских уйгуров, сами ферганские уйгуры реально предпочитают пользоваться узбекским литературным языком. Таким образом, через систему среднего и высшего образования у этой группы уйгуров возрастает роль литературного узбекского языка. Через те же каналы возрастает роль туркменского литературного языка у уйгуров Марыйской обл. Туркмении. Среди некомпактных групп уйгурского населения, разбросанного по территории Киргизии, также возрастает роль киргизского литературного языка. Даже в Семиречье, где уйгурское население живет наиболее компактно, среди уйгуров получает определенное распространение казахский литературный язык. Сначала этот процесс возникает у немногочисленных дисперсных групп уйгуров, но его распространение связано с расширением хозяйственно-культурных контактов уйгуров с казахами.

Все вышеизложенное позволяет подтвердить вывод лингвистов-уйгуроведов о том, что вся самостоятельная история развития советских уйгуров и их языка привела к отрыву семиреченского и ферганского говоров соответственно от илийского и кашгарского говоров синьцзянских уйгуров [37]. Этот вывод подтверждается и тем, что язык новых уйгурских переселенцев, перешедших в СССР в начале 60-х годов XX в., существенно отличается от языка советских уйгуров, длительное время живущих в Казахстане, Киргизии, Узбекистане, Туркмении [38].

Среди уйгуров высок процент знания родного языка. Так, по переписи 1959 г. 85% советских уйгуров назвали родным языком язык своей национальности, а по переписи 1970 г.— 85,5% [39]. Как можно видеть из материалов переписи 1970 г., позиции родного языка наиболее прочны в сельской местности. Так, в Алма-Ате в 1970 г. учтено 19 105 уйгуров, из них родным языком уйгурский назвали 17 468 человек, или 91,4% от общего количества, а в Алма-Атинской обл. в том же году из 72 692 человек — 70 854 человек, или около 97,5%. Позиции родного языка прочнее в районах компактного уйгурского расселения (например, в Алма-Ате и в Алма-Атинской обл.), и отмечается возрастание роли других языков в районах чересполосного расселения, особенно в Узбекистане — зоне распространения ближайшего родственного языка. Так, в Узбекистане из общего числа уйгуров около 24 тыс. человек родным языком назвали свой национальный язык только 14,2 тыс. человек (59,1%), узбекский — 8,8 тыс., русский — 0,8 тыс., татарский — 0,09 тыс. и т. д. Как вторым владеют узбекским 4,9 тыс. человек, русским — 4,5 тыс., казахским — 0,1 тыс., татарским — 0,5 тыс. человек.

Таким образом, языковые процессы у уйгурского населения многолинейны. Почти все уйгурское население в СССР многоязычно. Степень знания других языков особенно возрастает в районах с чересполосным характером расселения.

Иногда даже это приводит к утрате родного языка, вытеснению его другим языком, преимущественно языком соседнего населения. Широкое и глубокое знание разных языков способствует расширению многообразных контактов с живущими по соседству с уйгурами узбеками, казахами, киргизами, русскими, туркменами, таджиками.

Материальная культура уйгуров Советского Союза несет в себе черты, во многом сходные с основными элементами материальной культуры народов Средней Азии, в особенности узбеков.

Эти черты прослеживаются как у уйгуров Ферганы, так и у уйгуров Семиречья, территориально удаленных от народов Средней Азии. Поэтому неправомерно объяснять близость элементов материальной культуры уйгуров и узбеков лишь узбекскими влияниями, начавшимися после переселения уйгуров в Фергану, как это делают некоторые исследователи [40]. Истоки данного сходства связаны с давними этнокультурными и историческими связями народов Средней Азии и Восточного Туркестана.

Существует значительное количество общих черт в орудиях труда (земледельческих и ремесленных), в средствах транспорта, в планировке и устройстве жилых и хозяйственных построек, в традиционной одежде и национальной пище. Такая общность во многом определяется принадлежностью уйгуров к тому же хозяйственно-культурному типу оседлых земледельцев, к которому относятся такие народы Средней Азии, как узбеки или таджики.

Многие сельскохозяйственные орудия уйгуров Семиречья имеют аналоги у узбеков и таджиков (уйгурская соха *сапан* или *бугуса*, узбекская — *омач*; уйгурская борона *сорэм* напоминает *чапар* горных таджиков; одно из самых распространенных старинных среднеазиатских земледельческих орудий — кетмень имеется и у уйгуров, и у других соседних народов) [41].

Многие элементы старинного уйгурского дома роднят его с архаическими типами среднеазиатских построек (отсутствие деревянного каркаса, глинобитные или каменные стены, стоящие прямо на земле и держащие крышу, световое отверстие в кровле и т. д.). Много общего во внутренней планировке и наименовании жилых и хозяйственных помещений, в устройстве очагов и отопления, стенных ниш, наличии приподнятого пола (в виде *супы* у уйгуров, *декун* у горных таджиков) [42].

В уйгурской одежде имеется много черт, присущих основным формам костюма, распространенного у узбеков, таджиков и других народов Средней Азии (рис. 1). Как правило, одинаков подбор основных его частей: нательная рубаха, штаны, халат распашного туникообразного покроя. Есть общие черты в крое женского платья.

Некоторое сходство можно проследить в старинных головных уборах, украшениях, обуви и т. п.

Национальные традиции в уйгурской пище близки во многом среднеазиатским. Существуют множество одних и тех же блюд,

общие черты в их приготовлении и подаче на стол. Сходство обнаруживается в формах посуды и кухонной утвари.

Материальная культура уйгуров содержит в себе черты многих этнических напластований. Помимо отмеченных моментов, сближающих культуру уйгуров с культурой других среднеазиатских народов, ей присущи многочисленные специфические черты, многие из которых связывают уйгуров с тем этническим окружением, в котором они находились до их переселения из Восточного Туркестана.

В хозяйстве и материальной культуре уйгуров встречаются некоторые черты, сближающие их с дунганами.

В огородных работах употреблялись похожие или одинаковые орудия. Так, например, у уйгуров Семиречья широко распространена дунганская мотыжка *чэнчэзэ* для возделывания грядок.

Некоторые элементы материальной культуры, распространенные у народов Восточного Туркестана и заимствованные у них уйгурами, приняли своеобразные формы (например, уйгурский *кан*) [43].

В пище уйгуров до настоящего времени еще сохраняются старые традиции. Некоторые блюда, явно дунганского происхождения, известны до сих пор не только уйгурам Семиречья, но и уйгурам Ферганы (манты из кислого теста *рабуза*, салаты *джусай* и *бесай*, крахмальная лапша *фунтоза*), причем часть блюд готовится на пару́, что не является характерным для среднеазиатской кухни.

В настоящее время материальную культуру уйгуров СССР

Рис.1. Уйгуры в традиционной одежде

нельзя назвать однородной. Анализируя ее данные, исследователи выделяют две группы уйгуров: кашгарлыки Ферганы и таранчи Семиречья. Правомерность такого разделения подтверждается другими этнографическими материалами.

Различия в материальной культуре этих двух групп возникли под влиянием разных историко-экономических и географических условий и в неодинаковом этническом окружении (узбеки, таджики — в Фергане, казахи, русские, дунгане — в Семиречье).

Характер поселений и тип жилища, строительная техника и основные элементы усадьбы неодинаковы у уйгуров Казахстана и Средней Азии.

Уйгуры Андижанской и Ошской областей чаще всего строят каркасные дома. Каркас заполняют сырцовым кирпичом. Строительная техника здесь не отличается от техники, принятой у узбеков [44].

Строительство жилищ у уйгуров Казахстана имеет значительные отличия. В старинном уйгурском доме Семиречья деревянный каркас отсутствует. Балки, на которых держится земляная кровля, укладываются на стены. Господствующим типом постройки был дом с глинобитными стенами [45]. Планировка усадьбы отличалась большей сложностью, чем у ферганских уйгуров. Существовало несколько ее типов. Одним из них является усадьба, включающая хозяйственные и жилые постройки, соединенные между собой крытым двором. Сейчас уже такие усадьбы не строят. Но в Чиликском и Уйгурском районах еще сохранились некоторые из них. Второй тип усадьбы является близким по своей планировке к первому, содержит несколько хозяйственных и жилых построек, однако крытый двор в нем отсутствует.

Эти типы усадьбы с многочисленными хозяйственными и жилыми помещениями были рассчитаны на большие, неразделенные семьи. Сейчас, когда во многом изменился уклад уйгурской семьи, когда зачастую взрослые дети живут отдельно от родителей, необходимость в таких обширных постройках исчезает.

В послереволюционные годы у уйгуров Казахстана стал распространяться новый тип жилища, связанный с русским влиянием,— деревянные дома на кирпичном фундаменте.

В настоящее время используются новые строительные материалы — кирпич, бетон, шифер и т. д. Строятся поселки городского типа, в которых все меньше и меньше остается старых глинобитных построек. Отошли в прошлое старинные уйгурские дома, имеющие стены без окон. Во многом изменился интерьер жилых помещений. Появились кровати, диваны, шкафы, письменные столы, стулья, радиоприемники и т. д. Причем у семиреченских уйгуров все эти изменения выражены в несравненно большей степени, чем у ферганских.

Раньше различия в старинной одежде семиреченских и ферганских уйгуров были невелики и сводились к некоторым деталям покроя. В настоящее время эти различия стали ощутимее.

У уйгуров Ферганы сохраняются до сих пор многие традиционные формы одежды, близкие к узбекским, и все нововведения воспринимаются узбеками и уйгурами одинаково. В Казахстане же преобладающей становится одежда городского типа. Сейчас в Семиречье лишь пожилые женщины носят платья старинного образца.

Более всего старые традиции сохраняются в уйгурской пище. Повсеместно в Средней Азии и в Казахстане славится уйгурская кухня. Существует огромное разнообразие уйгурских блюд. Однако разница в них в Фергане и Казахстане значительная. Не останавливаясь подробно на описании пищи уйгуров этих двух различных групп, можно привести лишь некоторые примеры. У ферганских уйгуров распространены в основном зеленый чай *кок чай* и черный — *пэмил чай*, в Семиречье повседневным блюдом является *эткэн чай*, который варят в казане с солью, а затем разливают в большие пиалы и добавляют сливки, поджаренную муку, сливочное масло, кусочки лепешки. В пищевой рацион семиреченских уйгуров входит гораздо больше мясных и молочных продуктов. Уйгуры Ферганы чаще, чем уйгуры Казахстана, используют рис для приготовления пищи. Имеется ряд отличий в подаче блюд к столу. Семиреченские уйгуры пьют чай из отдельных пиал, рис или лапшу часто едят палочками *чока*; ферганские уйгуры в основном пьют из одной пиалы, передавая ее друг другу по очереди, некоторые блюда едят руками, например плов, как это принято у многих народов Средней Азии.

В Семиречье у уйгуров появилось много новых форм посуды, в основном это перенятые от русского населения кастрюли, сковороды, ведра, тарелки, чашки с блюдцами, стаканы, вилки, ложки, ножи и т. д.

Семиреченская группа уйгуров в большей степени сохранила свою специфичность, чем ферганская. Основа их хозяйства — оседлое земледелие — резко отличалось от основы хозяйства соседнего казахского населения — кочевого скотоводства.

Пути, по которому идет дальнейшее культурное развитие этих двух групп уйгуров, имеют различия. Материальная культура ферганских уйгуров все больше развивается по пути слияния их с соседним узбекским населением на основе их давней культурной близости. В то же время уйгуры Казахстана в большей степени сохраняют свое этническое своеобразие.

Семья у уйгуров до сих пор остается носителем своеобразных этнических определителей [46]. В семейном быту находят отражение социально-экономические и этнокультурные факторы, под влиянием которых происходят важнейшие процессы национального развития того или иного народа, в данном случае уйгуров.

В прошлом семья уйгуров имела патриархальный характер. Причем имелись существенные различия в семейном укладе уйгуров Семиречья (таранчей) и Ферганы (кашгарлыков). В Фергане на уйгурских женщин постепенно распространились законы,

присущие окружающему узбекскому населению. Женщины были обязаны носить паранджу. Дома стали иметь женскую и мужскую половины.

После Октябрьской революции во многом изменился уклад уйгурской семьи. Исчезли многоженство и женитьба на малолетних. Были созданы все условия для равноправия в семье. Экономическая независимость работающих женщин создала основу самостоятельности в решении личных судеб.

В настоящее время уйгурские женщины активно участвуют в общественной и экономической жизни страны. Среди них есть специалисты с высшим образованием: врачи, учителя, инженеры, научные сотрудники и т. д. Многие уйгурки добились значительных успехов на производстве и на колхозных полях. Так, например, в колхозе им. Свердлова Уйгурского р-на трудится Рахилям Сеитова. Она бригадир кукурузоводческой бригады. За высокие показатели в труде была удостоена звания Героя Социалистического Труда, награждена орденом Ленина и орденом Трудового Красного Знамени, была делегатом XXIV съезда КПСС.

Уйгурские женщины достигли успехов в области искусства. По всему Казахстану и за его пределами известны имена народных артистов Казахской ССР Рошангуль Илахуновой, Салимы Саттаровой, Мариям Семятовой.

Во взаимоотношениях старшего поколения и молодежи также произошли изменения. Семейный этикет по-прежнему предписывает подчеркнуто уважительное отношение к старшим, однако исчезли многие явления, происхождение которых восходит ко времени господства патриархальной большой семьи: приниженное положение невестки, исключение права младших членов семьи участвовать в решении важнейших вопросов, часто связанных с их собственной судьбой (заключение брака, выбор профессии и т. д.).

Изменения некоторых особенностей семейного быта нашли отражение в интерьере уйгурского дома, в функциональном использовании комнат и т. п. Если раньше самым распространенным в уйгурских селениях был жилой дом с тремя основными помещениями (*сарай* — комната для гостей, она же — летнее жилье; *ашхана* — кухня и одновременно зимнее жилье; *амбар* — кладовая), то в настоящее время появляются новые комнаты — детская, отдельная комната для стариков и т. д. Причем в комнате стариков интерьер сохраняется традиционно уйгурским: часто сооружают *кан* (приподнятая часть пола, обогреваемая теплым воздухом), современная мебель отсутствует. В комнатах младшего поколения имеются письменные столы, радиоприемники, диваны, кровати и т. д.

Существенные изменения произошли в последние десятилетия и в семейных обрядах уйгуров: наречения имени, свадебных, похоронных. Многие из архаических обрядов, особенно связанных с религиозным ритуалом и предрассудками, постепенно исчезают [47]. Возникают и распространяются общесоветские традиции семейных

торжеств и праздничных церемоний [48]. Особенно это проявляется в национально-смешанных семьях. Анализ этнически смешанных браков является важной стороной при изучении процессов этнического развития разных групп уйгуров, проживающих на территории СССР.

Из анализа материалов Уйгурско-дунганского отряда Среднеазиатской этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР (1973 г.) следует, что в среде уйгурского населения Казахстана имеются смешанные браки. В районных загсах Чиликского, Уйгурского и Панфиловского районов, где наиболее компактно проживают уйгуры, зарегистрированы браки уйгуров с русскими, казахами, киргизами, дунганами, узбеками, татарами, немцами, чеченцами. Однако процент этнически смешанных браков пока не очень высок. Так, например, из 170 браков, заключенных в загсе Чарынского сельсовета Уйгурского р-на с 1962 по 1972 г., 157 — уйгур — уйгурка, 5 — казах — уйгурка, 2 — уйгур — казашка, 2 — дунганин — уйгурка, 2 — уйгур — русская, 1 — уйгур — немка, 1 — узбек — уйгурка.

В Каратурукском сельсовете Чиликского р-на с 1962 по 1972 г. зарегистрировано 355 браков, из них 342 — уйгур — уйгурка, 5 — уйгур — казашка, 3 — казах — уйгурка, 3 — уйгур — русская, 1 — уйгур — чеченка, 1 — уйгур — татарка.

Несколько иную картину дают материалы по бракам уйгуров, проживающих в Средней Азии. Например, в г. Шарихан Московского р-на Андижанской обл., где уйгуры живут в соседстве с узбекским населением, процент этнически смешанных браков намного выше, чем однонациональных (уйгурских). Из 34 браков здесь с 1962 по 1973 г. заключено 15 браков уйгур — уйгурка и 19 смешанных (11 — уйгур — узбечка, 8 — узбек — уйгурка).

Рис. 2. Юноша-уйгур, играющий на национальном музыкальном инструменте

Совсем другая картина брачной статистики в г. Байрам-Али Марыйской обл. Туркменской ССР. Так, например, из 36 браков, заключенных в среде уйгурского населения с 1970 по 1974 г., 21 — уйгур — уйгурка, 2 — уйгур — русская, 2 — уйгур — украинка, 2 — уйгур — туркменка, 2 — туркмен — уйгурка, 1 — уйгур — казашка, 1 — уйгур — башкирка, 1 — уйгур — немка, 1 — азербайджанец — уйгурка, 1 — узбек — уйгурка. Малый процент смешанных браков уйгуров с их соседями туркменами в основном объясняется несхожестью во многих традиционных элементах их культуры и быта.

Росту смешанных браков способствует рост общей культуры уйгуров, когда в брак вступают прежде всего по любви, по духовным интересам, стараясь взять себе ровню. Совместный труд, учеба приводят к широким межэтническим контактам молодых людей, что облегчает знакомство и образование национально-смешанных семей.

Изучение современной жизни уйгуров Советского Союза показывает, что в настоящее время происходит интенсивный процесс сближения их национальной культуры с культурами соседних народов — казахов, киргизов, узбеков, русских. Ликвидация социальных различий, единство советской идеологии, экономики и культурной политики по отношению ко всем большим и малым народам СССР способствуют усилению процессов этнической интеграции. И особенно важно подчеркнуть, что при этом сохраняются и совершенствуются основные положительные черты традиционной культуры отдельных народов (рис. 2). Пример тому — современное этническое развитие уйгуров Советского Союза.

[1] Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. М.: Статистика, 1973, т. IV, с. 10.

[2] Подробнее об этом см.: *Клосон Дж.* О названии «уйгур».— В кн.: Исследование по уйгурскому языку. Алма-Ата: Наука, 1965, т. I.

[3] *Бернштам А. Н.* Уйгуры и Семиречье.— В кн.: Белек С. Е. Малову. Фрунзе: Изд-во Кирг. ФАН СССР, 1946, с. 22.

[4] *Бартольд В. В.* К истории орошения Туркестана.— Соч. М.: Наука, 1965, т. III, с. 213.

[5] *Гейер И. И.* Весь русский Туркестан. Ташкент, 1908, с. 258.

[6] *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1962, с. 325—335.

[7] Подробнее о доланах см.: *Тенишев Э. Р.* Доланы и их язык.— В кн.: Исследования по уйгурскому языку, т. I, с. 94—103.

[8] Подробнее об этом см.: *Кабиров М. Н.* Переселение илийских уйгуров в Семиречье. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1951; *Баранова Ю. Л.* Переселение мусульманского населения из Илийского края в Семиречье в 1881—1883 гг.— В кн.: Труды Сектора востоковедения АН Казахской ССР. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1959, т. I.

[9] Подробнее об этом см.: *Никольская Г. Б.* К истории появления уйгуров — выходцев из Синьцзяна в Южном Туркменистане в конце XIX в.— Изв. АН Туркменской ССР. Сер. обществ. наук, 1962, № 6, с. 26—32.

[10] *Зарубин И. И.* Список народностей Туркестанского края.— В кн.: Труды Комиссии по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран, 1925, № 9, с. 18, 19. Приводятся подробные сведения о их порайонном расселении в рамках существовавшего тогда административно-территориального деления.

[11] *Карпов В.* Сезонники-уйгуры.— За партию (Ташкент), 1929, № 9/10, с. 52.

[12] Численность и расселение народов мира. М.: Изд-во АН СССР, 1962, с. 86. Вообще же данные на 1926 г. весьма противоречивы. В книге «Народы СССР. Краткий справочник» (М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958, с. 28) наз-

вана цифра 55,4 тыс. уйгуров, дано также их расселение по областям Казахской, Узбекской, Киргизской и Туркменской ССР. В книге «Народы Средней Азии и Казахстана» (М.: Изд-во АН СССР, 1963, т. II, с. 483) сообщается о численности уйгуров в СССР в 1926 г. в 108 570 человек.

[13] Обычно первые группы сезонников-уйгуров приходили к началу полевых работ, т. е. в конце апреля — начале мая, приход прекращался к концу июня. Может быть, перепись была проведена до прихода сезонников со своими семьями.

[14] См.: *Карпов В.* Сезонники-уйгуры, с. 54.

[15] Численность и расселение народов мира, с. 36.

[16] Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года.

[17] Таглыками в Ферганской долине называли некоторые группы кашгарцев. Подробнее об уйгурских топонимах в Фергане см.: *Губаева С. С.* Этнонимы в топонимии Ферганской долины: Автореф. канд. дис. М., 1973.

[18] По материалам экспедиции 1974 г. Р. Н. Рассудова сообщала нам аналогичный факт об уйгурах в Чартакском р-не Наманганской обл.

[19] Об этом часто свидетельствуют песни, поговорки уйгуров, в частности песня «Женился я на доланской девушке», записанная у долан: «Женился я на доланской девушке, ни разу в месяц не умывается она. «Встань, умойся»! — коль я скажу, она, как вол, поводит своими глазами». Цит. по статье: *Тенишев Э. Р.* Доланы и их язык, с. 102.

[20] *Никольская Г. Б.* Некоторые данные об отходничестве из Северо-Западного Китая в Туркестан (в конце XIX — начале XX века).— Труды ТГУ, 1962, вып. 194, с. 43—60.

[21] *Васильев В. А.* Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины. ПГ., 1915, с. 96.

[22] Подробнее об этом см.: *Кабиров М. Н.* Переселение илийских уйгуров в Семиречье, с. 113—123.

[23] *Троицкая А. Л.* Из отчета о командировке 1936 г. в национальные районы среднеазиатских республик.— СЭ, 1937, № 4, с. 146, 147.

[24] *Амитин-Шапиро З. Л., Юабов И. М.* Национальные меньшинства Узбекистана: (Очерки социалистического строительства). Ташкент: Госиздат УзССР, 1935, с. 116.

[25] *Баскаков Н. А.* Введение в изучение тюркских языков. М.: Высшая школа, 1962, с. 268, 311.

[26] Подробнее см.: *Кайдаров А. Т.* Развитие современного уйгурского литературного языка. Алма-Ата: Наука, 1969, т. I, с. 249—353.

[27] *Кайдаров А. Т.* Развитие..., с. 267.

[28] Там же, с. 306—309; *Садвакасов Г.* Об изучении диалектов языка советских уйгуров.— В кн.: Исследования по уйгурскому языку. Алма-Ата: Наука, 1970, т. 2, с. 35.

[29] *Кайдаров А. Т.* Развитие..., с. 309—311; *Садвакасов Г.* Об изучении диалектов..., с. 37.

[30] *Кайдаров А. Т.* Развитие..., с. 311.

[31] Подробнее см.: *Боровков А. К.* К характеристике умлаутных или «уйгуризованных узбекских говоров».— В кн.: Белек С. Е. Малову, с. 29. Об этом явлении писали: *Юдахин К. К.* Уйгуро-узбекские языковые связи.— Изв. АН КиргССР. Сер. уйгуро-дунганской культуры, 1950, вып. 1, с. 28—30; *Решетов В. В.* О наманганском говоре узбекского языка.— В кн.: Сборник академику В. А. Гордлевскому. М., 1953, с. 216—230; *Садвакасов Г.* Язык уйгуров Ферганской долины. Алма-Ата: Наука, 1970, т. I, с. 33.

[32] *Захарова И. В.* Материальная культура уйгуров Советского Союза.— СЭС, 1959, т. 2, с. 225. (ТИЭ. Нов. сер., т. XI—XII).

[33] Народы Средней Азии и Казахстана, т. II, с. 488.

[34] Подробнее см.: *Садвакасов Г.* Язык уйгуров Ферганской долины и проблемы взаимодействия уйгурских и узбекских диалектов. Алма-Ата; Наука, 1972.

[35] *Садвакасов Г.* Об изучении диалектов..., с. 34.

[36] Подробнее об этом см.: *Садвакасов Г.* Язык уйгуров Ферганской долины. *Он же.* Язык уйгуров Ферганской долины и проблема взаимодействия уйгурских и узбекских диалектов; *Кайдаров А. Т.* Развитие..., с. 350—353.

[37] См., например: *Садвакасов Г.* Язык уйгуров Ферганской долины и проблема взаимодействия..., с. 45.

[38] *Кайдаров А. Т.* Развитие..., с. 310.

[39] Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. IV, с. 10.

[40] *Винников Я. Р.* Современное расселение народов в Ферганской долине.— ТИЭ, 1959, с. 407. (Нов. сер., т. XLVII).

[41] *Захарова И. В.* Материальная культура уйгуров Советского Союза.— КСИЭ, 1954, вып. 20, с. 82.

[42] *Кисляков Н. А.* Жилище горных таджиков бассейна реки Хингоу.— СЭ, 1939, № 2, с. 154—159; *Воронина В. Л.* Узбекское народное жилище.— СЭ, 1959, № 2, с. 81—82.

[43] *Захарова И. В.* Материальная культура..., с. 257.

[44] *Воронина В. Л.* Узбекское народное жилище, с. 67—74; *Захарова И. В.* Материальная культура..., с. 263—264.

[45] Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области. СПб., 1914, т. 5, с. VIII.

[46] *Ганцкая О. А., Терентьева Л. Н.* Этнос и семья в СССР.— В кн.: IX МКАЭН (Чикаго, сентябрь 1973 г.): Доклады советской делегации. М.: Наука, 1973, с. 2.

[47] Подробнее см.: *Ходжаева Р. Д.* Общественное положение уйгурской женщины в Советском Казахстане.— В кн.: Труды Ин-та истории, археологии и этнографии. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1956. Т. 3. Этнография.

[48] *Ганцкая О. А., Терентьева Л. Н.* Этнос и семья в СССР, с. 7.

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ УЙГУРСКИХ И УЗБЕКСКИХ ГОВОРОВ ФЕРГАНЫ

Г. С. Садвакасов

Среди тюркологов нет разногласий относительно того, что современные уйгурский и узбекский языки характеризуются большим сходством между собой. И действительно, сходство это обнаруживается во всех сферах этих языков: в фонетической системе, грамматическом строе и лексическом составе. Благодаря наличию значительного количества общих, исторически единых языковых элементов эти два языка составляют, как известно, одну классификационную — карлукскую — группу тюркских языков [1]. «Письменная традиция в дореволюционное время была у узбеков и уйгуров столь близка, — писал К. К. Юдахин, — что языковая принадлежность автора того или иного документа (т. е. уйгурская и узбекская) часто определялась с большим трудом» [2]. Устная разговорная речь основной массы узбеков и уйгуров, населяющих Ферганскую долину и Кашгарию, во многом также сходна.

Важно отметить, что языковые черты, общие для уйгурского и узбекского языков, — это результат не столько их позднейшего взаимодействия, сколько этногенетической общности происхождения их носителей. Тесные уйгурско-узбекские этнолингвистические связи уходят своими корнями в глубокую древность. Существующая в тюркологии обширная литература об исторических обстоятельствах образования уйгурской и узбекской народностей и формирования их языков свидетельствует о том, что предки современных уйгуров и узбеков, особенно той части узбеков, язык которых составлял карлуко-уйгурское наречие, на протяжении многих столетий находились в одинаковых социально-экономических и культурно-бытовых условиях [3].

До XVIII в., т. е. до интенсивного переселения уйгуров из Кашгарии в пределы Ферганской долины, уйгурский и узбекский языки уже представляли собой два самостоятельных языка, каждый из которых характеризовался собственными специфическими чертами. В дальнейшем территориальная обособленность, своеобразие этнолингвистического окружения, различные социально-экономические и общественно-политические условия, а также другие факторы усугубляли различия между уйгурским и узбекским языками. В настоящее время эти различия уже настолько значительны, что принадлежность того или иного лингвистического факта одному из указанных языков устанавливается без особого труда.

Надо полагать, что почти одновременно с процессом дифференциации, приведшим к формированию двух самостоятельных языков — новоуйгурского и узбекского [4], в некоторых территориально смежных районах Восточного Туркестана и Ферганской долины шел сложный процесс взаимодействия этих языков. Такое взаимодействие в силу ряда исторических обстоятельств приобретает более интенсивный характер в XVIII и XIX вв.

Уйгурско-узбекское языковое взаимодействие в известной мере носит локальный характер, так как в данном случае степень и интенсивность взаимопроникновения языковых элементов определяются районами контактирования носителей. В зависимости от территориальной смежности и характера контакта носителей в одних уйгурских говорах узбекские элементы наблюдаются больше, а в других — меньше. То же самое можно сказать о соотношении элементов уйгурского языка в узбекских говорах.

В этой связи важно отметить, что носители уйгурских говоров южных районов Восточного Туркестана поддерживали более или менее регулярную связь с узбекским населением Ферганской долины, равно как и узбеки — переселенцы из Ферганы (*әнҗаллыхлa* — андижанцы) составляли известную часть населения Кашгарии. В XVIII—XIX вв., как об этом сообщают историки, «немалое число жителей Кокандского ханства на бóльшие или меньшие сроки переселялось в пределы Восточного Туркестана. Кокандские выходцы в Восточном Туркестане, как и кашгарцы в Средней Азии, обычно продолжали поддерживать самые тесные связи со своей родиной. В случае неудач в Кашгаре кокандцы возвращались в родные места. Поэтому между Восточным Туркестаном и среднеазиатскими ханствами постоянно происходил обмен значительными группами населения. Он облегчался этнической и языковой близостью, а также принадлежностью к мусульманской религии» [5]. Следовательно, непосредственный контакт уйгуров и узбеков в районах Кашгарии и Ферганы поддерживал исторически сложившуюся близость их языков. Что касается илийских (кульджинских) и семиреченских уйгуров, то они в силу своей территориальной отдаленности от узбеков не могли, естественно, вступить с ними в тесный языковый контакт. Именно это обстоятельство послужило причиной того, что в настоящее время сходные уйгурско-узбекские языковые элементы в группе уйгурских говоров южной части Восточного Туркестана обнаруживаются гораздо больше, чем в илийском и семиреченском говорах.

Масштабы взаимодействия диалектов уйгурского и узбекского языков в настоящее время значительно сузились, ограничиваясь в основном Ферганской долиной. Поэтому, кроме исторически сложившейся языковой близости, в отношении уйгурских и узбекских говоров Ферганы нужно говорить еще о вновь приобретенных чертах сходства.

Как известно, уйгуры Советского Союза живут в среднеазиатских республиках и в Казахстане. По данным переписи населения

1970 г., их численность — 173 тыс. человек. По своему территориально-географическому положению, а также по языковым особенностям советские уйгуры делятся на две большие группы: семиреченскую и ферганскую.

Уйгуры Ферганской долины, говорящие на ферганском говоре уйгурского языка, являются в основном выходцами из южных районов Восточного Туркестана, переселившимися сюда в XVIII — XIX вв. и в начале XX в. Главной причиной этого явилось создавшееся в Кашгарии сложное социально-экономическое и политическое положение, связанное с цинским завоеванием: тяжелый гнет маньчжурско-китайских властей, расправа за участие в восстаниях. Часть уйгурского населения Ферганы состояла из крестьян, ушедших из Кашгарии в поисках работы и свободной земли.

Ферганские уйгуры относительно компактно представлены в Избаскентском, Андижанском, Ленинском, Московском районах Андижанской обл. Узбекской ССР, Карасуйском, Араванском, Ленинском, Сузакском, Токтогульском районах Ошской обл. Киргизской ССР, а также в городах Андижан, Ленинск, Ош, Узген, Джалалабад. Небольшими «гнездами» они живут среди сплошного узбекского населения почти по всей Ферганской долине. Уйгуры Намангана и его окрестностей уже слились с местными узбеками, оставив, однако, глубокий след в языке последних [6].

Главная особенность ферганского говора уйгурского языка состоит в том, что он, будучи переходным, неоднотипен по своим языковым признакам и совмещает в себе специфические черты некоторых уйгурских говоров Восточного Туркестана (например, кашгарского, отчасти и яркендского и аксуйского), с одной стороны, и узбекского языка — с другой. Внутри этого говора отмечаются мелкие диалектные единицы (подговоры), отличающиеся друг от друга прежде всего степенью воздействия на них языка окружающего узбекского населения, т. е. наличием большего или меньшего количества элементов узбекского языка. В зависимости от времени переселения и компактности одни группы уйгуров успели уже ассимилироваться местными узбеками, степень же влияния узбекского языка и культуры на другие группы различна.

Так, например, уйгуры, компактно представленные в сел. Уйгур-Кишлак (Избаскентский р-н Андижанской обл.), относительно чисто сохранили свой язык. Здесь не только пожилые, но и представители молодого поколения говорят на модифицированном кашгарском говоре (например, *чим*? вм. *ким*? (кто?), *чир-* вм. *кир-* (заходить), *силини* вм. *силэ* (*р*)*ни* (вас), *көрәп* вм. *көрүп* (увидев), *әмгики* вм. *әмгиги* (его труд) и т. д.).

В языке уйгуров сел. Долан-Кишлак (Московский р-н Андижанской обл.), являющихся выходцами из Маралвеши, Меркета (Восточный Туркестан), сохранилось много характерных особенностей аксуйского говора центрального диалекта. Он во многом напоминает также илийский и семиреченский говоры. Сохранению

здесь родного языка способствует то, что уйгуры в этих селениях составляют большинство населения и всегда имеют возможность общаться между собой по-уйгурски. До начала 40-х годов здесь работали уйгурские школы, где дети обучались на своем родном языке. Это обстоятельство также сыграло важную роль в функционировании в настоящее время уйгурского языка в устно-разговорной форме. Что касается уйгуров селений Акбуйра, Артуш (Московский р-н Андижанской обл.), то здесь наблюдается несколько иная картина: их язык очень сильно испытал на себе нивелирующее влияние узбекского языка и находится в стадии слияния с ним.

В этой связи интересно отметить случаи, когда жители даже одного и того же уйгурского селения с точки зрения языка делятся на «узбекизированные» (*өзбәкләшкән*), «смешанные» (*аралашқан*) и «хорошо сохранившие уйгурскую речь» (*уйғурчәни йахши сахлыған*). Примером может служить сел. Кашгар-Кишлак (Карасуйский р-н Ошской обл.). По свидетельству наших информаторов — жителей сел. Кашгар-Кишлак, язык той части уйгуров данного селения, которая расположена ближе к г. Ош, узбекизирован; уйгуры, живущие в той стороне кишлака, что противоположна г. Ош, говорят на уйгурском языке; уйгуры, поселившиеся в центральной части, говорят на смешанном уйгурско-узбекском языке. То же самое можно наблюдать и в сел. Актачи (Ленинский р-н Андижанской обл.), где жители отдельных кварталов заметно отличаются друг от друга степенью узбекизации языка.

Образование ферганского говора происходило в совершенно иных условиях, чем формирование всех остальных диалектных единиц уйгурского языка. Здесь необходимо иметь в виду, что, поскольку Ферганская долина в XIX в. была уже заселена довольно плотно и свободных земель было мало, уйгуры в основном селились недалеко от узбеков и созданные ими более или менее крупные уйгурские селения подвергались постоянному влиянию окружающих узбеков.

Ферганский говор является промежуточным (или смешанным, переходным) между уйгурским и узбекским языками. Общим моментом для данного говора является тесное переплетение признаков как уйгурского, так и узбекского языков. Сильнейшее узбекское влияние находит выражение в употреблении параллельных уйгурско-узбекских фонетических и лексико-грамматических дублетов. Носители этих близкородственных языков в процессе общения очень легко осваивают сходные языковые элементы, что и приводит в конечном счете к двуязычию и смешению языковых элементов. На территории Ферганской долины создалась языковая ситуация, при которой взаимопроникновение языковых элементов почти беспредельно. При этом исключительно важную роль сыграли следующие экстралингвистические и этнолингвистические факторы.

Очень сильное воздействие на язык уйгуров Ферганской долины оказывали и оказывают факторы демографические: малочисленность носителей говора, расселение мелкими группами на обширной территории и их разобщенность и т. д.

Тесно с этими связаны факторы географические. Уйгуры Ферганы, как известно, отделены от своей основной массы — уйгуров Восточного Туркестана — государственной границей между СССР и КНР, а от семиреченских — большим расстоянием и огромными горными массивами, что послужило причиной отсутствия тесного контакта и живого общения между носителями указанных групп уйгуров.

Мощными факторами, решительно воздействующими на характер развития ферганского говора, выступают также давняя близость культуры и общность литературной традиции уйгуров и узбеков. Будучи закрепленными в языке, эти культурно-исторические факторы способствовали в Фергане еще большей консолидации представителей этих двух народов, сближению их языков. Уйгурский и узбекский языки, являясь близкородственными, составляют некое лингвистическое единство. Вследствие этого ферганские уйгуры часто не замечают и не отличают узбекские языковые элементы от уйгурских.

В настоящее время уйгурская молодежь обучается в основном в узбекских школах, а в селениях, где уйгуры сосредоточены компактными массами, собрания и другие общественные мероприятия проводятся на двух языках — узбекском и уйгурском, а делопроизводство ведется на узбекском.

Из всего этого видно, что язык уйгуров Ферганской долины служит коммуникативным средством преимущественно в семье и быту.

Повседневная совместная работа с узбеками на производстве, учеба на узбекском языке, пользование узбекским литературным языком, а также совокупность изложенных выше факторов постепенно привели уйгуров Ферганы к двуязычию: в кругу семьи, в быту они употребляют уйгурский язык, а в общественно-политической жизни, воспитании детей (вне семьи) и образовании — узбекский. Носители говора в одинаковой степени хорошо владеют родным и узбекским языками, но и в разговоре на родном языке употребляют массу слов и выражений из узбекского языка. При беседе они в необходимых случаях легко могут переходить с уйгурского языка на узбекский и наоборот.

Таким образом, язык уйгуров Ферганской долины представляет собой единственный уйгурский говор, который в силу объективных причин переживает процесс дифференциации, т. е. изоляции от своей общенародной языковой основы, сближения с узбекским языком и постепенного перехода к нему. Что касается всех остальных диалектных единиц уйгурского языка, то они развиваются по линии объединения и нивелирования их различий под влиянием литературного стандарта.

Характер данной статьи не позволяет в полном объеме представить узбекские заимствования в ферганском говоре. Здесь отметим лишь некоторые, наиболее существенные из них.

В области фонетики: 1) общая тенденция к палатализации и сужению гласных по линии *а* > *ə*, *ə* > *е*: *дədə* вм. *дада* (папа), *тəзəлə-* вм. *тазыла-* (чистить), *бел* вм. *бəл* (поясница); 2) появление *ə* во втором слоге твердых основ: *балə* вм. *бала* (ребенок), *акə* вм. *ака* (старший брат), *қулəқ* вм. *қулақ* (ухо), *бағдə* вм. *бағда* (в саду); 3) появление огубленного варианта гласного *а*(*а*^{0}): *а*^{0}*дəм* (человек), *ба*^{0}*р* (есть, имеется), *а*^{0}*лмə* (яблоко); 4) соответствие *ө* > *ү*: *үй* вм. *өй* (дом), *күй-* вм. *көй-* (гореть); 5) чередование *ң* с *й* в аффиксах лица и принадлежности: *келийлə* вм. *келиңла* (приходите, пожалуйста), *hиммəтийлəр* вм. *hиммитиңлар* (ваше великодушие); 6) полная прогрессивная ассимиляция звуков *зн* > *зз*: *биззи* вм. *бизни* (нас.), *өзүмиззи* вм. *өзүмизниң* (своих).

Под влиянием узбекского языка значительно ослабли отдельные фонетические законы уйгурского языка, например закон редукции широких гласных: *болəди* вм. *болуду* (будет), *қарады* вм. *қарыди* (он смотрел). Что касается закона умлаута, то он также потерял свою прежнюю регулярность и находится в стадии отмирания: *ачил-* вм. *ечил-* (открываться), *арих* вм. *ериқ* (арык), *бəлиқ* вм. *белиқ* (рыба), *ачиқ* вм. *очуқ* (открытый) и др.

В области морфологии: 1) наличие аффикса исходного падежа с широкими гласными вместо узких: *Əнжаннəн* вм. *Əнжандин* (из Андижана), *оқувчилардан* вм. *оқуғучилардин* (из учеников); 2) образование превосходной степени прилагательных и наречий посредством *жүдə*, *жүдийəм* (< *жүдə həм*): *жүдə йахши* (очень хороший ~ хорошо), *жүдийəм татлығ* (очень сладкий ~ сладко); 3) образование штучных числительных при помощи аффикса *-тə*: *биттə* (одна штука), *иккитə* (две штуки), *онтə* (десять штук); 4) образование наречий и местоимений посредством аффикса *-дай*, *-дəй*: *мəндəй* (подобно мне), *шундəй* (такой); 5) образование настоящего конкретного времени глагола посредством аффикса *-йат*, *-йап*, *-йəп* (наряду с собственно уйгурским *-ват*): *келийатыды* вм. *келиватиду* (он идет), *ишлийапмиз* вм. *ишləватимиз* (работаем) и др.

В области лексики произведенный нами подсчет показал, что узбекский лексический пласт в словаре ферганского говора составляет примерно 5%. К узбекским заимствованиям относятся, например, слова: *ачқы* (ключ для отпирания замка), *ашқывақ* (тыква), *ашық-машық* (шарнир для дверей, окон), *эттимəн* (рано утром), *ғылдырəқ* (колесо), *чотур* (рябой), *шора* (лебеда) и др.

В результате продолжительного тесного контакта не только язык уйгуров Ферганской долины испытал на себе огромное влияние со стороны узбекского языка, но и узбекские говоры этого обширного района приобрели своеобразные черты за счет уйгурских языковых элементов. По этому поводу К. К. Юдахин писал: «Кто занимается узбекской диалектологией, тот не может не обра-

тить внимания на очень большую близость между современным уйгурским языком и ташкентско-ферганской группой говоров узбекского языка, а также с узбекскими говорами Казахстана» [7].

В тюркологии нет пока специальной монографической работы, в которой бы в широком плане освещался вопрос о путях и характере проникновения уйгурских элементов в узбекские диалекты [8]. Однако следует подчеркнуть, что нет, пожалуй, ни одной серьезной диалектологической работы, посвященной изучению какого-либо узбекского говора ташкентско-ферганской группы, где бы автор в той или иной степени не затрагивал вопрос об уйгурских элементах в изучаемом им говоре. Все это свидетельствует о том, что уйгурско-узбекские языковые связи всегда находились и находятся в центре внимания ученых-узбековедов, ибо вопрос этот «является весьма существенным при изучении генезиса узбекских говоров городского типа» [9].

Уместно подчеркнуть, что благодаря исследованиям Е. Д. Поливанова [10], К. К. Юдахина [11], А. К. Боровкова [12], В. В. Решетова [13], С. И. Ибрагимова [14], Ш. Шаабдурахманова [15] и др. выявлены так называемые «умлаутные», или «уйгуризованные», говоры узбекского языка, которые содержат в себе значительное число фонетических и лексико-грамматических явлений, характерных для современного уйгурского языка. Наблюдения и высказывания упомянутых ученых по данной проблеме уточнены на конкретных примерах и дополнены новыми данными в последующих диалектологических исследованиях. К их числу прежде всего следует отнести работы С. Атамирзаевой, С. Тулякова, Х. Узакова, И. Фарманова, А. Алиева, А. Маматова, Ш. Насырова, С. Зуфарова, Х. Шарипова, О. Шарипова и др. [16]

Ниже приводятся самые основные и характерные лингвистические факты, бытующие в различных узбекских говорах ташкентско-ферганского типа, которые исследователями интерпретированы как новоуйгурские по происхождению.

В области фонетики: 1) наличие умлаута, т. е. присущего современному уйгурскому языку закона обратного влияния узких гласных на предыдущий широкий гласный: *баш — беши* (его голова), *ат — етим* (моя лошадь); 2) наличие закона редукции гласных *а*, *ə* и их переход в узкие *ы*, *и*: *болыдыған* вм. *боладигән* (будущий), *өткизиду* вм. *өткизəди* (проводит); 3) появление *ə* в первом слоге: *кəл-* вм. *кел-* (приходить); *кəт-* вм. *кет-* (уходить); 4) частое выпадение *р* и наличие множества стяженных форм: *мāжан* (< *маржан*) (бусы), *оғақ* (< *орғақ*) (серп); 5) *е* > *ө* в начале слова: *төмур* вм. *темир* (железо); 6) *и* > *у*: *алтун* вм. *алтин* (золото); 7) *ү* > *ө*: *өй* вм. *үй* (дом); 8) *и* > *ə* в абсолютном конце слова: *терə* вм. *тери* (шкура, кожа) и т. д.

В области морфологии: 1) аффикс *-ва°т* (ташкентская форма), *-вəт* (уйчинская форма), *-ут* (наманганская форма), образующий форму глагола настоящего конкретного времени, представляет

собой дальнейшее звуковое развитие уйгурского форманта *-ват*: *ба°рва°тмəн* (я иду), *оқивəтсəн* (ты читаешь), *қылүттисəн* (ты делаешь); 2) наличие формы исходного падежа с узким гласным *-дын*, *-дин* вм. *-дан*, *-дəн*; 3) наличие губных вариантов ряда глагольных и именных форм: *боладу* вм. *болади* (будет), *алдуқ* вм. *алдиқ* (мы взяли), *өтүгүм* вм. *етигим* (мой сапог); 4) форма глагола многократного длительного прошедшего времени в уйчинском говоре почти та же, что в уйгурском языке: *атəддим* вм. *атəр едим* (я стрелял), ср. уйг. *аттим* и т. д.

В области лексики: в узбекских говорах ташкентско-ферганского типа содержится большое количество новоуйгурских по происхождению слов: *ача* (мать), *ərпəбəдийан* (укроп), *əсқат-* (быть полезным), *бат* (быстро), *бой* (холостой), *йаңғуз* (одиноко), *оймақ* (наперсток), *пəйпақ* (носки, чулки), *чиллə-* (звать, приглашать) и др.

В тюркологической литературе довольно часто употребляются термины «умлаутные», или «уйгуризованные», по отношению к тем диалектным единицам узбекского языка, в структуре которых содержится в той или иной степени уйгурский языковой элемент. По-видимому, термин «уйгуризованные» наиболее подходит к говорам, испытавшим на себе сильное уйгурское влияние. Однако он не может быть употреблен для выражения того случая, когда тот или иной узбекский говор «ферганского типа» образовался в результате скрещивания двух языков — узбекского и уйгурского. Естественно, в данном регионе подвергшийся нивелировке уйгурский язык не мог не оставить свои следы в составе победившего узбекского языка. Следовательно, здесь мы имеем дело уже не с заимствованием, а с такими элементами уйгурского языка, которые выступают в качестве субстрата.

Впрочем, следует отметить, что относительно генезиса перечисленных выше, а также и многих других явно уйгурских элементов существуют две точки зрения. Согласно одной из них, наличие уйгурских элементов в составе узбекских говоров Ферганы — это результат влияния новоуйгурского языка [17]. По мнению других ученых, умлаутные, или уйгуризованные, говоры узбекского языка формировались главным образом в результате скрещивания (гибридизации) этих близкородственных языков [18]. Возражая по данному вопросу Е. Д. Поливанову, объяснявшему уйгурские элементы в узбекских говорах обычным влиянием, В. В. Решетов пишет: «Сохранение в течение веков в наманганском говоре некоторых, не свойственных прочим говорам, фонетических признаков свидетельствует не о влиянии нового уйгурского, т. е. таранчинско-кашгарского языка, а о наличии несомненного уйгурского элемента в составе говора, который в процессе смешения (гибридизации и метисации) оказался устойчивым и продолжает бытовать в языке вплоть до наших дней» [19].

Нам представляется, что точка зрения В. В. Решетова правильно ориентирует нас в вопросах изучения уйгурско-узбекских язы-

ковых взаимоотношений, и она подтверждается не только лингвистическими, но и историко-этнографическими данными.

По сведениям историков, в середине XIX в. в Ферганской долине проживало примерно 250 тыс. уйгуров [20]. Это число постоянно увеличивалось за счет выходцев из Кашгарии. В настоящее время, судя по переписи населения 1970 г., на всей территории Узбекской ССР насчитывается около 24 тыс. уйгуров. Возможно, большая часть уйгуров Ферганской долины слилась с узбеками; в результате этого процесса и в языковом отношении ассимилированная группа уйгуров сохранила лишь отдельные черты.

В этой связи уместно привести следующие немаловажные наблюдения. Во время экспедиционных выездов в Ферганскую долину нам очень часто приходилось слышать от местных жителей — узбеков, что их предки — это ахуны [21], уйгуры из Кашгарии (*Бизни аºтә-баºбаºләримиз әм Кәшқәддә кегән аºхулләттән богән*). Такого рода предания, распространившиеся среди значительной части узбекского населения Ферганы, не противоречат, а, наоборот, перекликаются с историко-лингвистическими наблюдениями исследователей. Так, например, Ч. Ч. Валиханов писал о том, что «в Кокандском ханстве много кашгарских эмигрантов белогорской партии; они живут в деревнях около Андижана, Шахрихана и Карасу в числе 50 тысяч семейств под названием таглык» [22]. И действительно, в беседе с 73-летним Муминджаном Алихановым, сыном известного поэта Арази [23], выяснилось, что значительная часть населения нынешнего Шахрихана — это потомки уйгуров, переселившихся из Кашгарии. На это же указывает надпись на могильном памятнике в сел. Шахрихан: «Алихон Мулла Охун уғли Оразий. 1869 йилда собиқ Марғилон уезди Шарихон волостининг Қашқар маҳалласида қулол оиласида туғулди. Шаирнинг бобоси Муҳаммадкарим (тахминан 1830 —1835 йилда) Қашқар шаҳридан келип қолган уйғурлардан еди...» («Алихан сын Мулла Ахуна Арази. Родился в 1869 году в Кашгар-Махалля бывшей Шахриханской волости Маргиланского уезда в семье гончара. Прадед поэта Мухамедкарим был из уйгуров, приехавших из города Кашгара (примерно в 1830—1835 гг.)...»).

Житель сел. Маданият Избаскентского р-на Андижанской обл. Алихан Таджиев (1906 г. рожд., узбек по национальности), рассказал нам, что его предки являются выходцами из Кашгара. По преданию, лет 110—120 тому назад небольшая группа уйгуров-переселенцев устроилась в северной части нынешнего сел. Маданият и образовала там Кашгар-Махалля. Потомков этих уйгуров в настоящее время насчитывается свыше 200 человек, но они как по материальной культуре, так и по языку уже слились с местными узбеками [24].

Процесс слияния уйгуров с узбеками завершился и в сел. Бутакара (колхоз им. В. И. Ленина Андижанского р-на), жители которого — потомки переселенцев из Кашгара — начиная примерно с 1938—1940 гг. официально пишутся узбеками [25]

«Основываясь на фактах языка, можно допустить,— писал А. К. Боровков,— что значительным ядром населения Намангана были колонисты — переселенцы из Кашгара. Позднейшей эмиграцией кашгарлыков-уйгуров было вызвано образование уйчинского «умлаутного» говора, ныне «узбекизированного», превратившегося в говор узбекского языка [26]. Наблюдения, проведенные над андижанским городским говором узбекского языка, «подтверждают, что в истории формирования говора известную роль играли и уйгуры. Сейчас они проживают в махалля Маориф, Эскилик, Тахтакупрук, им. Калинина и др., но большая часть из них говорит на узбекском языке и пишется узбеками» [27]. Ошский говор также формировался не без участия уйгурского языка. К. К. Юдахин писал, что в составе населения г. Ош имеется значительный процент выходцев из Кашгарии, уже давно как в отношении быта, так и языка слившихся с местным узбекским населением [28]. В этой связи можно упомянуть также сообщение В. А. Парфентьева о том, что в сел. Вуадиль, считающимся узбекским, половина населения является потомками выходцев из Кашгарии [29].

По свидетельству этнографов, ныне уйгуры живут и работают в 79 колхозах лишь Андижанской обл. Узбекской ССР [30], не говоря уже об уйгурах других областей Ферганы. И. В. Захарова, изучавшая материальную культуру уйгуров Ферганской долины, пишет: «Наманганский район наряду с Ошским и Андижанским является территорией преимущественного переселения выходцев из Кашгарии. По нашим данным, современные уйгурские селения редко насчитывают больше 100 лет, т. е. появились не ранее 1840—1850 гг. Можно полагать, что большинство селений, которые основаны кашгарцами раньше этого времени, теперь считаются узбекскими, т. е. потомки более ранних эмигрантов полностью слились с современным узбекским населением Ферганы» [31].

Обращает на себя внимание и то, что в Ферганской долине очень много селений (*қишлақ*), кварталов (*мәһәллә*) и местностей с уйгурскими наименованиями, определенная часть которых повторяет соответствующую номенклатуру в Кашгарии [32]. Так, в одном лишь Московском р-не Андижанской обл. нами зафиксировано около двадцати таких названий (например: Артуш, Долан, Җанжал, Парақ, Қәшқәркишлақ, Қәшқәрмәлә и т. д.). Причем, хотя большинство из этих селений и кварталов и носят название Қәшқәрқишлақ, Қәшқәрмәлә и т. д., жители их в основном уже восприняли узбекский язык и культуру и пишутся также узбеками.

Все это позволяет прийти к заключению о том, что этнолингвистическая основа носителей «умлаутных» (или «уйгуризованных») говоров узбекского языка далеко не однотипна. В образовании этих говоров ведущая роль принадлежит уйгурам — переселенцам из Кашгарии, которые с течением времени были ассимилированы преобладающим в Фергане узбекским населением. Поэтому уйгурские элементы, сохранившиеся в составе указанных

говоров, должны рассматриваться не как обычное заимствование, а как субстратное явление.

Вопрос о взаимодействии диалектов уйгурского и узбекского языков является весьма обширным и актуальным. Для его разработки необходимы совместные усилия специалистов по этим двум языкам. Тщательное изучение этой проблемы, безусловно, даст возможность воссоздать историю образования отдельных диалектных единиц как уйгурского, так и особенно узбекского языков и правильно оценить те периферийные явления, те отклонения от литературной нормы, которые все еще бытуют в общенародных языках уйгуров и узбеков.

[1] *Баскаков Н. А.* Тюркские языки. М.: Изд-во вост. лит., 1960, с. 170.

[2] *Юдахин К. К.* Уйгурско-узбекские языковые связи.— Изв. АН КазССР. Сер. уйгуро-дунганской культуры, 1950, № 85, вып. 1, с. 28.

[3] *Баскаков Н. А.* Тюркские языки. М.: Изд-во вост. лит., 1960, с. 170, 171; *Он же.* Некоторые задачи изучения современного уйгурского языка.— В кн.: Исследования по уйгурскому языку. Алма-Ата: Наука, 1970, т. 2, с. 11; *Решетов В. В.* Узбекский язык. Ташкент: Гос. учебно-пед. изд-во УзССР, 1959. Ч. 1. Фонетика, с. 50; *Щербак А. М.* Огуз-наме. Мухаббат-наме. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1959; *Он же.* Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961; *Он же.* Грамматика староузбекского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962; и др.

[4] По мнению Н. А. Баскакова, раннечагатайский (XIV и первая половина XV в.) и классический чагатайский (вторая половина XV и первая половина XVI в.) периоды в развитии среднеазиатского литературного языка были общими для уйгуров и узбеков и только позднечагатайский период (с XVII по XIX в.) был вполне специфичным, с одной стороны, для узбеков, с другой — для уйгуров. См.: *Баскаков Н. А.* Некоторые задачи..., с. 11.

[5] *Никольская Г. Б., Матвеев А. М.* Присоединение Средней Азии к царской России и сопредельные страны Востока.— В кн.: Материалы по истории присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1969. (Научные труды ТГУ, 1969, вып. 343, ч. 1).

[6] *Боровков А. К.* Узбекские говоры Наманганской области.— Научные труды ТГУ, 1963, вып. 221. Языкознание, с. 3—39; *Решетов В. В.* О наманганском говоре узбекского языка.— В кн.: Академику В. А. Гордлевскому. М.: Изд-во АН СССР, 1953, с. 216.

[7] *Юдахин К. К.* Уйгурско-узбекские языковые связи, с. 28.

[8] Отдельные статьи профессоров К. К. Юдахина, А. К. Боровкова, В. В. Решетова и др., посвященные данной проблеме, получили всеобщее признание тюркологов. Однако это не монографические исследования, как по объему, так и по полноте охвата вопросов.

[9] *Решетов В. В.* О наманганском говоре..., с. 53.

[10] *Поливанов Е. Д.* Узбекская диалектология и узбекский литературный язык. Ташкент: Госиздат УзССР, 1933.

[11] *Юдахин К. К.* Уйгурско-узбекские языковые связи, с. 28—30; *Он же.* Некоторые особенности карабулакского говора.— В кн.: В. В. Бартольду. Ташкент, 1927.

[12] *Боровков А. К.* К характеристике узбекских «умлаутных» или «уйгуризованных» говоров.— В кн.: Белек С. Е. Малову. Фрунзе: Изд-во Кирг. ФАН СССР, 1946, с. 29—30; *Он же.* Узбекские говоры..., с. 2—39.

[13] *Решетов В. В.* О наманганском говоре..., с. 216; *Он же.* Узбекский язык; *Он же.* Ўзбек тилининг қорлуқ-чиғил-уйгур лаҳжаси.— Ўзбек тили ва адабиёти, 1960, № 5, с. 37.

[14] *Иброхимов С. И.* Ўзбек тилининг Андижон шеваси. Тошкент: Фан, 1967.

[15] *Шаабдураҳманов Ш.* Ўзбек адабий тили ва ўзбек халқ шевалари. Тошкент: Фан, 1962; *Он же.* Узбекский литературный язык и узбекские народные говоры: Автореф. докт. дис. Ташкент, 1963.

[16] *Атамирзаева С.* Звуковой состав наманганского говора узбекского языка. Автореф. канд. дис. Л., 1963; *Туляков С.* Морфологические особенности наманганского говора узбекского языка. Автореф. канд. дис. Ташкент, 1965; *Узаков Х.* Южноферганские говоры узбекского языка. Автореф. канд. дис. Ташкент, 1966; *Фарманов И.* Ошский говор узбекского языка. Автореф. канд. дис. Ташкент, 1960; *Алиев А.* Уйчинский говор узбекского языка. Автореф. канд. дис. Ташкент, 1960; *Маматов А.* Андижанский говор узбекского языка. Автореф. канд. дис. Ташкент, 1967; *Насыров Ш.* Кокандский говор узбекского языка. Автореф. канд. дис. Ташкент, 1965; *Зуфаров С.* Сайрамский говор узбекского языка. Автореф. канд. дис. Ташкент, 1966; *Шарипов Х.* Узбекские говоры южной Киргизии. Автореф. канд. дис. Ташкент, 1967; *Шарипов О.* Папский говор узбекского языка. Автореф. канд. дис. Ташкент, 1962.

[17] *Поливанов Е. Д.* Узбекская диалектология..., с. 21; см. также: *Атамирзаева С.* Звуковой состав..., с. 2; *Шарипов Х.* Узбекские говоры..., с. 9; и др.

[18] *Боровков А. К.* К характеристике..., с. 29; *Решетов В. В.* О наманганском говоре..., с. 218; *Он же.* Узбекский язык, с. 55; *Туляков С.* Морфологические особенности..., с. 4—7.

[19] *Решетов В. В.* О наманганском говоре..., с. 218.

[20] *Захарова И. В.* Материальная культура уйгуров Советского Союза.— СЭС, 1959, II, с. 223. (ТИЭ. Нов. сер., Т. XLVII).

[21] Узбеки Ферганской долины называют уйгуров ахунами.

[22] *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч.: В 5-ти т. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1962, т. II, с. 369.

[23] См. о нем: *Сабитов Р.* Арази.— Коммунизм туги, 1968, 3 марта; 1969. 20 сент.

[24] Полевые записи автора, 1970.

[25] См. подробнее: *Садвақасов Ғ.* Пәрғанә вадиси уйғурлириниң тили һәққидә бәзи бир мәлуматлар.— В кн.: Исследования по уйгурскому языку, Алма-Ата; Наука, 1965, 1, с. 66—67.

[26] *Боровков А. К.* Узбекские говоры..., с. 28.

[27] *Маматов А.* Андижанский городской говор..., с. 6.

[28] *Юдахин К. К.* Уйгурско-узбекские языковые связи, с. 29.

[29] *Парфентьев В. А.* Селение Вуадиль.— В кн.: Ежегодник Ферганской области, 1903, т. III.

[30] *Винников Я. Р.* Современное расселение народов и этнографических групп в Ферганской долине.— СЭС, 1959, II, с. 408. (ТИЭ, Т. XLVII).

[31] *Захарова И. В.* Материальная культура..., с. 287.

[32] В свое время К. К. Юдахин обращал внимание на факт существования в Восточном Туркестане и Южном Казахстане селений с одним и тем же названием, например, Манкент, Сайрам и т. д. См.: *Юдахин К. К.* Уйгурско-узбекские языковые связи, с. 29.

ЭТНИЧЕСКОЕ И ЯЗЫКОВОЕ РАЗВИТИЕ ЛОКАЛЬНЫХ ГРУПП КАРАКАЛПАКОВ (бухарской, ферганской, самаркандской)

Д. С. Насыров, Л. С. Толстова

Каракалпаки — тюркоязычный народ, большая часть которого живет в настоящее время в низовьях Амударьи. В 1924 г., когда было проведено историческое национально-государственное размежевание Средней Азии, каракалпаки впервые получили национальную автономию. В основном районе расселения каракалпаков была создана Каракалпакская автономная область, в 1932 г. преобразованная в Каракалпакскую АССР. Образование национальной автономии имело огромное значение для развития хозяйства и культуры каракалпакского народа. За годы Советской власти каракалпаки консолидировались в социалистическую нацию с особым языком и своеобразной культурой.

По данным Всесоюзной переписи населения 1970 г., в Советском Союзе насчитывается 236 тыс. каракалпаков, из которых большинство проживает в пределах Каракалпакии. Однако отдельные их группы живут и за пределами своей автономной республики — в Хорезмской, Бухарской областях Узбекской ССР, в областях Ферганской долины и в Северном Туркменистане. Кроме того, в Ташкентской и Самаркандской областях Узбекистана, а также в Казахской ССР имеются небольшие группы населения, в прошлом считавшие себя каракалпаками и сравнительно недавно растворившиеся среди других народов.

Некоторые сведения о каракалпаках, живущих за пределами Хорезмского оазиса, имеются в работах таких дореволюционных авторов, как Ф. Назаров, В. и М. Наливкины, В. И. Массальский, В. Н. Кушелевский, Л. Соболев и Н. Гродеков, А. П. Хорошхин, А. Д. Гребенкин, В. В. Радлов, П. И. Небольсин, А. Харузин, Н. А. Аристов и др.

Локальные группы каракалпаков также вызывали интерес у советских исследователей. Историко-этнографическому изучению подверглись прежде всего каракалпаки Ферганской долины (Я. Р. Винников [1], И. И. Иногамов [2]); некоторые сведения об этнографических особенностях ташкентско-туркестанской группы каракалпаков содержатся в работах Н. А. Малицкого, В. В. Решетова и А. Каримова. Основные группы каракалпаков, проживающих за пределами Хорезмского оазиса, явились объектом специального историко-этнографического исследования в работах Л. С. Толстовой «Каракалпаки Ферганской долины» (Нукус,

1959) и «Каракалпаки за пределами Хорезмского оазиса в XIX — начале XX в.» (Нукус, Ташкент, 1963). В этих работах систематизированы сведения об этих группах, содержащиеся в историко-этнографической литературе, в архивных материалах, в извлечениях из восточных источников, а также изложены результаты полевых этнографических исследований автора, проводившихся в течение ряда лет среди ферганских, самаркандских и бухарских каракалпаков.

Данные группы каракалпаков изучались в годы Советской власти и языковедами. Лингвистические особенности языка каракалпаков Ферганской долины исследовались Е. Д. Поливановым [3], Т. Ибрагимовым [4] и А. К. Боровковым [5], узбек-каракалпаков самаркандских — О. Г. Юнусовым [6] и Т. Ибрагимовым [7], бухарских каракалпаков — каракалпакским языковедом Х. Хамидовым [8], ташкентских — В. В. Решетовым [9], наконец, языковые черты каракалпаков, проживающих в Афганистане, фиксировались шведским лингвистом Г. Яррингом [10] и австралийским ученым С. Вурмом [11].

Изучение локальных групп каракалпаков, живущих за пределами автономной республики, представляет значительный интерес. Все эти группы в прошлом были частью каракалпакского народа; они имели до XVII—XVIII вв. общую историю с каракалпаками Хорезмского оазиса, о чем свидетельствуют и данные письменных источников, и легенды о переселении, широко распространенные у ферганских, зеравшанских и степных бухарских каракалпаков. Об этом же свидетельствуют такие важные этнографические признаки, как общий в основном для этих групп родо-племенной состав (основные названия племен, на которые делились каракалпаки Хорезмского оазиса, такие, как ктай, кыпчак, кенегес, мангыт, мюйтен, конграт, ашамайлы, ыргаклы, казаяклы, кандекли, карамойын, костамгалы, балгалы, кият и др., были в том или ином виде представлены и у бухарских, зеравшанских и ферганских каракалпаков, хотя эти группы каракалпаков и не имели столь сложной дифференцированной родо-племенной структуры, как каракалпаки хорезмские [12]), одинаковый (для большинства групп) характер хозяйства (комплексный, т. е. сочетание в хозяйстве таких отраслей, как земледелие, скотоводство и рыболовство), свойственный с отдаленных времен каракалпакам и их предкам. В течение долгого времени такое хозяйство сохранялось не только у каракалпаков Хорезмского оазиса, но и у ферганских, зеравшанских, присырдарьинских и уральских каракалпаков, которые именно в связи с этим обычно селились в дельтах и долинах больших рек (Волги, Урала, Амударьи, Сырдарьи и Карадарьи, Зеравшана). Только у степных бухарских каракалпаков в силу специфики природных условий получило распространение кочевое скотоводческое хозяйство, такое же, как у их соседей-казахов. Следует отметить также полукочевой образ жизни в прошлом, свойственный большинству рассматри-

ваемых малых групп каракалпаков, и связанные с ним жилища переносного и временного типа — юрты, кепе. Все каракалпаки имели сходную домашнюю утварь, сохраняли некоторые общие формы национальной каракалпакской одежды (*кимешек* у хорезмских, ферганских и бухарских каракалпаков), некоторые особенности семейного быта и фольклора (исторические легенды и песни, генеалогические предания), так же как и особенности языка.

В дальнейшем этническое развитие локальных групп каракалпаков шло путем, отличным от пути каракалпаков низовьев Амударьи. В то время как каракалпаки Хорезмского оазиса ко времени Великой Октябрьской социалистической революции представляли собой народность со специфическими особенностями хозяйства, языка и культуры, малые группы каракалпаков, разбросанные по разным территориям в результате исторических событий предыдущих столетий, в значительной степени утратили свои специфические черты и подверглись сильному влиянию со стороны окружающих народов: этому влиянию подвергся и язык, и многие стороны их культуры. Например, каракалпаки Ферганской долины (расселенные там почти исключительно вдоль рек Сырдарьи и Карадарьи, от Андижана на востоке и до Коканда на западе), безусловно, подверглись значительному влиянию со стороны коренного оседлого узбекского населения долины, где они расселились: они восприняли многие особенности его языка, а также его материальную культуру (строительство каркасных домов с заполнением из гуаля, тип одежды — например, распашную рубаху *яхтак* и др.). Некоторое влияние узбеки оказали и на семейный быт ферганских каракалпаков (частичное проникновение обычая затворничества женщин, исчезновение родовой экзогамии у ферганских каракалпаков и др.).

Точно так же можно говорить и об узбекском влиянии на каракалпаков, проживающих в долине среднего Зеравшана (к востоку от Самарканда на о-ве Миянкале и к северу от Зеравшана и Акдарьи до гор Гобдунтау). Расселившись среди близких по образу жизни и культуре полукочевых узбеков, немногочисленные каракалпаки постепенно сближались с ними; процесс этнической ассимиляции зашел здесь значительно дальше; еще до революции утратили они свое национальное самосознание, стали осознавать себя одним из узбекских племен и называть себя «узбек-каракалпак».

Группа каракалпаков, поселившаяся в северной части бывшего Бухарского ханства, в южных Кызылкумах и в районах Кенимеха и Нураты, пошла по пути этнического сближения с окружающим казахским населением (при четком сохранении национального самосознания). Эта группа каракалпаков восприняла тип хозяйства своих соседей-казахов — кочевое скотоводство. У них в стаде, как и у казахов, преобладал мелкий рогатый скот, были также верблюды и лошади; иногда на местах зимовок каракалпаки (как и казахи) имели небольшие богарные посевы пшеницы

и ячменя. Казахи оказали сильное влияние также на культуру и язык каракалпаков. Единственным видом жилища степных каракалпаков была юрта (казахского типа). Одежда их мало чем отличалась от одежды соседних казахов (так, у них получила распространение казахская зимняя меховая шапка *тумак* и войлочная шляпа *калпак*; как и у казахов, замужние женщины носили белые платки, а девушки — красные и т. п.).

Небольшие группы каракалпаков, жившие в районе Ташкента и к северу от него, вдоль Сырдарьи, возле г. Туркестана и в южной части Казалинского у., среди узбекского и казахского населения, сближались с этими народами и быстро утрачивали основные черты своей национальной культуры. Часть каракалпаков Средней Сырдарьи вошла в состав этнографической группы курама.

Однако этот прогрессивный процесс этнического сближения, естественной ассимиляции разрозненных этнических групп Средней Азии тормозился в дореволюционный период такими факторами, как политический и национальный гнет царизма, разжигаемая правящими классами межнациональная вражда, преобладающие в большинстве районов Средней Азии феодальные и патриархально-феодальные отношения. В таких условиях небольшие группы каракалпаков сохраняли этническую замкнутость, обособленность, что, безусловно, задерживало процесс их сближения с окружающими крупными народами. Степень влияния соседних народов (узбеков, казахов) и степень сохранности специфических черт каракалпакской культуры и языка были различными у разных групп каракалпаков.

Иную картину национального развития народов Средней Азии мы наблюдаем в настоящее время. Приход на смену патриархально-феодальным отношениям отношений социалистических, устранение с первых лет Советской власти всех видов национального гнета и национальной розни, национальное равноправие, являющееся основой национальной политики Коммунистической партии Советского Союза, дружба народов — все это привело к ликвидации замкнутости национальных и этнографических групп, естественным последствием чего явилось постепенное сближение, а в ряде случаев и слияние этих групп с крупными социалистическими нациями в процессе консолидации этих наций. Выражается этот процесс во все большем влиянии языка и культуры соседних народов на малые группы каракалпаков, в потере ими все большего числа признаков каракалпакского языка и культуры и, наконец, в ряде случаев в полном слиянии с народом, среди которого они поселились. Процесс этот происходит естественно и добровольно.

Степень сближения с крупными социалистическими нациями и степень сохранности этнического самосознания и связанного с ним самоназвания у разных локальных групп каракалпаков различны. В наибольшей степени этническая самостоятельность со-

хранилась у каракалпаков бухарской группы (проживающей в настоящее время в пределах Кенимехского, Тамдынского, Навоинского и Гиждуванского районов Бухарской обл. и Нуратинского р-на Самаркандской обл.), полностью сохраняющих свое национальное самосознание. Каракалпаками их признают и исследователи, и соседние народы. Материалами Всесоюзной переписи населения 1970 г. в Бухарской обл. зафиксировано около 9 тыс. каракалпаков (по сравнению с предыдущей переписью численность бухарских каракалпаков возросла примерно в полтора раза). В этнографическом и лингвистическом планах они находятся под влиянием узбекской и казахской культуры и языка.

Национальное самосознание долго сохранялось у ферганских каракалпаков, которые сами называли себя каракалпаками и которых так же называло окружающее население. У ферганских каракалпаков сохранялся особый говор и некоторые особенности культуры. И лишь за последние полтора десятилетия наблюдается активный процесс слияния ферганских каракалпаков с узбекской социалистической нацией и постепенной утраты ими национального самосознания. Этот процесс нашел отражение в данных официальной статистики: если по материалам Всесоюзной переписи населения 1926 г. в Ферганской долине насчитывалось 18 520 каракалпаков, то Всесоюзной переписью населения 1970 г. здесь было зафиксировано всего несколько сот каракалпаков (хотя имеет место некоторое несовпадение самосознания с официальным самоназванием).

Каракалпаки уральской группы сохраняли свое самосознание (и самоназвание) и особенности культуры еще в 20-х годах нашего столетия [13] (переписью 1926 г. отмечено наличие свыше 1000 каракалпаков в Букеевском у. Уральской губ.). К настоящему времени эта группа ассимилировалась среди казахского населения, сохраняя, однако, представление о своем каракалпакском происхождении.

Что же касается каракалпаков самаркандской и сырдарьинской групп (районов Туркестана, Чимкента и Ташкентского оазиса), то они в небольшом количестве зафиксированы лишь Всесоюзной переписью населения 1926 г. Последующие переписи населения каракалпаков в Ташкентской и Самаркандской областях Узбекской ССР не фиксируют. Самаркандские каракалпаки в настоящее время вошли в состав узбекской социалистической нации, сохранив лишь воспоминания о своем каракалпакском происхождении и некоторые особенности в говоре.

Каракалпаки районов Туркестана, Чимкента и Ташкентского оазиса, утратив в основном свое национальное самосознание, вошли частью в состав узбеков, частью в состав казахов (среди них еще бытует отчасти, особенно среди людей старших возрастов, двойное самоназвание типа «узбекский род каракалпак» или «каракалпак-казах» («казах-каракалпак»), что вообще нередко бывает с подобными ассимилирующимися группами) [14].

Большой интерес представляет собой также развитие языка малых групп каракалпаков. Вопрос о языке является составной частью общего вопроса об этническом развитии того или иного народа (или этнографической группы), однако он имеет свои специфические особенности и может быть рассмотрен самостоятельно. Влияние языка окружающих народов, заимствование малыми группами каракалпаков многих новых элементов из языка соседних народов (и в области фонетики, и в области морфологии и лексики) происходит быстрее, чем полная этническая ассимиляция, потеря национального самосознания. Однако, с другой стороны, в диалектах и говорах групп, полностью сменивших свое национальное самосознание, нередко остаются отдельные структурные элементы поглощенного языка в области фонетики, морфологии и лексики (языковые особенности малых групп каракалпаков в данном случае выступают в качестве суперстрата [15] относительно диалектов и говоров тех групп узбеков и казахов, среди которых они растворились).

Данные официальной статистики (всесоюзных переписей населения 1926, 1959 и 1970 гг.) показывают лишь самое общее направление языкового развития малых групп каракалпаков (например, увеличение с течением времени числа лиц среди ферганских каракалпаков, назвавших узбекский язык своим родным языком) [16]. Фактическое же языковое развитие локальных групп каракалпакского народа значительно сложнее — в различных районах их расселения оно идет разными путями в зависимости от их численности, компактности проживания, языковых влияний окружающей среды. В местах функционирования языка локальных групп каракалпаков в зависимости от контакта с другими тюркскими языками образуются переходные говоры, причем если некоторые из этих говоров еще входят в систему каракалпакского языка, то другие, уже выделившись из состава каракалпакского языка, вошли в систему говоров языков окружающих народов — узбеков, казахов [17].

А. ПЕРЕХОДНЫЕ ГОВОРЫ

К числу переходных говоров, входящих в систему каракалпакского языка, относится говор каракалпаков, проживающих в Бухарской обл. Узбекской ССР. Язык этой группы каракалпаков в течение длительного времени развивался в окружении узбекского и казахского языков. В языке бухарских каракалпаков можно наблюдать значительное влияние этих языков, появившееся в результате их длительных контактов.

Однако влияние языков соседних народов в языке каракалпаков Бухарской обл. проявляется по-разному: если в языке каракалпаков, живущих в оазисе, наблюдается влияние как узбекского (в большей степени), так и казахского языков, то у ка-

ракалпаков, проживающих в степях Кенимехского и Тамдынского районов, прослеживается исключительно влияние казахского языка. Однако, несмотря на появление сходных черт с узбекским и казахским языками, говор каракалпаков Бухарской обл. пока еще полностью не изолировался от системы самого каракалпакского языка (немаловажную роль в этом играют сохраняющиеся и ныне прямые контакты бухарских каракалпаков с населением южных районов Каракалпакии) и, сохраняя основные его особенности, остается одним из его переходных говоров. В связи с этим мы называем язык этой группы каракалпаков бухарским переходным говором каракалпакского языка.

Бухарский переходный говор, входящий в состав южного диалекта каракалпакского языка, разделяя многие системно-структурные особенности каракалпакского общенародного разговорного языка в области фонетики, морфологии и лексики, приобрел вместе с тем ряд черт, характерных для контактирующих языков (казахский язык, кыпчакские говоры узбекского языка); на некоторых таких особенностях мы остановимся ниже [18].

1. Наблюдается активизация употребления широкого негубного гласного переднего ряда *ә* во всех позициях (как в южном диалекте каракалпакского языка и в кыпчакских говорах узбекского языка): *кәллә* (голова), *керәк//кәрәк* (нужно), *җәмәләк* (нити, вплетаемые в косы женщин), *мәшит* (мечеть), *кәлт* (каракалп. *гилт//килт*) (ключ) и т. д.

2. В анлауте в основном употребляется переднеязычная смычная аффриката *җ*, что является признаком сохранения «джеканья», характерного для многих языков кыпчакской группы. Например, *җүзүм* (виноград), *же* (ешь); *қарақалпаққа* Сыр *жоқ*, *буқытқа Нур жоқ* (Каракалпакам больше нет Сыра (Сырдарьи), а буркутам (узбекское племя) нет больше Нура (гор Нуратау)); *кир җүйдым* (стирал белье) и т. д. Однако надо отметить, что наблюдается спорадическое употребление среднеязычного сонорного щелевого *й* вместо указанной аффрикаты, являющееся, видимо, результатом влияния узбекского языка. Например, *йалпақ*, вм. *жалпақ* (плоский), *йумалақ* вм. *жумалақ* (круглый), *йастық* вм. *дастық//жастық* (подушка), *йут-* вм. *жут-* (глотать) и т. д.

3. Наблюдается употребление во всех позициях переднеязычного щелевого глухого *ш* вместо переднеязычного щелевого глухого *с* (как в узбекском языке). Например, *бәдәўләт киши* (безработный), *шу йерде* (здесь), *ᵘешик* (дверь), *аралаш отыр* (вперемежку живут), *таш*(камень), *баш* (голова).

4. Имеется переднеязычная смычная аффриката *ч*, появляющаяся эпизодически в анлауте и инлауте собственно каракалпакских слов (как в южном диалекте каракалпакского языка и в узбекском языке). Например, *чөлде* (в степи), *чаруашылық* (животноводство), *көпчилик* (масса, большинство, множество), *азчылық*, (меньшинство) и т. д.

5. В анлауте некоторых слов можно наблюдать употребление фарингального щелевого глухого согласного *ҳ* (как в южном диалекте каракалпакского языка и кыпчако-огузских хорезмских говорах узбекского языка). Например, *ҳайал* (женщина), *ҳайт* (религиозный праздник; *ҳайт жети күнге шейим болады* — праздник продлится в течение семи дней), *ҳасса* (посох, *пайғамбардың ҳассасы* — посох пророка), *ҳәзир* (сейчас), *ҳүким* (приговор) и т. д.

6. Сохранение в ауслауте некоторых слов после предшествующих узких гласных (*ы*, *и*), велярных *г*, *к* и увулярных *ғ*, *қ* (как в узбекском языке): *тарық* (просо), *ыссық* (жара), *еллик* (пятьдесят), *қуруқ* (сухой), *түзүк* (правильный, прямо), *қаттығ* (жесткий) и т. д.

7. Глухие согласные *қ*, *к* в некоторых словах между гласными не озвончаются (как в узбекском языке): *тақады* (пришивает, подвешивает), *нақыш алма* (красивое яблоко), *босақа* (порог) и т. д.

8. Показателями аффикса множественного числа выступают формы *-лар//-лер*, *-нар//-нер*, *-дар//-дер* (как в казахском языке): *атамнар* (дедушки, дяди), *қорғаннар* (крепости), *шалдар* (старики) и т. д.

9. В образовании имен прилагательных выступают варианты аффикса обладания *-ды//-ди*, характерного для казахского языка, наряду с вариантами *-лы//-ли*, *-ны//-ни*: *жинди* (сумасшедший, ненормальный).

10. Очень употребительны формы указательных местоимений *бу* (это, этот), *со* (то, тот), *шу* (вот этот, этот самый) (как в кыпчакских говорах узбекского языка): *шу йерлер* (вот эта местность).

11. Употребительна частица усиления *кү* (как в узбекском языке): *бир просент ассыппыз-кү* (мы, оказывается, на один процент перегнали).

12. Наряду с формой причастия настояще-будущего времени *на -атуғун//-етуғун* употребляются его более сокращенные варианты на *-атын//-етин* (как в казахском языке): *сататын* (то, что подлежит продаже), *жүретин* (собирающийся ехать) и т. д.

Лексический состав бухарского переходного говора каракалпакского языка также представляет определенный интерес для изучения. В лексике языка каракалпаков данного региона наряду со словами, общими по структуре и значению с каракалпакским общенародным разговорным языком, можно обнаружить особенности, возникшие в результате его внутреннего самостоятельного развития, а также под влиянием внешних факторов. К последним можно отнести различные контакты бухарских каракалпаков с другими соседними тюркоязычными и ираноязычными (таджики) народами, а также особенности уклада жизни тех или иных групп, связанных с животноводством или хлопководством. Все эти факторы способствовали появлению в языке бухарских каракалпаков своих особенностей лексико-семантического, лексико-фонети-

ческого и лексико-грамматического характера, что также является свидетельством образования одного из переходных говоров.

Таким образом, здесь наряду со многими общеизвестными словами, характерными для каракалпакского языка в целом, как например, *қумқулақ* (знающий, много помнящий человек), *сазенде* (музыкант), *ᵘештеңе* (ничего), *туўрама* (мелко нарезанное мясо с тестом), *пәтир нан* (хлеб, испеченный в котле), *бәйбише* (старшая жена), *тоқал* (младшие жены), *қойан* (заяц), *шағал* (шакал), *жарқанат* (летучая мышь), *уршық* (веретено) и др., имеются слова, характерные для данного говора и заимствованные из языков соседних народов.

К типичным заимствованиям из казахского языка относятся, например, такие слова и словосочетания, как *әлиги* (тот самый), *адайда* (специально), *ʏөсийер* (здесь, в этом месте), *шал* (старик), *бата* (благословение), *ᵘегин сал-* (посеять посев, *қарақалпақ ᵘегин салады екен*), байнағы (тот самый) и др.; из узбекского — *инқылап* (революция), *асасы* (основа), *тақмыйыннан* (примерно), *пахат* (только), *шийрин* (сладкий), *ҳәр хыл* (разный), *тарбыз* (арбуз), *сәбзи* (морковь), *дәш* (степь) (отдельные из этих слов в свою очередь являются персидско-таджикскими и арабскими заимствованиями в узбекском языке).

Б. ИЗОЛИРОВАННЫЕ ГОВОРЫ

В ином положении находятся говоры каракалпакского населения, издавна живущего на территориях, далеких от Хорезмского оазиса, не имеющего в отличие от бухарских каракалпаков прямых контактов с каракалпаками Хорезмского оазиса (бухарские каракалпаки постоянно поддерживали связи с последними, а Тамдынский р-н, ныне входящий в состав Бухарской обл., прежде входил в состав Каракалпакской АССР) и в настоящее время находящегося в процессе активного включения в состав больших наций, среди которых оказались эти группы каракалпаков,— прежде всего узбекской, отчасти казахской. Эти говоры уже не являются говорами собственно каракалпакского языка; это говоры узбекского (отчасти казахского) языка, явственно сохранившие, однако, особенности, свидетельствующие о их каракалпакском происхождении.

К таким говорам изолированного типа мы относим говоры ферганской, самаркандской, ташкентской, туркестанской и западноказахстанской, или уральской, групп каракалпаков.

Перейдем теперь к рассмотрению некоторых фонетических, морфологических и лексических особенностей языка ряда локальных групп каракалпаков.

I. ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ КАРАКАЛПАКОВ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ

Все исследователи-тюркологи, изучавшие особенности языка каракалпаков, проживающих в Ферганской долине, сближают языковые особенности этой локальной группы каракалпаков с казах-найманским, сарайским, кыркским и кыпчакским говорами, входящими в состав собственно узбекского или «кыпчакского», наречия узбекского языка [19]. По нашим наблюдениям, язык каракалпаков Ферганской долины ныне в действительности во всех уровнях языка сближается с узбекскими говорами, входящими в состав «джекающего», или кыпчакского, наречия узбекского языка, что дает нам право называть его изолированным говором, выделившимся из состава каракалпакского языка и вошедшим к настоящему времени в состав узбекского языка.

Из особенностей языка ферганских каракалпаков можно указать следующие.

В области фонетики.

1. Состав вокализма включает 9 гласных: гласные переднего ряда *ә*, *е*, *и*, *ө*, *ү*; гласные заднего ряда *а*, *ы*, *о*, *у* (как в каракалпакском языке и в кыпчакских говорах узбекского языка). Некоторые исследователи в языке этой группы каракалпаков находят еще лабиализованный задний гласный *ɔ*, эпизодически появляющийся в первом слоге слова и перед конечным губным согласным *в* и глубокозаднеязычными *қ*: *сɔй* (арык, канал); *ɔз* (мало), *тɔвақ* (блюдо,), *қулɔқ* (ухо) и т. д. [20] По нашим наблюдениям, это явление не характерно для языка старшего поколения и наблюдается в произношении образованной части населения под влиянием узбекского литературного языка.

2. Широкий гласный переднего ряда *ә* находит активное употребление во всех позициях вместо широкого гласного переднего ряда *е* каракалпакского языка, и тем самым он выступает в составе контрастирующих пар с широким задним гласным «а» в сингармонистических дублетах (как в южном диалекте каракалпакского языка и кыпчакском диалекте узбекского языка): *кәлтәк* (палка), *тәңг* (деньги), *жийән* (племянник), *қайын әнә* (теща) и т. д.

3. Широкие гласные *е*, *ө*, *о* дифтонгизируются в анлауте (как в каракалпакском, казахском, ногайском языках и кыпчакском диалекте узбекского языка): *ᵘеләк* (сито), *ᵘетек* (подол) *ᵛойла-*(думать), *ʏөзи* (он сам), *ᵛоқлаў* (скалка), *ʏөлик* (труп), *ʏөрдәк* (утка) и т. д.

4. Говор является сингармоничным: небная гармония гласных выражается последовательно, тогда как губная гармония ограничивается вторым слогом слова (как в каракалпакском, казахском языках и в кыпчакском диалекте узбекского языка): *амбыр* (клещи), *киймешәк* (женский головной убор), *тағара* (большое дере-

вянное блюдо), *жулдуз* (звезда), *сүргүн* (высылка), *түшүргич* (деревянная подставка для котла), *үстүн* (подпорка) и т. д.

5. Основным характерным признаком говора является «джекание». В анлауте широко употребляется переднеязычная смычная аффриката *ж*, как в каракалпакском языке: *жинли* (сумасшедший), *жоқлаў* (оплакивание), *жүн* (волос, шерсть), *жантақ* (осока), *жалғаншы* (обманщик), *жем* (корм), *жүзүк* (кольцо) и т. д.

Вместе с этим в говоре широкое развитие получает и явление «йекания», т. е. употребление среднеязычного щелевого сонорного *й* вместо переднеязычной аффрикаты *ж* (как в узбекском языке): *йол//жол* (дорога, путь), *йыңғыл//жыңғыл* (тамариск), *йылқы//жылқы* (лошадь), *йығла-* (плакать), *йығаш//йағаш* (дерево), *йамғыр* (дождь), *йығыштыр-* (собирать), *йығылыш* (собрание) и т. д.

6. Активное употребление находит переднеязычный щелевой согласный *ш* во всех позициях вместо переднеязычного щелевого *с* каракалпакского языка, хотя и иногда встречается их параллельное употребление в одних и тех же словоформах (как в южном диалекте каракалпакского языка и в кыпчакском диалекте узбекского языка): *бахшы//бахсы* (певец), *қышлаў/қыслаў* (зимовка), *қамыш//қамыс* (камыш, тростник), *ᵘешик* (дверь), *қыш* (зима), *киши* (человек), *жашлар* (молодежь), *шашып* (растерявшись), *аралаш* (смешанно) и т. д.

7. Широко употребляется переднеязычная смычная аффриката *ч* (как в узбекском языке) вместо переднеязычного щелевого согласного *ш* каракалпакского языка: *чортан* (щука), *урчық* (веретено), *чүнтәк* (карман), *кичкәнә* (маленький), *чым* (дерновый кирпич), *чақыр-* (вызвать, пригласить), *чекем* (до, вплоть), *ақча* (деньги), и т. д.

8. В анлауте находит употребление фарингальный щелевой согласный *ҳ* (как в южном диалекте каракалпакского языка и хорезмских говорах узбекского языка): *ҳайдар* (чуб), *ҳөккүз* (бык), *ҳайда-* (гнать), *ҳәзиллесиў* (шутить), *ҳасса* (посох, палка), *ҳаўа* (воздух), *ҳайўан* (терраса), *ҳеччәк* (осел) и т. д.

9. Наблюдается спирантизация смычного губно-губного *б* интервокальной позиции (*б* > *ў*) (как в южном диалекте каракалпакского языка и кыпчакском диалекте узбекского языка): *қаўақ* (< *қабақ*) (тыква), *араўа* (< *араба*) (телега), *сәўәт* (< *себәт*) (корзина), *жауайы* (< *жабайы*) (дикий) и т. д.

10. В конце некоторых слов сохраняются согласные *ғ*, *к*, *ғ*, *г* и сочетание *ық*, *ик*: *сарығ* (желтый), *ыссық* (жаркий), *тарық* (просо), *қурық* (сухой), *көпирик* (мост), *урық* (племя), *айық* (медведь) и т. д.

11. В некоторых корнях и основах слов также наблюдается сохранение звонких согласных *ғ*, *г* в серединной позиции (как в узбекском языке), хотя в большинстве случаев в кыпчакских говорах и наблюдается их выпадение или переход на сонорные щелевые согласные *ў* и *й*: *сиңгил* (сестра), *кийгиз* (войлок), *ойғат-* (разбудить), *оғры* (вор), *уғул* (сын), *буғдай* (пшеница), *жүгенле-* (обуздать, надеть уздечку), *жүгери* (сорго), *үгрен-* (научиться) *сығмайды* (не поместится), *тиг-* (касаться) и т. д.

В области морфологии.

1. Показателями множественного числа являются аффиксы *-лар//ләр//лер* (как в южном диалекте каракалпакского языка и кыпчакском диалекте узбекского языка): *қошнылар* (соседи), *көшәләр* (улицы), *кекселер* (старики) и т. д.

2. Параллельно с полными вариантами аффикса родительного падежа *-дың//-диң*, *-тың//-тиң*, *-ның//-ниң* употребляются усеченные варианты *-ды//-ди*, *-ты//-ти*, *-ны//-ни*, совпадающие с формальной стороны с показателями винительного падежа. Это явление, видимо, связано со все более возрастающим влиянием узбекского литературного языка [21]. Например:

Балларымның//Балларымды азығы,
Бөзегимниң//Бөзегимди қазығы
Жийдем сеннен айрылдым
(Пищу моих детей,
Колья, к которым привязывают моих телят,
Я лишился тебя, мой лох).
Қазақтың//Қазақты қатыны бетини ашып жүреди
(Казахская женщина ходит с открытым лицом).

3 В качестве показателей формы винительного падежа выступают аффиксы *-ды//-ди*, *-ты//-ти*, *-ны//-ни*, *-н*, из которых самыми употребительными являются варианты на *-ны//-ни* (как в узбекском языке): Афанды ўодан кейин қарныны тойғызып, кеселни тамырыны көрди (Потом Афанды, насытившись, пощупал пульс больного).

4. После аффикса принадлежности наблюдается употребление вариантов аффикса дательно-направительного падежа *-ға//-гә*, *-қа//-кә* вм. *-на//-не*, *-а//-е* каракалпакского языка (как в кыпчакском диалекте узбекского языка): Ўолар ҳазыр Задарья ырайоныға көчип кетти (Они сейчас переселились в Задарьинский район); Қурық ләгенин алдыға қойды (Он поставил перед ним свое пустое блюдо).

В склонении личных местоимений в дательно-направительном падеже также наблюдается параллельное употребление аффиксов *-ған* и *-ға//-гә* (как в кыпчакском диалекте узбекского языка): *маған //маға//мәнгә бер* (дай мне) и т. д.

5. Форма настоящего времени данного момента образуется сочетанием деепричастной формы на *-а//-е//-й* с вспомогательным глаголом *йат-*, *йап-* (лежать) (как в кыпчакском диалекте узбекского языка): *ᵘеллик килә*, *алтмыш килә терейатыпты//терейапты* (они собирают пятьдесят, шестьдесят килограммов); *тоғай ийеси чақырайапты* (вызывает хозяин леса) и т. д.

6. Активно употребляется имя действия на *-иш* (как в узбекском языке): *йардам бериш* (помогать), *келиш* (приход), *барыш* (пойти) и т. д.

7. Наблюдается употребление причастия будущего времени в форме *-айақ* (как в ногайском языке и в хорезмском говоре узбекского языка): *бизди де йалмайақсыз* (и нас хотите проглотить), *кетейақ адам* (человек, который хочет уходить) и т. д.

8. Причастие настояще-будущего времени выступает в форме *-туғун//туқын//-дыған//-тоған*: *таныштыратоған* (тот, кто будет знакомить), *қошық айтатоған адам* (человек, который будет петь), *бередыған* (тот, кто будет давать).

9. Употребляются сочинительный союз *ўә* и подчинительный союз *ки* (как в узбекском языке): *ашула ўә насихатлар айтып берген* (он пел песню и читал наставления), *ўо айтты ки, буны қайақтан билдиң деди* (он сказал: ты откуда знал это?).

В области лексики.

В лексическом составе языка каракалпаков Ферганской долины, кроме собственно каракалпакского слоя лексики (слов и выражений, характерных для современного каракалпакского языка и его диалектов и являющихся свидетельством их былых исторических родственных связей), мы находим общетюркский пласт лексики и значительное количество заимствований из узбекского, таджикского и русского языков. Проникновение в язык этой группы каракалпаков значительного количества слов из окружающих узбекских говоров и узбекского литературного языка приводит к постепенному сближению языка ферганских каракалпаков с лексическим составом узбекского языка.

В качестве типичных слов и выражений каракалпакского языка, сохранившихся в лексике языка каракалпаков Ферганской долины, можно отметить следующие слова и синтаксические сочетания: *киймешек* (старинный женский головной убор), *жигер* (печень), *май* (масло), *жүзүк* (кольцо), *жесир* (вдова), *аўруў* (болезнь, больной), *падашы* (пастух), *шашаў* (разбросанный), *ақлай қуда түсиў* (просватать еще не родившихся детей), *ылақ* (скачки, козлодрание), *ᵘенши* (доля имущества, передаваемая родителями детям), *ўоң жақта туўыў* (рожать в доме родителей), *қарағым//айналайын* (милый мой, дорогой мой), *қумқулақ* (памятливый человек), *жуўан* (женщина) и т. д.; слова, связанные с говорами узбекского языка, а также сближающиеся по своей структуре со словами узбекского литературного языка: *йағ* (масло), *румол* (платок), *ғақат* (лишь, только), *әртамәтан* (рано утром), *оғры* (вор), *папик* (бахрома, помпон, кисточка), *ашула* (песня), *заур* (канал), *сапал* (глина), *буўма* (коса, волос), *йәгә* (хозяин) *кәр//сақаў* (немой), *қыйшық* (косой), *шоң* (большой) и т. д.; слова, вошедшие из русского и через русский язык: *тыракты́р* (трактор), *сотка* (сутки), *памадур* (помидор), *заўот//заўыт* (завод), *дилижан* (дилижанс) и т. д.

II. ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ УЗБЕК-КАРАКАЛПАКОВ САМАРКАНДСКОЙ ОБЛ.

Диалектологи, изучавшие узбекские говоры Самаркандской обл., на этой территории выделяют две большие группы народных говоров: «йекающие» и «джекающие». К последним относят все кишлачные говоры, и в том числе говор узбек-каракалпаков [22].

В качестве особенностей языка узбек-каракалпаков, наблюдаемых в области фонетики, грамматики и лексики, можно отметить следующие.

1. Говор узбек-каракалпаков является сингармоничным (как языки кыпчакской группы). Небная гармония гласных проводится последовательно, тогда как губная гармония ограничивается вторым и третьим слогами слова: *Сапарбайдың атасы* (отец Сапарбая), *ҳәйкел* (памятник), *өгүз* (бык), *учун* (для), *Қарамойун* (название племени), *Булунғур* (название местности), *бурунғу* (прежний) и т. д.

2. Активное употребление находит широкий гласный переднего ряда *ә* в основах и аффиксах (как в южном диалекте каракалпакского языка и кыпчакских говорах узбекского языка): *кәмбағал* (бедный), *бирләшиў* (объединиться), *бийдәрәк* (неизвестно), *сәккиз* (восемь), *кәмпир* (старуха), *гүлләр* (цветы) и т. д.

3. Широкие гласные *о, ө, е* в анлауте дифтонгизируются (как в каракалпакском, казахском, ногайском языках и кыпчакских говорах узбекского языка): *ᵘешек* (осел), *ўон тоққыз* (девятнадцать), *ʸөлсек* (если умрем), *ᵘенеси* (его мать) и т. д.

4. В анлауте сло́ва выступает переднеязычная смычная аффриката *ж*, что является свидетельством отнесения данного говора к «джекающему» типу узбекских народных говоров, хотя в последнее время наблюдается параллельное употребление переднеязычной аффрикаты *ж* и среднеязычного щелевого *й* под влиянием узбекского литературного языка и окружающих «йекающих» узбекских народных говоров: *жүр-*(ходить), *жыл//йыл* (год), *жоқ//йоқ* (нет), *жоба* (план), *ўон жети* (семнадцать), *жийен* (племянник), *жүзүм* (виноград), *нан же-*(ешьте хлеб), *жәнә//йәнә* (еще) и т. д.

5. Наблюдается тенденция более активного употребления переднеязычного щелевого согласного *ш* вместо переднеязычного согласного *с* каракалпакского языка (как в узбекском языке): *төбелеш* (драка), *қарындаш* (сестра), *беш* (пять), *уруш* (война), *ташы-* (переправить), *шөйтип* (таким образом) и т. д.

6. Наблюдается употребление переднеязычной смычной аффрикаты *ч* вместо переднеязычного щелевого согласного *ш* каракалпакского языка (как в узбекском языке): *ұч адам* (три человека), *кичирак* (моложе), *ᵘесимнен чығып кетти* (я забыл), *учун* (для) и т. п.

7. В анлауте во многих словах сохраняется фарингальный щелевой глухой согласный *ҳ* (как в южном диалекте каракалпакского языка и кыпчако-огузских хорезмских говорах узбек-

ского языка): *ҳәлги жер* (то место), *ҳәзирги* (нынешний), *ҳаўа* (да), *ҳаял* (жена), *ҳәммемиз* (мы все) и т. д.

8. Заднеязычные смычные глухие *к*, *қ* в интервокальной позиции озвончаются (как в каракалпакском, казахском языках): *ᵘегин* (посев), *төгәди* (выливает), *тигип* (запив) и т. д.

9. Глубокозаднеязычные шумные *ғ*, *ғ* в конце слова не сохраняются (как в каракалпакском и казахском языках): *тары* (просо), *торы* (рыжий), *сары* (желтый), *чыра* (лампа) и т. д.

10. Заднеязычные звонкие *г*, *ғ* в конечной позиции переходят в среднеязычный сонорный щелевой *й* (как в каракалпакском и казахском языках): *тий-* вм. *тег-* (касаться), *сый-* вм. *сиғ-* (вместиться), *жый-* вм. *йығ-* (собирать), *тұй-* вм. *тұг-* (завязать), *кейин* вм. *кегин* (после) и т. д.

11. Глубокозаднеязычный щелевой звонкий *ғ* в ауслауте и инлауте переходит в губно-губной сочорный щелевой *ў* (как в каракалпакском и казахском языках): *таў* вм. *тағ* (гора), *туў* вм. *туғ* (знамя), *баў* вм. *бағ* (сноп), *буўдай* вм. *буғдай* (пшеница).

12. Губно-губной смычный звонкий *б* в инлауте подвергается спирантизации (как в южном диалекте каракалпакского языка и кыпчакских говорах узбекского языка): *баўамыз* (< *бабамыз*) (наши деды), *араўа* (< *араба*) (телега), *сәўәт* (<*себет*) (корзина из ивы) и т. д.

13. Показателями множественного числа имени являются аффиксы *-лар//-лер//-ләр*, *-нар//-нер//-нәр* (как в каракалпакском языке и кыпчакском диалекте узбекского языка): *қызлар* (девочки), *нәрсәләр* (вещи), *мийманнар* (гости), *жүзүмнәр* (разные сорта винограда) и т. д.

14. Среди падежных форм только винительный падеж часто употребляется в форме *-ны//-ни*, как в узбекском языке, хотя спорадически появляются и формы *-ды//-ди*, *-ты//-ти*, *-н*. Что касается аффиксов остальных локальных падежей, то они не отличаются от показателей каракалпакского языка (имеют твердые и мягкие варианты аффиксов с начальными согласными *-д//-т//-н*): *биреўини байлап қойады* (одного привязывают), *айта бер барыны* (рассказывай, что у тебя имеется); *тәжик тилини билген болса* (если знал бы таджикский язык) и т. д.

15. Употребляются формы штучных числительных, образованных с помощью аффикса *-та//-тә* (как в узбекском языке): *ᵘекита* (две), *учта* (три), *ўон ᵘекита нан жаўып берди* (он испек и отдал двенадцать лепешек), *битта араўа* (одна телега) и т. д.

16. Встречается форма взаимно-совместного залога на *-ыш//-иш* (как в узбекском языке): *чақырыштық* (мы пригласили друг друга) и т. д.

17. Довольно часто употребляется форма причастия настоящего-будущего времени *-атуғун //-атуғын* (как в каракалпакском языке): *таўық қамайтуғун* (место, куда обычно загоняют кур); *буўдай көмип қойатуғын жер* (место, где обычно закапывается пшеница) и т. д.

18. В лексическом составе языка узбек-каракалпаков Самаркандской обл. наряду со словами, вошедшими в него в последний период развития из узбекского языка, имеются слова, характерные для каракалпакского языка. В качестве слов, связанных с влиянием узбекского языка и отличающих говор узбек-каракалпаков от собственно каракалпакского языка, можно указать на следующие типы слов: *араба // араўа* (телега), *битта* (одна штука), *таға* (дядя), *уруқ* (племя), *кулчетай* (бульон с мясом, клецками и картошкой), *раис* (председатель), *ҳәйкел* (памятник), *факат // пахат* (только лишь), *нам* (имя) и т. д.

В качестве лексических форм, совпадающих по значению и звучанию со словами каракалпакского языка, можно указать на следующие тематические группы слов.

1. Термины родства и возрастных категорий: *ата* (отец), *мама* (мать), *шал* (старик), *кәмпир* (старушка), *туўған жийен* (родной племянник), *бөле* (двоюродный брат по линии матери), *ᵘене* (мать, мать жены) и т. д.

2. Термины животноводства: *қулын* (жеребенок), *дөнән* (конь двух-трехлетнего возраста), *сәйис* (конюх), *серкә* (холощеный козел) и т. д.

3. Названия жилища и частей юрты: *там* (дом), *чаңғароқ* (верхний купол юрты), *уўық* (унины), *уўық баў* (шерстяная веревка для прикрепления унины к решетке), *үзүк* (большая кошма, покрывающая верх юрты).

4. Названия видов пищи: *туўрама* (мелко нарезанное мясо и тесто с бульоном), *ақсаўлақ* (название национального блюда), *мәйәк* (яйцо) и т. д.

5. Названия растений: *буўдай* (пшеница), *адрасман* (мята).

6. Пословицы и поговорки: *ᵘер қызғанған хатын ақмақ, жер қызғанған патша ақмақ* (Не умна женщина, ревнующая мужа, не умен царь, скупой на землю); *көпти жаманлаған көмүўсиз қалады* (кто охаивает многих людей, тот останется без похорон).

Язык узбек-каракалпаков Самаркандской обл. по некоторым своим фонетическим, грамматическим и лексическим особенностям сближается с каракалпакским, казахским и киргизским языками, а также с кыркским говором узбекского языка [23] и в современном состоянии своего развития, безусловно, входит в состав «джекающих» народных говоров узбекского языка.

Языковые особенности каракалпаков Ташкентской обл. изучались проф. В. В. Решетовым. По его наблюдениям, язык каракалпаков Ташкентской обл. при общей пестроте фонетических, морфологических и лексических признаков, обусловленной перекрестным влиянием узбекского и казахского языков, ближе стоит к соответствующим узбекским формам, чем к формам казахского языка той же территории.

В частности, по ряду признаков лексического порядка каракалпакский язык более сближается с «джекающими» говорами узбекского языка, чем с казахским, так как многие лексические терми-

ны земледелия, торговли и др.— преимущественно узбекского происхождения или проникли сюда при посредстве узбекского языка. Из лексических изоглосс, связанных с каракалпакским языком, можно отметить слова типа *мәйәк* (*мәйек*) (яйцо), *ата-/әке* (отец) и т. д.

В. В. Решетов сближает говор каракалпаков Ташкентской обл. с «джекающими» и «жекающими» кураминскими говорами узбекского языка [24].

Сильное влияние окружающего казахского и узбекского населения отмечается исследователями и для языка туркестанской группы каракалпаков [25].

Таким образом, в районах смешанного расселения народов процессы собственно этнической интеграции и естественной ассимиляции малых групп дополняются процессами межъязыковых контактов, взаимопроникновения отдельных элементов в разных уровнях развития языка, языковой ассимиляции малых групп народов. Все это создает на местах расселения локальных групп каракалпаков чрезвычайно пеструю этническую и языковую картину.

Сопоставление результатов Всесоюзных переписей населения 1926, 1959 и 1970 гг. наглядно показывает, что численность локальных групп каракалпаков за последние десятилетия имеет общую тенденцию к снижению; это связано с процессом все большей консолидации, укрепления социалистических наций, ликвидацией обособленности мелких этнических и племенных в прошлом групп и представляет собой явление прогрессивное, протекающее естественно и добровольно, без всякого принуждения извне. Такая закономерность характерна в целом для процессов этнического развития народов нашей страны в период зрелого социализма [26].

[1] *Винников Я. Р.* Современное расселение народов и этнографических групп в Ферганской долине.— СЭС, 1959, вып. II.

[2] *Иногамов И. И.* Этнический состав населения и этнографическая карта Ферганской долины в границах Узбекской ССР: Автореф. канд. дис. Ташкент, 1955.

[3] *Поливанов Е. Д.* Некоторые фонетические особенности каракалпакского языка.— В кн.: ТХЭ. Ташкент: Госиздат УзССР, 1933, с. 27.

[4] *Tursun Ibrahim.* Qaraqalpaq şevasiniŋ ba'zi bir xususijatlari.— Til problemalari. Ташкент; Самарканд. 1935, s. II.

[5] *Боровков А. К.* Вопросы классификации узбекских говоров.— Изв. АН УзССР, 1953, № 5; *Он же.* Узбекские говоры Наманганской области.— Научные труды, ТГУ, 1963, вып. 211, кн. 24. Полевые диалектологические материалы по ферганской группе каракалпаков собирались также одним из авторов данной статьи.

[6] *Junusov Olim Ojazi.* Özbek lahçalarini tasnifda bir taçriba. Toşkent, 1935.

[7] *Tursun Ibrahim.* Qaraqalpaq şevasiniŋ...; см. также его работу: Келишик аффикслариниng қорақалпоқ шевасидаги формалари ҳоқида.— ТСАГУ (Ташкент), 1957, вып. 54, кн. II, с. 162—169.

[8] *Хамидов Х.* Бухара қарақалпақларының тили бойынша бақлаўлар.— Вестник Каракалпакского ФАН УзССР (Нукус), 1964, № 3.

[9] *Решетов В. В.* Некоторые замечания о каракалпаках Ташкентского оазиса и их языке.— Бюллетень АН УзССР, 1974, вып. V, № 3; *Он же.* Кураминские говоры Ташкентской области. Фонетическая и морфологическая система: Автореф. докт. дис. Ташкент, 1952.

[10] *Jarring G.* On the distribution of turk tribes in Afghanistan. Lund; Leipzig, 1939, p. 70.

[11] *Wurm S.* Turkic Peoples of the USSR. London, 1954, p. 25.

[12] См. об этом: *Жданко Т. А.* Очерки исторической этнографии каракалпаков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950, с. 36.

[13] В книге «Уральский округ и его районы» (Уральск: Уральский окр. план, 1929, вып. VIII) говорится об этой группе населения: «Несмотря на сходство языка и быта каракалпаков с казахами-киргизами и длительное пребывание в окружении последних, все же имеющаяся в Уральском округе группа их сумела сохранить до сих пор свою этнографическую самостоятельность». Напомним, что дореволюционный исследователь А. Харузин писал о них: «Каракалпаки киргизами не считаются родом, а признаются прямо отдельной народностью» (*Харузин А.* Киргизы Букеевской орды. М.: 1889, вып. 1, с. 39).

[14] Проф. В. В. Решетов еще в 1947 г. писал об этой группе каракалпаков: «Здешние каракалпаки быстро утрачивают типичные каракалпакские черты быта и причисляют себя то к казахам, нередко именуя себя каракалпак-казах или казах-каракалпак, то к узбекам..., жители пунктов, расположенных среди кураминских поселений долины р. Ангрен (Найман, Ачамайлы, Джагалбайлы и др.), считают себя узбеками... Что же касается каракалпаков нижнего течения р. Келес, то и там численность их значительно уменьшилась за счет увеличения населения, именующего себя казахами» (*Решетов В. В.* Некоторые замечания о каракалпаках...).

[15] Суперстрат — это «элементы языка пришельцев, растворившегося в языке коренного населения, который оказывается в этом случае языком-победителем» (*Борковский В. И.* Вступительное слово.— В кн.: Доклады и сообщения Института языкознания. М., 1956, IX).

[16] Каждый гражданин, определяя свой родной язык, естественно, указывал язык того или иного большого народа, не вдаваясь в лингвистические подробности, а ведь говоры, скажем, ферганских и бухарских каракалпаков во многом отличаются от языка каракалпаков Хорезмского оазиса (и друг от друга). Вопрос об определении населением родного языка вообще тесно связан с вопросом о национальном самосознании. Об этом также см.: *Губогло М. Н.* Социально-этнические последствия двуязычия.— СЭ, 1972, № 2.

[17] Следует добавить, что рассматриваемые ниже языковые явления наблюдаются на фоне общего значительного сходства фонетических, морфологических и лексических признаков между языками кыпчакской подгруппы тюркской группы языков (к которой наряду с другими относятся каракалпакский и казахский языки и кыпчакские говоры узбекского языка). Такое сходство находит объяснение в общих этапах этно- и глоттогенеза народов, составивших данную языковую подгруппу.

[18] В основу этой характеристики положены полевые материалы авторов данной статьи. Подробнее об этом см.: *Насыров Д. С.* Становление каракалпакского общенародного разговорного языка и его диалектная система. Нукус; Казань: Каракалпакгиз, 1976.

[19] *Поливанов Е. Д.* Сборник научных трудов: (Труды лингвистического сектора). Ташкент, 1934, т. 1, вып. 2, с. 5—7; *Боровков А. К.* Узбекские говоры..., с. 16. Все ученые, исследовавшие говоры каракалпаков ферганской, самаркандской и ташкентской групп, относили их к «джекающим» или кыпчакским говорам узбекского языка. См.: *Поливанов Е. Д.* Материалы по грамматике узбекского языка. Ташкент: Госиздат. УзССР, 1935, вып. 1, с. 28—30; *Junusov Olim OJazi.* Özbek Lahçalarini..., *Tursun Ibrahim.* Qaraqalpaq şevasinin..., с. 3—41; *Боровков А. К.* Вопросы классификации узбекских говоров, с. 72—73; *Решетов В. В.* Некоторые замечания о каракалпаках..., с. 18.

[20] *Боровков А. К.* Узбекские говоры..., с. 17.

[21] *Иброҳимов Т.* Келишик аффикслариниng қорақалпоқ шевасидаги форма-

лари ҳақида.— ТСАГУ, 1957, вып. 54, кн. II, с. 163—164; *Решетов В. В.* Об одном узбекском падеже.— В кн.: Тюркологический сборник. М.; Л.: Изд-во АН СССР, т. 1, с. 176—183.

[22] *Турсунов У. Т., Раджабов Н. Р.* О состоянии изучения узбекских говоров Самаркандской области.— Научные труды ТГУ, 1963, вып. 211. Языкознание, с. 180—187.

[23] *Мирсоатов Т. З.* Ўзбек тилининг қирқ шеваси.— В кн.: Материалы по узбекской диалектологии. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957, т. I, с. 261.

[24] *Решетов В. В.* Некоторые замечания о каракалпаках..., с. 18—22; *Он же.* Кураминские говоры Ташкентской области. Фонетическая и морфологическая система: Автореф. докт. дис. Ташкент, 1952, с. 14—15.

[25] *Каримов А., Пахратдинов А., Ниетуллаев С.* «Жоқарғы қарақалпақлар» туўралы жаңа мағлыўматлар. Әмудәрья (Нөкис), 1959, № 4, с. 88—97.

[26] См.: *Гурвич И. С.* Современные направления этнических процессов в СССР.— СЭ, 1972, № 4; Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука, 1977, с. 17—19, 500—533 и др.

ЭВОЛЮЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ ПРИПАМИРСКИХ НАРОДНОСТЕЙ

Л. Ф. Моногарова

Припамирскими народностями исследователи называли оседлое земледельческое население высокогорных труднодоступных долин Западного Памира и афганского Бадахшана. Памирское разграничение 1895 г., согласно которому припамирские народности (кроме язгулёмцев) оказались разделенными государственной границей между Афганистаном и Бухарским эмиратом, обусловило и различное этническое развитие этих народностей. В СССР припамирские народности живут в Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО) Таджикской ССР.

Общая численность населения ГБАО — около 98 тыс. человек (по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г.). Из них таджиков (вместе с памирскими) — 90,8%. Общая численность памирских таджиков составляет свыше 42 тыс. человек (по числу лиц, назвавших родным во время переписи 1959 г. один из памирских языков, относящихся к юго-восточной ветви иранских языков). Это язгулёмцы (самоназвание — *згамик*, численность — около 1600 человек), живущие в долине р. Язгулём; *рушанцы* (самоназвание — *рыхен, рухни*, численность — около 7000 человек), населяющие долину правобережного Пянджа от устья р. Язгулём до устья р. Бартанг; локальная группа рушанцев хуфцы (самоназвание — *хуфидж*, численность — 1200 человек), живущих в долине Хуф; бартангцы (самоназвание — *бартангидж*, численность — около 2000 человек), которые вместе с локальной группой орошорцев занимают долину р. Бартанг; шугнанцы (самоназвание — *хугни, хунуни*) — самая крупная из этих народностей (численность — св. 20 000 человек), живущая по правобережью Пянджа от кишлака Сохчарв до Хасхарага, в долинах рек Гунт и Шахдара; говорящие на одном из памирских языков ишкашимцы (самоназвание *ишкошими*), проживающие в основном в кишлаке Рын (400 человек, а всего их в ГБАО 500 человек); ваханцы (самоназвание *хик, вахи*, численность — свыше 7000 человек), живущие в верховьях Пянджа и в долине р. Памир. Верующие исповедуют исмаилизм — ответвление шиитского толка в исламе.

Самоназвание каждой из припамирских народностей в первые десятилетия после установления Советской власти не изменилось по сравнению с предшествующими периодами исторического раз-

вития этих народностей. Мы обращаем на это особое внимание, так как этническое (национальное) самоназвание — выражение этнического (национального) самосознания, т. е. самоназвание есть четкое осознание своей принадлежности к определенному этносу, ибо, как справедливо подчеркивает Л. В. Хомич, «с этническим самосознанием теснейшим образом связано самоназвание, без последнего не может быть и этнического самосознания» [1].

Впервые в истории этнографической науки национальное самосознание как этнический определитель характеризовал Павел Иванович Кушнер [2] в работе, опубликованной в 1949 г. Затем в течение 15 лет это положение П. И. Кушнера не привлекало достаточного внимания исследователей. Только в 1964 г. Н. Н. Чебоксаров [3] включил этническое самоназвание как один из признаков в определение этнической общности. В ходе известной дискуссии, открытой на страницах журнала «Вопросы истории», стало ясным, что эту точку зрения разделяют и другие ученые (например, П. М. Рогачев, М. А. Свердлин, М. С. Джунусов, В. И. Козлов).

В настоящее время этническое самосознание, фиксированное в самоназвании (этноним),— общепринятый признак этноса [4].

Вследствие былой географической, исторической и социально-экономической обособленности оседлое земледельческое население высокогорных долин Бадахшана, оказавшись к X в. на периферии этнической территории сложения таджиков, сформировалось в ряд небольших самостоятельных народностей. Причем их родные языки, хотя и входят в одну лингвистическую группу, взаимонепонимаемы (кроме диалектов рушано-шугнанских языков).

При изучении развития национального самосознания припамирских народностей следует иметь в виду, что исповедование исмаилизма также было важной причиной обособленности их этнического развития, оно же тормозило до недавнего времени сближение их с таджиками, исповедовавшими суннизм. «Этноразделительную роль религии при изучении самосознания и этнических процессов необходимо учитывать, так как религиозные различия имели в прошлом в быту и общественных отношениях бóльшее значение по сравнению с этническими»[5]. Абсолютизировать эту данную В. И. Козловым оценку роли религии в этом плане, видимо, не следует, но во многих случаях, как мы видим это и на примере припамирских народностей, роль религии существенна.

В период раннего средневековья (до арабского завоевания) уже были известны самостоятельные феодальные владения — Вахан, Шугнан и Рушан, правители которых имели свои титулы. В XIX — начале XX в. припамирские народности жили в феодальных владениях, периодически попадавших в зависимость от более сильных соседей — Кундуза, Бадахшана, Афганистана и Бухарского ханства (с 1895 г.). К этому времени они уже представляли собой малочисленные феодальные народности, что и

отразилось в бытовании у каждой из этих народностей — этносов — этнических самоназваний, отражавших их этническое самосознание.

Великая Октябрьская социалистическая революция и вызванные ею преобразования экономической и культурной жизни, быта народов, в том числе таджиков и припамирских народностей, завершение процесса сложения социалистической таджикской нации за годы Советской власти обусловили дальнейший этап развития самосознания припамирских народностей. Это нашло свое отражение в изменении их национального самоназвания.

Изучение развития национального самосознания народов нашей страны, прошедших некапиталистический путь развития и с помощью братских народов построивших социализм, имеет большое международное значение в современную эпоху (особенно для народов в прошлом зависимых и колониальных стран).

Судьба припамирских народностей является ярким примером практического осуществления национальной политики Коммунистической партии и Советского правительства, проводимой, согласно ленинскому учению, с учетом этнографических особенностей каждой народности нашей страны.

Политика Коммунистической партии и Советского правительства ярко проявилась в практике национально-государственного строительства, особенно в национально-государственном размежевании 1924—1925 гг. республик Средней Азии, проведенном Советским государством «в соответствии со свободным волеизъявлением народов, стремившихся после освобождения от гнета царизма к объединению в суверенные национальные республики» [6].

Учет этнографических особенностей припамирских народностей обусловил создание в границах Таджикской республики в январе 1925 г. Горно-Бадахшанской автономной области.

За период с середины 20-х по 40—50-е годы XX в., как показывают материалы наших полевых исследований в Горно-Бадахшанской автономной области, припамирские народности сложились в социалистические народности. Как пишет Ю. В. Бромлей: «Некоторые этносоциальные общности при капитализме и социализме принято именовать народностями. Их соответственно подразделяют на буржуазные и социалистические. В социальном плане такого рода общности отличаются от наций прежде всего классовой структурой. Хотя они включены в социальные отношения соответствующих формаций, однако в их социальной структуре удельный вес ведущих классов этих формаций (буржуазии и пролетариата — в капиталистической, рабочего класса — в социалистической) сравнительно невелик; преобладающим социальным слоем, как и при предшествующих формациях, остается крестьянство» [7]. Обычно у народностей такого рода функции собственной государственности выполняет государственная надстройка крупной нации, с которой она связана в политическом отношении.

Социалистические народности обычно входят на правах автономии в определенную республику, и именно в ту, с основной нацией которой данная народность ассоциируется. Такие народности С. А. Арутюнов и Н. Н. Чебоксаров определяют как вторичные в отличие от первичных — народностей древности и средневековья.

Для социалистической народности — народности вторичной — «характерна широкая распространенность двуязычия, грамотности не столько на родном языке, сколько на языке связанной с ней нации» [8].

Все эти черты присущи припамирским народностям. Эти народности, как и многие другие народы бывших окраин царской России, благодаря завоеваниям Великой Октябрьской социалистической революции, минуя стадию капиталистического развития, перешли от феодальных (вернее, патриархально-феодальных) отношений к социалистическим.

Изживание за годы Советской власти обособленности припамирских народностей в хозяйственной и культурной жизни оказало влияние на дальнейшее развитие у них этнических процессов.

Собранные нами полевые материалы свидетельствуют о том, что еще в 1949—1953 гг. преобладающими самоназваниями оставались самоназвания *згамик* для язгулёмцев, *вахи*, *хик* — для ваханцев и т. п., т. е. самосознание выражалось в самоназваниях, которые мы отмечали для припамирских народностей XIX — начала XX в.(рис. 1, 2).

Рис. 1. Шугнанки

К 1940-м годам припамирские народности, как уже было отмечено, преобразовались в социалистические народности. Каждая из них и все вместе они стали более глубоко, чем прежде, ассоциироваться с таджиками, входя на правах автономии (ГБАО) в суверенную Таджикскую Советскую Социалистическую Республику [9]. К 1940-м годам в ГБАО завершилась коллективизация сельского хозяйства. Основной структурной единицей у каждой из этих народностей было колхозное крестьянство (рис. 3).

Возросла роль таджикского языка — государственного языка республики. Памирские языки — бесписьменные, поэтому обучение в школах с 1 класса стали вести на таджикском языке.

Таджикский язык, называемый припамирцами *форси* (*фарси*), издавна служил языком общения как между припамирскими народностями, так и между ними и таджиками соседних местностей, но нет достаточных оснований считать всех припамирцев XIX и начала XX в. двуязычными. Таджикский язык знали в основном только те мужчины, которые уходили на заработки в Восточную Бухару, Афганистан, Читрал и т. д., а также вступавшие в контакт с иноземными властями представители больших патриархальных семей (это не всегда был глава семьи, в такой роли часто выступал один из его сыновей, наиболее развитой, предприимчивый). Женщины в прошлом почти не знали таджикского языка.

Наши личные наблюдения подтверждают сведения информаторов. В настоящее время люди преклонного возраста (старше 60—70 лет) практически не владеют таджикским языком. Люди от 40 до 60 лет — и мужчины и женщины — в достаточной степени знают и таджикский, и немного русский язык. Свободно владеют таджикским языком лица в возрасте от 17—18 и до 35—40 лет. Представители этого поколения обычно в той или иной мере владеют и русским языком, особенно те из них, которые получили среднее и высшее образование (русский изучают в средней школе как предмет со 2-го класса), и лица, служившие в армии.

За последние годы как в таджикском, так и в памирских языках происходит активное заимствование слов из русского языка, ставшего языком межнационального общения народов СССР.

Рис. 2. На улице Хорога

Родным языком пользуются не только в домашнем быту, но и на производстве. Словарный запас памирских языков пополняется все время заимствованиями из таджикского, который служит основным проводником культурной жизни. Таджикским языком пользуется местная пресса — областная газета «Бадахшани Совети» (на 4-й странице печатаются материалы на русском языке) и районные газеты; на таджикском и русском языках ведутся радиопередачи, идут кинофильмы, спектакли. Официальные собрания, пленумы, совещания в областном масштабе проходят на таджикском языке.

Таким образом, только за годы социалистического строительства таджикский язык действительно стал вторым родным языком припамирских народностей. Таджикский язык являлся и является одним из важных факторов в процессе изживания былой обособленности припамирских народностей и их постепенного сближения с таджиками, благодаря чему они приобщились к современной общесреднеазиатской и общесоветской культурам (рис. 4). Однако разговорный таджикский язык (бадахшанский говор) припамирских народностей отличается от литературного таджикского языка и тем более от разговорного языка таджиков других районов республики.

В ходе социалистического преобразования хозяйства и культуры припамирских народностей, в процессе укрепления межнациональных связей и роста атеизма как у таджиков, так и у припамирских народностей за годы Советской власти происходило

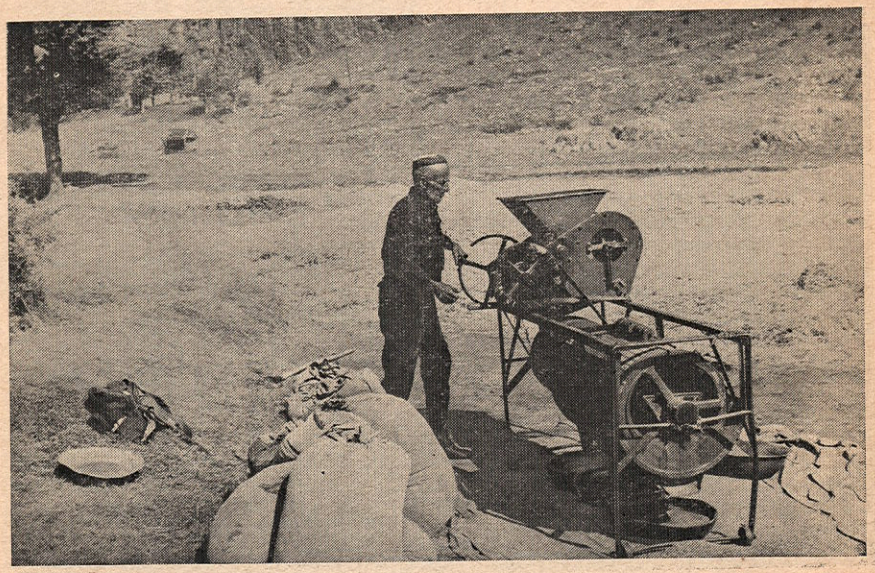

Рис. 3. Очистка зерна.

сближение этих народов, что проявляется и в изменении самоназвания последних.

Национальное самосознание припамирских народностей в 50—70-е годы XX в., как свидетельствуют наши полевые материалы, проявляется в трех формах самоназваний: во-первых, выясняя национальную принадлежность между собой, представители припамирских народностей называют свое этническое самоназвание — *згамик*, *рыхен*, *вахи* и т. п.; во-вторых, при общении с приезжими и при посещении других районов Таджикистана, они называют себя *помири* (*памирец*) или *памирский таджик*, выделяя себя из таджиков других районов республики определением *памирский*; в-третьих, за пределами Таджикистана они называют себя *тоджик*, т. е. *таджик*.

Современный процесс национального развития припамирских народностей характеризуется сближением их с таджиками и одновременной тенденцией формирования этнической общности «памирских таджиков».

Экономическое и культурное развитие отдельных припамирских народностей нередко определялось степенью географической изоляции и численностью населения. У шугнанцев, по свидетельству наших информаторов [10], в экономическом и культурном отношении особенно выделялась группа кишлаков на территории современного Поршневского сельсовета (рис. 5). Эта местность, расположенная в 18 км от столицы ГБАО — г. Хорога, всегда была центром культурной и хозяйственной жизни не только шуг-

Рис. 4. Современная свадьба

нанцев, но и других припамирских народностей. В то же время жители верхнего Бартанга, Хуфа и долины Язгулёма испытывали трудности вследствие своего высокогорного изолированного положения. Шугнанский р-н и в настоящее время является самым многонациональным в Горно-Бадахшанской автономной области. Вот как определяет значение Шугнанского р-на Н. С. Гинзбург: «Занимая лишь 15% ее территории, он сосредоточивает около трети всего населения области. Шугнанскому району принадлежит ведущее место в экономике Горного Бадахшана — первое место по размерам пашни и поголовью крупного рогатого скота. Это также промышленно наиболее развитая часть Памира, быстро урбанизирующаяся. Ныне 43% населения района является городским. Число сельских поселений Шугнана с 1926 по 1965 г. выросло более чем в два раза. В Шугнанском районе находится в настоящее время около половины всех постоянных населенных пунктов автономной области» [11].

А. К. Писарчик отмечает, что «равнинные и горные таджики в настоящее время называют припамирцев «помири» — памирцы или иногда «шугни» — шугнанцы, по имени наиболее многочисленной их группы» [12].

В последние годы шугнанский язык начинает выступать в роли посредника в среде разноязычного населения Западного Памира: рушано-шугнанские диалекты взаимопонимаемы, а ваханцы и язгулёмцы при тесном общении с шугнанцами в той или иной степени овладевают разговорным шугнанским языком. Однако, на

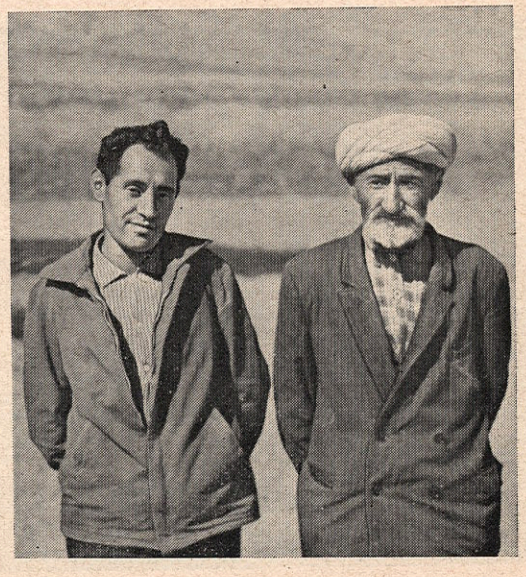

Рис. 5. Шугнанцы из Поршневского р-на

наш взгляд, тенденция самостоятельной консолидации памирцев не имеет перспектив дальнейшего развития при учете все усиливающегося влияния современной таджикской национальной культуры и возрастающей роли таджикского языка.

Преобразование национальной культуры одного или группы народов под воздействием культуры более развитого и многочисленного народа имеет важное значение для этнических процессов у данного народа или группы народов. Однако, чтобы судить о степени завершения процессов ассимиляции и консолидации, об определении характера этнических процессов, необходимо учитывать и изменения в области национального самосознания.

Анализ наших полевых материалов показывает, что, несмотря на сохранение каждой из припамирских народностей самосознания, идет естественный процесс их сближения с таджиками других регионов Таджикистана, что проявляется, как мы уже говорили, в самоназваниях — «памирец», «памирский таджик» или «таджик» (вне пределов Таджикистана). Причем термин «памирец», обозначавший в прошлом только географическое местожительство, в настоящее время приобрел и этническое значение.

Философ Д. Балхов справедливо полагает, что «двойственный характер самосознания припамирских народностей... свидетельствует о незавершенности процессов консолидации и о влиянии таких факторов, как религия, традиции исторического прошлого и географических условий Памира» [13].

Процесс сближения с таджиками у различных групп памирцев проявляется в настоящее время по-разному. Так, постепенное экономическое и культурное сближение ванчцев — в прошлом одной из припамирских народностей — с таджиками привело еще в середине XIX в. к утрате ими своего родного ванчского языка и замене его таджикским или, правильнее, ванчским, или ванджским говором таджикского языка и в конечном итоге — к полному слиянию ванчцев с таджиками. Таджики остальных районов республики считают ванчцев таджиками.

Довольно интенсивно идет процесс ассимиляции таджиками и язгулёмцев, которые, как и ванчцы, в XIX в. вынуждены были официально принять суннизм. Сами язгулёмцы считают себя таджиками, хотя в настоящее время в отличие от ванчцев сохраняют свой родной язык, пользуются им как в домашнем быту, так и на производстве. Вместе с тем воздействие таджикской культуры на язгулёмцев привело к сочетанию в их хозяйстве, семейной и общественной жизни элементов культуры и быта припамирских народностей с таджикскими.

Этнографические полевые наблюдения изменений национального самосознания припамирских народностей позволяют нам поставить под сомнение вывод Г. В. Шелепова об определяющей роли межнациональных браков в процессе этнической консолидации. Так, Г. В. Шелепов пишет: «Исторических фактов, свидетельствующих о *невозможности* (выделено мной.— *Л. М.*) эт-

нической консолидации без межэтнических брачных отношений населения той или иной страны, встречается достаточно много в этнографической литературе» [14]. Между тем пример развития этнического (национального) самосознания припамирских народностей говорит о другом. Как мы видели, ванчцы слились, а язгулёмцы почти слились с таджиками. Идет процесс более тесного этнического взаимодействия памирцев с таджиками, характеризующийся усвоением первыми многих черт современной национальной культуры таджиков, насыщенной элементами общесреднеазиатской и общесоветской культур.

В процессе сближения с таджиками припамирских народностей межэтнические браки не только не играли определяющей роли, но и вообще не играли никакой роли в силу чрезвычайной географической изолированности, особенностей исторического развития, различного с соседними народами, в частности с таджиками, вероисповедания. Как и у многих народов Средней Азии, у припамирских народностей обычными были родственные браки, а также браки между двоюродными и других степеней родства сестрами и братьями (как по линии отца, так и по линии матери). Смешанные браки с таджиками других районов республики и в настоящее время на Западном Памире крайне редки. В силу отсутствия пока крупных промышленных строек, а также отчасти и географического положения Горно-Бадахшанской автономной области естественные миграции населения здесь ограничены, что и обусловливает заключение однонациональных браков. И тем не менее процесс изменения национального самосознания припамирских народностей прослеживается довольно ярко. Следовательно, на примере изменения этнического (национального) самосознания припамирских народностей видно, что определяющим фактором в этом процессе являются социально-экономические причины, а не смешанные браки, хотя нельзя совсем не учитывать их роль в этнических процессах у других народов.

Памирцы, как этническая общность, на наш взгляд в настоящее время переживают переходную стадию этнического развития на пути все большего сближения и дальнейшего слияния с таджиками, о чем свидетельствует многоступенчатость их национального самосознания.

Этническую общность с многоступенчатым национальным самосознанием, свидетельствующим об усилении процесса сближения или слияния ее с нацией, с которой она ассоциирована, можно, на наш взгляд, определить как этнографическую группу таджикской нации.

Л. И. Брежнев, в своем докладе «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик» особо подчеркнул, что Коммунистическая партия Советского Союза против того, чтобы искусственно форсировать объективный процесс дальнейшего сближения наций и народностей нашей страны: «... этот процесс диктуется всем ходом нашей советской жизни. В то же время партия считает недопустимыми какие бы то ни было попытки сдерживать процесс сближения наций, под тем или иным предлогом чинить ему помехи, искусственно закреплять национальную обособленность, ибо это противоречило бы генеральному направлению развития нашего общества, интернационалистическим идеалам и идеологии коммунистов, интересам коммунистического строительства» [15].

Наши материалы позволяют сделать следующий вывод: припамирские народности сохраняют свои родные языки в качестве разговорных при обучении на таджикском; сохраняют этнографические особенности семейного быта, некоторые элементы традиционной материальной и духовной культуры и одновременно уже осознают себя «памирскими таджиками». На данном этапе их этнического (национального) развития они представляют собой этнографические группы таджикского народа.

[1] *Хомич Л. В.* О содержании понятия «этнические процессы»,— СЭ, 1969, № 5, с. 83.

[2] *Кушнер П. И.* Национальное самосознание как этнический определитель.— КСИЭ, 1949, вып. VIII, с. 3.

[3] *Чебоксаров Н. Н.* Проблема этногенеза древних и современных народов: (Вступительное слово на симпозиуме).— В кн.: Труды VII МКАЭН. М.: Наука, 1970, с. 747—748.

[4] *Козлов В. И.* Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса.— СЭ, 1974, № 2, с. 87—90; Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука, 1977, с. 12.

[5] Более подробно об этом см.: *Козлов В. И.* Типы этнических процессов и особенности их исторического развития.— ВИ, 1968, № 9, с. 102.

[6] *Жданко Т. А.* Национально-государственное размежевание и процессы этнического развития у народов Средней Азии.— СЭ, 1972, № 5, с. 13.

[7] *Бромлей Ю. В.* Опыт типологизации этнических общностей.— СЭ, 1972, № 5, с. 75.

[8] *Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н.* Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества.— В кн.: Расы и народы. М.: Наука, 1972, вып. 2, с. 23.

[9] Подробнее об этом см.: *Моногарова Л. Ф.* Преобразования в быту и культуре припамирских народностей. М.: Наука, 1972, с. 158—168.

[10] Полевые записи от 14.X 1965 г., г. Хорог.

[11] *Гинзбург Н. С.* Особенности расселения на Памире.— В кн.: География населения и населенных пунктов в СССР. Л.: Наука, 1967, с. 253, 276.

[12] *Писарчик А. К.* Припамирские таджики.— В кн.: Народы Средней Азии и Казахстана. М.: Изд-во АН СССР, 1962, т. 1, с. 658.

[13] *Балхов Д.* Развитие национального самосознания народных масс в условиях перехода от докапиталистических отношений к социализму: Автореф. канд. дис. М., 1972, с. 17. Автор, по происхождению шугнанец, в своей диссертации уделил внимание и вопросу самосознания памирских таджиков.

[14] *Шелепов Г. В.* Общность происхождения — признак этнической общности.— СЭ, 1968, № 4, с. 67.

[15] *Брежнев Л. И.* О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик.— В кн.: Ленинским курсом: Речи и статьи. М.: Политиздат. 1974, т. 4, с. 64.

КИПЧАКИ В УЗБЕКСКОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ СРЕДЕ В ДООКТЯБРЬСКИЙ ПЕРИОД (Процессы интеграции)

К. Ш. Шаниязов

Кипчаки (самоназвание — *қипчоқ*) являлись одним из компонентов, вошедших в состав узбекского народа.

По своему происхождению кипчаки были связаны с древними и раннесредневековыми племенами и племенными союзами Южной Сибири и степей Северного Казахстана.

История древнекипчакских племен, по-видимому, развивалась в динлинской, хуннской, тюркской этнокультурных средах. Первые письменные упоминания о них под названием «кюеше» или «цзюеше» очень древние.[1] Это название в научной литературе отождествляется с племенным наименованием «кипчак» [2]. Под собственным наименованием «кипчак» они упоминаются в надписях селенгинского камня, относящегося к середине VIII в. н. э.[3] Позже этноним «кипчак» встречается во многих арабских [4], персидско-таджикских [5] и тюркоязычных[6] источниках. В русских летописях (IX—XIII вв.) кипчаки были известны под названием «половцы» [7] или «куманы» [8]. Византийцы также называли их «куманы» (или «команы»). Некоторым западноевропейским народам кипчаки-половцы были известны под различными наименованиями: грекам — как «певияни», полякам и чехам — «плавцы», немцам — «флеви» и т. д. Все эти термины, как полагает А. Пономарев, восходят к русскому «половцы» [9].

Кипчаки, как и другие племена Алтая, с III. в. до н. э. до конца I в. н. э. находились в зависимости от гуннов. Со II по IV в. н. э. они попали в сферу политического господства племен сянбийцев [10], а с конца IV в. по первую половину VI в. были подчинены монголоязычным племенам жужан. В середине VI в. кипчаки были подчинены Тюркскому каганату. В этот период происходили разделение и миграция кипчаков из северо-западного Алтая: одни группы их переселились в Северо-Западную Монголию, в районы верхней Селенги до Орхона (будем условно называть их орхонскими), другие (основная масса кипчаков) — на среднее течение Иртыша. Эта последняя группа (условное название — западная) до конца VIII в. являлась самостоятельным, независимым объединением племен.

В VIII—IX вв. западные кипчаки были подчинены государству кимаков. В конце X и в начале XI в. кипчаки, освободившись

от власти кимаков, подчинили себе многие племена, в том числе и кимаков, живших на территории Центрального и Западного Казахстана [11]. Западные кипчаки в середине XI в. превращаются в крупное этнополитическое объединение, кочевавшее в междуречье Урала и Средней Волги. Группа кипчаков, выделившись из состава западных кипчаков еще в X в. и продвинувшись на юг, в начале XI в. заняла область Средней Сырдарьи и образовала здесь второе крупное объединение кипчаков (присырдарьинские кипчаки). Столицей их стал г. Сыгнак [12]. Таким образом, термин «кипчак» в конце X — начале XI в. становится наименованием двух крупных этнополитических объединений. Название «кипчак» носили также орхонская и алтайская группы кипчаков.

В 60-е годы XI — начале XII в. происходит миграция западных кипчаков в Восточную Европу. Движение их на запад было связано с усилением феодализации кипчакского общества и стремлением феодальной верхушки к обогащению. Это стремление удовлетворялось путем захвата новых пастбищных земель и тем самым увеличения поголовья скота, а также грабежа соседних народов. Причины, побудившие тюркские народы покидать азиатские степи и переходить в Европу, были раскрыты К. Марксом и Ф. Энгельсом. Они писали: «То же самое давление избытка населения на производительные силы заставляло варваров с плоскогорий Азии вторгаться в государства Древнего мира». И далее: «... то были племена, занимавшиеся скотоводством, охотой и войной, и их способ производства требовал обширного пространства для каждого отдельного члена племени...»[13]. Хотя эти высказывания основоположников марксизма относятся к более ранним движениям кочевников из Азии, их вполне можно отнести и к движениям кипчаков.

Кипчаки, переселившиеся в Восточную Европу и на Северный Кавказ, расселились отдельными племенными объединениями. Таких объединений было несколько. В дальнейшем (XII — начало XIII в.) эти сравнительно мелкие объединения, соединившись, образовали две крупные орды: западную, или приднепровскую, и восточную, придонскую [14]. Основное ядро этих орд составляли у приднепровских — белые кипчаки (или белые куманы), а у придонских — черные кипчаки (или черные куманы) [15]. Отдельное и крупное объединение по-прежнему составляли присырдарьинские кипчаки.

Этнически кипчакские орды были весьма пестрыми. В составе восточноевропейских и северокавказских кипчаков находились остатки некоторых прежних этнополитических объединений: печенеги, канглы, хазары, кимаки, узы, огузы и некоторая часть черных клобуков. В зависимости от присырдарьинских кипчаков находились также группы огузов, печенегов, канглы, племена аз, аргын и многие другие этнические элементы.

Так как эти объединения находились под властью правящей группировки кипчаков, то в русских летописях и в сочинениях

арабо-персидских авторов все эти объединения нередко называли общим именем «половцы» или «кипчаки». Таким образом, термины «половцы» (для Восточной Европы) и «кипчаки» (для восточного Дешт-и-Кипчака) выступают (в XI — начале XIII в.) как собирательные, являясь политическим наименованием племен и племенных объединений обширной степи Дешт-и-Кипчака [16].

Со второй половины XII в. по кипчакским кочевьям Восточной Европы русские войска стали наносить чувствительные удары. Одновременно правители Хорезма предпринимают походы, направленные на захват владений присырдарьинских кипчаков [17]. В кипчакских объединениях усиливаются также межплеменные раздоры. Все это расшатало устои половецко-кипчакских орд, а монгольское нашествие лишь ускорило их распад.

Нашествие монголов тяжело отразилось на судьбе кипчаков. Бывшие кипчакские объединения распались. Многие кочевники ушли от преследования монголов на запад, в пределы Турции, Венгрии, Болгарии и даже в Египет [18]. Оставшиеся кипчаки объединились в несколько сравнительно небольших родо-племенных групп и продолжали кочевать в Дешт-и-Кипчаке [19].

Кочевники-кипчаки составили в XIII—XIV вв. основную массу населения Золотой орды. Монголы, влившись в кипчакскую этнокультурную среду, приняли мусульманство и с течением времени были тюркизированы. При дворе золотоордынских ханов был в употреблении письменный литературный язык, сложившийся на кипчакско-огузской диалектной основе.

После падения Золотой Орды и образования государства кочевых узбеков (в XV — начале XVI в.) происходит новая перегруппировка кочевников Дешт-и-Кипчака: старые родо-племенные объединения, союзы племен распадаются и возникают новые. Одни из этих объединений возникают под старыми названиями (кипчак, канглы, каракалпак и др.), другие — под новыми (Ногайский союз, Старший, Средний, Младший казахские жузы и др.).

Кипчакские элементы вошли в большинство этих объединений. Отдельные группы кипчаков, оставшихся в Дешт-и-Кипчаке и на Северном Кавказе, участвовали в формировании башкир, ногайцев, карачаевцев и др.

Таким образом, в XIII — начале XVI в. происходят бурные политические события, в результате которых усиливались межплеменные контакты кочевников Дешт-и-Кипчака, вызывавшие периодический распад и образование новых племенных объединений. Это привело к серьезным изменениям состава племен и племенных союзов. Сильно изменился и состав кипчаков, ставших важным компонентом, а иногда и этнической основой формирования ряда народностей Средней Азии, Казахстана, Восточной Европы и Северного Кавказа, сложившихся в этих регионах в XV—XVI вв.

В этногенезе узбеков на его средневековом этапе (в X—XVI вв.) участвовали две группы кипчаков: восточная, или присырдарьинская, которая была в контакте с населением Мавераннахра и Хорезма еще в X—XI вв., и западная, или восточноевропейская, которая вошла в этническую сферу узбеков отчасти в конце XIV в. в связи с переселением значительного их числа Тимуром в Мавераннахр [20], а отчасти в XV—XVI вв. в связи с вторжением в земледельческие оазисы Средней Азии дештикипчакских узбеков. В состав последних наряду с другими родо-племенными объединениями вошли и кипчаки; дештикипчакские узбеки явились наиболее поздним компонентом в этногенезе узбекского народа.

Кипчаки сыграли существенную роль не только в этническом развитии узбеков, но оставили глубокий след и в формировании узбекского языка. Об этом свидетельствует тот факт, что один из диалектов современного узбекского разговорного языка называется кипчакским диалектом [21].

Те группы кипчаков, которые вплоть до начала нашего столетия сохраняли этническую обособленность и о которых пойдет речь в данной статье, на территории Узбекистана были переселенцами конца XVII — начала XVIII в. из бассейна Сырдарьи, ушедшими оттуда в связи с нашествием джунгар на эту область.

Накануне Великой Октябрьской социалистической революции эти кипчаки представляли собой этнографическую группу, находящуюся на пути сближения с узбекским народом.

Целью настоящей статьи является выявление исторических предпосылок и начала процесса постепенного стирания родо-племенных бытовых и других этнокультурных особенностей у этнографической группы кипчаков в ходе их приобщения к общеузбекской этнической среде и культуре накануне Октябрьской революции.

Придя на новые места расселения, бывшие кочевники кипчаки под влиянием земледельческого узбекского населения постепенно изменили свой образ жизни. Из их среды выделились оседлые и полуоседлые группы. Последние вплоть до конца XIX — начала XX в. продолжали вести полуоседлое хозяйство, сохраняли родо-племенную структуру и некоторые особенности быта. Они образовали этнографическую группу в среде узбекского населения, устойчиво сохранявшую древний этноним кипчаков.

На территории дореволюционного Узбекистана кипчаки расселялись двумя компактными группами: в Ферганской долине и в бассейне Зеравшана. Отдельные их группы встречались также на территории нынешних Бухарской, Кашкадарьинской и Хорезмской областей. В Ферганской долине, по данным переписи 1917 г., их насчитывалось 42,4 тыс. человек [22]. Кипчаки жили в 84 селениях Ферганской долины. Большая часть кипчакских селений (52 селения, в которых насчитывалось 29,4 тыс. человек) находилась на территории Андижанского у., по р. Андижансай, в низовьях рек Нарын, Майлисай и Карадарья. В Наманганском у. кипчаки жили в 27 селениях (11,5 тыс. человек) и были расселены в бассейнах рек Кассансай, Сумсар, Чадак, Падша-ата, Гава и по

каналу Янгиарык. Кипчаков, расселившихся в долине Зеравшана, насчитывалось в начале XX в. 52,1 тыс. человек [23]. Они жили в основном в верховьях двух рукавов Зеравшана (Карадарьи и Акдарьи), в следующих волостях: Дагбитской (1781 человек), Даульской (3572 человека), Ишимаксакальской (7331 человек), Каракалпакской (3572 человека), Хальваинской (6258 человек), Челекской (3974 человека), Шахабадской (3269 человек).

Небольшое число их было зарегистрировано в Ангарской, Джумабазарской, Кабудской, Махаллинской, Сиабской, Тюятартарской волостях. Всех кипчаков в пределах Самаркандского у. насчитывалось 40,5 тыс., в Каттакурганском у. их было зарегистрировано 10,8 тыс., а в Джизакском — 800 человек [24].

По более поздним данным обследования 1924 г., в бывшем Бухарском ханстве жили 14,4 тыс. кипчаков: в Бухарском оазисе — 10 тыс.; на канале Шахруд — 5 тыс.; на Вабкентдарье — 2,1 тыс.; на Шофиркандарье — 1,7 тыс.

Небольшая группа (700 человек) была зафиксирована и в Каршинском оазисе [25]. В Хорезме насчитывалось 3810 узбеков-кипчаков. Они жили в районе Нового Ургенча, Шахабада и Кипчака [26].

Таким образом, в узбекской этнической среде в начале XX в. насчитывалось около 120 тыс. человек, относивших себя к кипчакам. Некоторые группы кипчаков жили и на территории северного Афганистана [27].

В период работы нашей экспедиции (1961—1972 гг.) выяснилось, что в ряде селений число проживавших там кипчаков по сравнению с дореволюционными годами теперь резко уменьшилось. Это объясняется тем, что если в начале XX в. многие кипчаки еще сохраняли свое этническое самосознание и самоназвание, то в последующие годы они, сливаясь с оседлым узбекским населением, стали причислять себя к узбекам. В то же время следует учесть, что не все селения, где жили кипчаки, были зарегистрированы в переписях 1917, 1920, 1926 гг. В наше же время большинство кипчаков не помнит своей былой этнической принадлежности. Это создавало определенные трудности при сборе более подробных данных о их численности и местах обитания в прошлом. Но все же полевые историко-этнографические исследования существенно дополнили сведения об их расселении.

Основная масса кипчаков лишь после Октябрьской революции, в процессе консолидации узбекской социалистической нации, слилась с оседлыми узбеками. Процесс слияния с узбеками шел более интенсивно у зеравшанской группы кипчаков. Уже по переписи 1926 г. все они назвали себя узбеками. Однако отдельные сравнительно небольшие группы их (главным образом из ферганских кипчаков), и перейдя к оседлости, еще долго продолжали сохранять свою обособленность, некоторые черты традиционного быта и самосознание.

В переписи 1917 г. ферганские кипчаки фигурируют как отдельная «национальность», и в переписи 1926 г. они (в количестве

32,7 тыс. человек) также считались особой народностью [28]. Эти факты говорят о том, что, несмотря на то что процесс экономического и культурно-бытового сближения кипчаков с оседлым узбекским населением начался еще до революции, в тот период он отнюдь еще не был завершен их слиянием с последним. В дальнейшем, за годы социалистического строительства, по мере консолидации узбекской социалистической нации постепенно исчезла былая обособленность ферганских кипчаков и прочно установилось их самосознание как узбеков.

Сравнительно медленный процесс слияния с узбеками ферганской группы кипчаков объясняется рядом исторических причин. Одной из таких причин, видимо, является сравнительно недавний (в начале XVIII в.) приход основной массы кипчаков в Ферганскую долину из степей к северу от среднего течения Сырдарьи. В этот же период (начало XVIII в.) происходило также переселение значительной группы кипчаков в долину Зеравшана. Однако здесь условия жизни кипчаков складывались несколько иначе, чем в Ферганской долине. В долине Зеравшана в XVI—XIX вв. в большом количестве жили узбеки с родо-племенными делениями, все они занимались скотоводством. Ограниченность пастбищных угодий долины и примыкающих к ним степей не позволяли всем группам узбеков в одинаковой степени широко вести скотоводческое хозяйство. В результате происходила постоянная межплеменная борьба из-за пастбищ. Все это, а также налоговая политика бухарских эмиров и периодический падеж скота из-за недостатка кормов в суровые зимние холода разоряли скотоводов, особенно из среды бедного населения, и они вынуждены были переходить к оседлости. Скотоводством в долине Зеравшана продолжали заниматься до конца XIX — начала XX в. главным образом зажиточные и богатые узбеки, в том числе узбеки-кипчаки.

В Ферганской же долине полуоседлых узбеков было сравнительно мало. Кипчаки, жившие здесь в период средневековья, давно растворились в среде оседлых узбеков, а оставшаяся часть их вошла в состав позднее пришедших соплеменников и отчасти в состав киргизов. Других групп узбеков с родо-племенным делением в Ферганской долине было сравнительно мало, если не считать узбеков-мингов, группу тюрков, курама и др. Но основная часть их ко времени прихода последней группы кипчаков (начало XVIII в.) была уже оседлой. Переселившиеся в начале XVIII в. кипчаки почти беспрепятственно заняли горные и предгорные пастбищные районы Ферганской долины и продолжали вести здесь традиционное скотоводческое хозяйство. Этому способствовал большой спрос населения Ферганы на продукты скотоводства, главным образом на мясо, сало и рабочий скот. Этот спрос стимулировал развитие овцеводства и разведение крупного рогатого скота. Кипчакам, а также переселившейся сюда приблизительно в тот же период группе каракалпаков было выгодно в ту пору заниматься скотоводством и поставлять на местные рынки

свою продукцию. В связи с этим кипчаки Ферганской долины до определенного периода времени очень медленно и в весьма малом количестве переходили к оседлости и земледелию. Однако в конце XIX в. с ростом производительности земледелия, с развитием хлопководства число оседлых из среды кипчаков Ферганы намного увеличивается. Некоторая их часть продолжает оставаться полуоседлыми, но и в их хозяйстве наряду с животноводством важное место занимает земледелие.

В производственном, общественном и семейном быту ферганской группы кипчаков вплоть до начала XX в. сохранялись многие черты патриархально-родового быта, которые тормозили их переход к оседлости.

К причинам медленного сближения и слияния ферганских групп кипчаков с оседлыми узбеками, видимо, относились также особые исторические условия и политическая обстановка, сложившиеся в Кокандском ханстве в XVIII — первой половине XIX в. (вплоть до 60-х годов). Кипчакская феодально-родовая знать в этот период активно вмешивалась в политическую борьбу кокандских ханов за власть. Предводители кипчаков стремились занимать высшие должности в ханстве. В своей борьбе они опирались на войска из кипчаков, военачальники которых были одновременно и главами определенных родов.

Помимо выявления некоторых исторических традиций, связанных с этапами этнической истории кипчаков, наши материалы освещают и те этнические процессы постепенного сближения с узбеками, которые начались еще до Октябрьской революции при сохранении в тот период устойчивости племенного самосознания кипчаков и нашли отражение в их хозяйственном укладе, культуре и быте.

В конце XIX — начале XX в. в своей основной массе кипчаки, расселившиеся на территории Узбекистана, уже были оседлыми земледельцами. Они успешно освоили технику и способы возделывания всех видов сельскохозяйственных культур. Крестьяне-кипчаки среднего Зеравшана сделались опытными рисоводами и являлись поставщиками риса на местные рынки Самаркандской обл. Кипчаки хорошо освоили садоводство, бахчеводство и хлопководство. С развитием хлопководства многие кипчакские семьи успешно (особенно в Ферганской долине) выращивали хлопок.

Хлопок в основном поступал на рынок. Таким образом, земледельческое хозяйство кипчаков в определенной степени было связано с рынком. Однако в целом их хозяйство, как и у окружавшего их узбекского населения, продолжало сохранять полунатуральный характер. Основная часть производимой продукции шла на личное потребление семей производителей, а на рынок поступали только излишки. Более товарный характер имело земледелие в хозяйствах, занимавшихся хлопководством.

Переход кочевых и полуоседлых в прошлом кипчаков к оседлости, изменения в направлении их хозяйства происходили постепенно, под влиянием и в процессе тесного взаимодействия с оседлым земледельческим населением оазисов. От последнего кипчаки переняли не только технику и приемы возделывания земледельческих культур, но и различного рода обычаи и обряды, связанные с земледелием [29].

Значительная часть кипчаков (главным образом кипчаки Ферганской долины) вплоть до начала сплошной коллективизации сельского хозяйства оставались полуоседлыми. Они продолжали заниматься традиционной отраслью хозяйства — животноводством, сочетая его с земледелием. Кипчаки занимались овцеводством, разведением крупного рогатого скота и лошадей. Последние использовались как для верховой езды, так и в качестве тягловой силы.

Бóльшая часть крупного рогатого скота продавалась на внутреннем рынке, а меньшая использовалась для хозяйственных нужд; коров держали для обеспечения семьи молоком и молочными продуктами; волов использовали для обработки земли. Крупный рогатый скот шел на мясо, а также давал сырье — кожу.

Другие виды скота кипчаки держали в незначительном количестве. Верблюды имелись лишь у отдельных баев, у которых было и большое количество (1—2 тыс. и более) мелкого рогатого скота. В таких хозяйствах было до 5—6 вьючных верблюдов для перевозки грузов, юрт, домашней утвари скотоводов и чабанов во время летних перекочевок.

Значительное место в хозяйстве полуоседлых кипчаков занимало разведение овец местных пород (*джайдари*, которые назывались еще *тюрк куйи* или *туркона куй*) мясо-сального направления. Новые породы овец, крупного рогатого скота и лошадей создавались узбеками (в том числе и кипчаками) путем скрещивания местных пород с казахскими, киргизскими, таджикскими и др. Эти факты свидетельствуют о том, что хозяйственная жизнь отдельных народов Средней Азии и Казахстана развивалась не изолированно, а в тесных взаимных контактах. С другой стороны, это говорит о существенном вкладе бывших кочевников-скотоводов, в том числе и кипчаков, в хозяйственно-культурные традиции узбекского народа, выразившемся в использовании их многовекового опыта ведения скотоводства.

Овцеводство давало хозяйству кипчаков такое ценное сырье, как шерсть и кожа. На основе этого сырья продолжали бытовать домашние промыслы, являвшиеся одним из традиционных занятий кипчаков. Большое место в домашних промыслах кипчаков занимала выделка тканей для одежды из шерсти (*шол*), ковров (*гилам*) и валяние кошм (*кигиз*).

Из разного рода шерстяных тканей и ковровых дорожек, сотканных на узконабойном ручном станке *ормак*, делали много бытовых предметов: безворсовые ковры-паласы (*шол-гилам* или *алача-гилам*), покрывала для завертывания в них одежды (*бугжома*), сумки различной величины и назначения (переметные су-

мы — *хуржун*, мешки для хранения одежды, утвари, продуктов — *напрамач*, *нон-кап*, *чумуч-кап*, *айна-кап*, *айран-турва и др.*), широкие и узкие тесьмы для укрепления и обтягивания различных деталей юрты и др. Из шерстяных тканей шили и верхнюю одежду: халаты (*чакман*), шаровары и др. Некоторое количество изделий домашних промыслов шло на местный рынок. Первое место среди товаров, поставляемых кипчаками на рынок, занимали изделия из шерсти и хлопчатобумажная пряжа. А. Д. Гребенкин, обследовавший Зеравшанский округ в 70-е годы XIX в., писал: «Они (кипчаки. — *К. Ш.*), приготовляют разного рода изделия из шерсти, а женщины в большом количестве прядут нитки (четырех сортов) для продажи на рынке» [30]. В конце XIX — начале XX в., с проникновением в быт населения покупных фабричных тканей, несколько сократились домашние промыслы. Однако производство шерстяных тканей и ковров, хотя и уменьшилось, но не прекратилось, так как спрос на них среди населения по-прежнему был большой.

В хозяйстве полуоседлых кипчаков в указанный период продолжали сохраняться некоторые черты их прежних кочевнических традиций. Они проявлялись, в частности, во многих трудовых навыках: отгонном содержании скота, в перекочевках семей скотоводов вместе со скотом на весенние и летние пастбища, в участии членов семей в пастьбе и содержании скота, в сохранении обычаев взаимопомощи внутри семейно-родственных групп.

Однако эти пережитки кочевнических традиций и патриархального быта сохранились не в той форме, в какой они существовали во времена средневековья, а в значительной степени видоизменились, были приспособлены к изменившимся социально-экономическим условиям и полуоседлой жизни кипчаков.

Влияние культуры оседлого узбекского населения было весьма значительным не только в области земледелия, но и в скотоводческом хозяйстве кипчаков. Это влияние было заметно, в частности, в устройстве загонов, построенных на местах зимних стоянок, в объединении хозяйств для пастьбы крупного рогатого скота, для доения молочного скота, в обычаях и обрядах кипчаков, связанных с отгоном скота на летние пастбища.

Приведенные данные свидетельствуют, что на протяжении XVIII—XIX вв. происходило упрочение экономических и производственных связей этнической группы полуоседлых кипчаков с оседлыми земледельцами, составлявшими основную часть узбекской народности. Кипчаки заимствовали от последних не только трудовой опыт и достижения хозяйственной жизни, но и многие стороны быта и культуры. Это явление, характерное и для других родо-племенных групп узбеков, было неразрывно связано с процессами этнической консолидации и в значительной степени обусловило этот процесс.

С проникновением капиталистических отношений в Среднюю Азию активизируется процесс размывания бывших племенных и этнографических групп, начинает складываться узбекская нация.

Однако вплоть до Октябрьской революции этот процесс до конца не был завершен. Этому препятствовали наряду с другими причинами экономическая отсталость дореволюционного Узбекистана и, в частности, незавершенность перехода всех полуоседлых в прошлом групп узбеков, в том числе и кипчаков, к оседлости.

Изучение социальных отношений узбеков-кипчаков свидетельствует о том, что в XIX — начале XX в. у них, как и у всего населения Туркестанского края, господствовали феодальные основы общественного строя, хотя в экономику края уже проникли элементы капитализма.

Основная часть обрабатываемых земель и поголовья скота находилась во владении крупных кипчакских баев и зажиточной верхушки аула; землевладельцы жестоко эксплуатировали своих неимущих сородичей. Были распространены различные формы феодальной эксплуатации: использование труда издольщиков и батраков (чайрикеров, етимов, чамани [31], карол [32] и др.), поденных работников (кошчи, мардикаров, оракчи, чинакчи и др.). Условия их труда были тяжелыми, а оплата — крайне низкая. Кипчакские феодалы очень часто использовали для нужд собственного хозяйства такие формы традиционной общественной взаимопомощи односельчан, как *хашар*, *тегиш*.

Социальные отношения кипчаков характеризуются в этот период как патриархально-феодальные. Патриархально-родовые пережитки у кипчаков так же, как и у большинства других полуоседлых в прошлом групп узбеков (*кунграт*, *мангыт*, *сарай*, *найман* и др.), сохранялись в значительно большей степени, чем у оседлого населения. Об этом свидетельствует наличие здесь в прошлом родо-племенного деления, родового и племенного самосознания (наряду с общеэтническим), кровной мести, реликтов таких древних институтов, как совет племени (*кенгаш*), рода (*маслахат*), выборность родовых старшин (*бий*, *бек*), обычай распределения пастбищ по родовым группам, наличие пережитков больших патриархальных семей [33] и др. Много пережитков наблюдалось также в семейном быту, в свадебных и других обрядах кипчаков.

Наши этнографические исследования показали, что зеравшанская и ферганская группы кипчаков в конце XIX — начале XX в. состояли из нескольких родовых объединений — *бош-урув*, *болек*; эти термины мы условно переводим как «племя». Например, кипчаки долины Зеравшана имели в своем составе такие роды и родовые подразделения (*болек*), как *тогуз* (или *тогуз-урув*), *джеты-урув*, *кара-кипчак*, *ак-кипчак*, *сары-кипчак*. Крупными родовыми подразделениями ферганских кипчаков были *кулан*, *улмас*, *элатан* и др. [34]

В *болек* имелось по нескольку родов (*урув*), а последние делились на множество родовых подразделений (*тоне*). *Тоне* в свою очередь делилось на мелкие родовые подразделения (*коше*, *авлад*). Подобное родо-племенное деление, безусловно, восходит к пережиткам первобытнообщинного строя. Однако отметим, что поздние, «вторичные» племена и родовые подразделения феодальной эпохи по

своей социальной сущности коренным образом отличались от племен и родов первобытности. Общинные традиции в XIX — начале XX в. разнообразно сочетались с господствующими феодальными и зарождавшимися капиталистическими отношениями и нередко использовались в эксплуататорских целях феодально-родовой знатью и баями.

С течением времени, при переселениях и в ходе тех или иных политических событий, родо-племенные группы разного происхождения нередко сливались (обычно немногочисленная, слабая вливалась в сильную, более крупную на правах отдельного рода или мелкого родового подразделения). В результате этого в родо-племенной структуре кипчаков нередко встречаются осколки других, часто различных по происхождению племен и родов. Например, в состав кипчаков Зеравшана вошли частицы племен *найман*, *туяклы*, *ногай* и др. Эти факты говорят о том, что кипчаки, подобно многим другим узбекским племенам, не составляли в XIX — начале XX в. этнически единого монолитного целого, а являлись конгломератом частиц различных по происхождению узбекских племен и родов, объединившихся под общим племенным названием *кипчак*. В связи с этим не может быть и речи о фактическом кровном родстве членов «племени», включившего в свой состав осколки многих других, не связанных кровными узами родов и племен. Сохранялись лишь древняя традиция, представление о родстве всех кипчаков.

Некоторые группы кипчаков в силу различных обстоятельств с течением времени постепенно утрачивали представление о своей родовой и племенной принадлежности и ассимилировались с соседним узбекским населением, как об этом говорилось выше. Однако у значительной группы полукочевых в прошлом кипчаков патриархально-родовые пережитки глубоко укоренились в психологии. Эта группа вплоть до конца XIX — начала XX в. сохраняла былое сознание принадлежности к определенному роду и племени.

В быту узбеков-кипчаков сохранялись многие архаические формы общественной жизни. Наиболее характерными из них являлись несколько видов мужских собраний: *кирк жигит*, *солмо*, *жура*, *харпона* и др. В этих мужских объединениях можно проследить пережитки мужских союзов времен первобытности [35]; они сохранились до XIX — начала XX в. в сильно деформированном виде.

Наряду с официальной религией — исламом — в общественном быту кипчаков сохранялись и пережитки доисламских верований и культов, из которых наиболее живучими были пережитки шаманизма, бытовавшие в тесном переплетении с исламом вплоть до начала XX в.

Господствующей формой семьи у кипчаков была малая семья, но наряду с этим сохранялись в пережиточном виде большие семейные общины. Браки у кипчаков, как и у окружающего узбекского населения, были эндогамными. Наряду с этим в дореволюционном прошлом бытовали и пережитки экзогамного брака (кросс-кузенный брак, левират, сорорат).

Основные этапы свадебной церемонии — сватовство, сговор, помолвка, свадьба и возвращение новобрачной домой — за исключением отдельных моментов, происходили у кипчаков в том же порядке, что и у окружающего их оседлого узбекского и таджикского населения. Они имели много общего и со свадебными церемониями других народов Средней Азии и Казахстана (казахов, киргизов, каракалпаков и др.) [36]. Все это свидетельствует о том, что свадебные церемонии кипчаков формировались в условиях тесного контакта и взаимосвязи последних с данными народами. Следует заметить, что в свадебных обрядах кипчаков, как и у других родо-племенных групп узбеков, имелись некоторые элементы, характерные для их прежнего быта скотоводов-кочевников и патриархально-феодальных отношений. К ним относятся, например, такие обряды, как инсценировка бегства невесты, активное сопротивление рода невесты ее увозу свитой жениха, уплата калыма исключительно скотом и пр.

Таким образом, в конце XIX — начале XX в. у кипчаков, как и у окружающего их населения, господствовали патриархально-феодальные отношения с пережитками родового быта. Патриархальный уклад проявлялся не только в форме большесемейной и сельской общины, но также и в многочисленных обрядах, обычаях, связанных с производственным, общественным и семейным бытом и представлениями.

При феодальном строе наличие этих пережитков в быту и традициях являлось как бы ширмой, за которой скрывалась истинная цель феодала: эксплуатация непосредственного производителя — рядового земледельца и скотовода.

Поселения, жилище, одежда и пища кипчаков, как и других родо-племенных групп узбеков, под влиянием оседло-земледельческого узбекского населения в конце XIX — начале XX в. подверглись серьезным изменениям и приобрели все основные черты общеузбекской материальной культуры. Однако в быту кипчаков, особенно у тех групп, которые вели полуоседлое хозяйство, вплоть до начала XX в. продолжали сохраняться многие архаичные элементы материальной культуры, в том числе пережитки явлений, характерных для кочевников и полукочевников Дешт-и-Кипчака — кипчаков, половцев средневековья.

Типы поселений кипчаков, их жилище и пища были связаны с их хозяйственной деятельностью. У кипчаков в исследуемый период бытовали три типа поселений: в горной местности, на предгорных равнинах и в оазисах. Первый тип поселений был характерным для полуоседлых кипчаков (главным образом кипчаков, расселившихся на предгорных равнинах Ферганской долины, в хозяйстве которых земледелие и скотоводство играли одинаковую роль). Второй тип поселений — для групп кипчаков равнинных районов Ферганской долины и бассейна Зеравшана, которые находились на

стадии перехода от полуоседлости к оседлости; в их хозяйстве земледелие уже преобладало над скотоводством. Третий тип — это поселения оседлых кипчаков, занимавшихся исключительно земледелием.

В поселениях первого и отчасти второго типа обнаруживались многие элементы традиционного быта, сохранявшиеся вплоть до начала XX в., а в отдельных случаях и дольше. Это — войлочная юрта (*уй*, *утав*) как основной тип жилища, старинное войлочное жилище (*кутарма*), конусообразный шалаш (*капа*), многие предметы в убранстве жилища, обычай держать в жилом помещении круглосуточно тлеющий огонь, некоторые древние формы мужской и женской одежды, отдельные виды кушаний и способы их употребления и др.

Кипчакская юрта имела специфическую форму свода, связанную со значительной изогнутостью нижней части жердей (*увук*), составляющих каркас купола, что давало возможность поднять несколько выше потолок юрты (вершину ее купола). Конструкция и названия деталей кипчакской юрты мало чем отличались от таковых у юрты других узбекских племен и соседних с ними народов — киргизов, казахов, каракалпаков и туркмен. В полусферическом шалаше — *капа* — в дореволюционном прошлом жили самые неимущие семьи, более состоятельные устанавливали войлочные юрты. В летний период *капа* ставили в поле, у огородов. Осенью, после уборки урожая, некоторые хозяйства разбирали шалаши и переезжали в селение. Жерди и предметы перекрытия *капа* хранили до следующего года. Но многим беднякам приходилось и зимовать в капа.

У отдельных групп кипчаков, в частности у сары-кипчаков Булунгурского р-на Самаркандской обл., наряду с войлочной юртой и *капа*, бытовал старинный тип жилища — *кутарма*, перевозившегося на арбе и не встречающегося у других групп узбеков. В миниатюрах Радзивиловской летописи отчетливо нарисованы три типа половецкого (кипчакского) жилища южнорусских степей (XII—XIII вв.) [37], одно из которых имеет большое сходство с упомянутым жилищем *кутарма*. Об этом типе жилища у жителей Дешт-и-Кипчака (кипчаков и других групп) говорили Ибн Батута (XIV в.) и Шераф-ад-дин Йезди (первая половина XV в.). Последний писал: «Жилищем степняков в той безграничной пустыне являются шатры „кутарма“, которые делают так, что их не разбирают, а ставят и снимают целиком, а во время передвижения и перекочевок едут, ставя их на телегу» [38].

Кутарма относится к типу войлочной юрты, но в отличие от последней это неразборное жилище. Оно делалось почти из тех же деталей, что и юрта. Однако размеры и число деталей в *кутарма* были значительно меньше, чем у юрты. *Кутарма*, устанавливаемая на арбе, не имела очага для разведения огня. Однако в холодную погоду в ней ставили чугунную жаровню на ножках (*мангал*). Четырехколесная арба, на которой устанавливали *кутарма* при

перевозке, делалась по специальному заказу. По рассказам наших информаторов, она имела несколько удлиненный вид: кузов ее соответствовал размерам нижней части *кутарма*. Дверь была обращена в сторону хода упряжки. *Кутарма* была весьма удобным типом жилища в период летних перекочевок. В случае длительных остановок на одном месте ее можно было легко снимать с арбы, а при дальнейшем продвижении вновь устанавливать.

Образ жизни и быт оседлых кипчаков, живших в поселениях третьего типа, мало чем отличался от жизни и быта искони оседлых узбеков. Однако и здесь можно проследить некоторые традиции прежнего образа жизни. Это выражалось, например, в совместном поселении родственных семей в одном селении (аул, тупе), носивших наименование жившего здесь издавна рода или родового подразделения. Переходя к оседлости, представители этих групп кипчаков первоначально строили однокомнатные жилые помещения, в центре которых, так же как и в юрте, делали очаг, а в крыше — дымовое отверстие. Типы жилищ постепенно менялись, однако во внутреннем их убранстве еще долгие годы продолжали сохраняться традиции прошлого полукочевого быта, хотя со значительными изменениями. Двух-трехкомнатные дома (и дома с бóльшим количеством комнат) в массовом порядке начали строить лишь при Советской власти, в 20—30-е годы.

Типы одежды кипчаков дореволюционного периода формировались в процессе длительного культурного общения и взаимосвязи как с окружающим узбекским населением, так и с другими народами и этнографическими группами, проживавшими в прошлом в Средней Азии и Казахстане. Поэтому виды одежды узбеков-кипчаков имеют сходные черты не только с одеждой других групп узбеков, но и с одеждой киргизов, казахов, каракалпаков и туркмен.

В дореволюционный период кипчаки носили традиционную одежду; в ней особенно выделялись такие старинные формы, как шерстяной халат без подкладки (*чакман*) и с войлочной подкладкой (*теванак*), шубы из овчины (*пустун*), шаровары шерстяные (*чолвар*) или из обработанной мягкой кожи (*чарм чолвар*, *чарм иштан*). Характерно, что перечисленные формы одежды носили как мужчины, так и женщины. Традиционными являлись и такие виды мужского головного убора, как меховая шапка, сшитая мехом внутрь,— *тумок*, аналогичная казахской шапке, называемой также «тумок» или «малахай» [39], и старинная шапка — *кула*, о которой писал еще в XIV в. Ибн Батута [40]. Мужчины носили обувь старинных форм — *чорик*, *мукки* и др. Весьма архаичными были также женская чалма — *дастор* (или *бош урав*), *киймешек* [41], старинный халат — *минсак* [42].

Наряду со старинным типом одежды в дореволюционный период среди кипчаков получила распространение одежда, заимствованная у оседлого сельского и городского узбекского и таджикского населения — халат с подкладкой на вате (*тун*) и без подкладки (*ягтак*), сделанный из хлопчатобумажной материи, тюбетейки,

мужская чалма (*салла*), женская рубаха (*куйлак*) сравнительно узкого покроя с отложными и стоячими воротниками, ичиги (*махси*), кожаные галоши (*кавуш*) и многое другое.

Мало чем отличался от общеузбекского и пищевой рацион кипчаков. В пище населения оседлых земледельческих оазисов и городов большое место издавна занимали продукты земледелия (зерновые, овощи и фрукты), а у полуоседлых узбеков, в том числе и кипчаков,— продукты скотоводства: молоко, мясо, сало. Однако в процессе этнической консолидации, сближения и слияния этих частей узбекского народа, различия в пище, как и в других явлениях материальной культуры, постепенно сглаживаются, вырабатываются единые узбекские общенациональные блюда.

До Октябрьской революции абсолютное большинство сельского населения Средней Азии было неграмотным. Не составляли исключения и районы, населенные кипчаками. По данным 1874 г., в 160 кипчакских селениях Среднего Зеравшана насчитывалось 130 начальных духовных школ, в которых обучались от 2—3 до 12—16 человек, причем во всех школах, вместе взятых, обучалось лишь 900 человек [43].

Узбеки-кипчаки в тот период говорили в основном на «джекающем» кипчакском диалекте узбекского языка [44], но постоянное общение с окружающим оседлым узбекским населением не могло не повлиять на их язык, который развивался по пути постепенного сближения с говорами оседлого населения, восприятия их отдельных элементов. Однако существенные изменения в языке кипчаков происходят уже в годы Советской власти.

Подводя итоги изложенному выше, можно сказать, что основная масса кипчаков накануне Октябрьской революции, в процессе начавшейся консолидации узбекской нации сливалась с древними оседлыми узбеками. Однако в производственной, общественной и семейной жизни отдельных групп кипчаков (в частности, ферганской группы) вплоть до начала XX в. сохранились некоторые черты традиционного быта, которые тормозили процесс их растворения в среде оседлого узбекского населения. Устойчиво сохранялось также их этническое самосознание — отнесение себя к кипчакам.

После победы Октябрьской революции, в процессе социалистического развития Советского Узбекистана, индустриализации и коллективизации сельского хозяйства родо-племенная ограниченность и многие другие пережитки патриархально-родового быта, а также былая обособленность кипчаков постепенно исчезают. Теперь потомки кипчаков повсеместно считают себя узбеками — таково их этническое самосознание. О былой племенной и родовой принадлежности остались лишь смутные воспоминания, главным образом среди старшего поколения. Кипчаки стали частью узбекской социалистической нации.

Победа социалистической революции и установление Советской власти положили начало коренному переустройству быта населения.

Социалистическое переустройство привело к серьезным изменениям жилищных условий в прежних кипчакских селениях. Широко вошли в быт дома современного типа. В значительной степени изменилось внутреннее убранство жилых помещений. Они освещены электричеством, в них современная мебель, радио и телевизоры. Однако наряду с новым в убранстве жилищ многие семьи сохраняют и некоторые элементы обстановки дореволюционного жилища, характерные и для других, прежде полуоседлых групп узбеков. Традиции проявляются, в частности, в завешивании стен комнаты коврами, орнаментированными паласами, преимущественно ручной работы. Нередко встречаются установленные в передней части комнаты традиционные *напрамач* [45], *бугжома* [46], на стенах иногда развешивают мешочки различных размеров (для хранения мелочей), украшенные бахромой и др. Все эти традиционные предметы, сочетаясь с современной мебелью, придают жилой комнате особый стиль и уют.

Перестраиваются также селения. На местах кишлаков без определенной уличной планировки возникают поселки с прямыми улицами и современными типами домов. Наряду с одноэтажными домами нового типа, где живут колхозники, в селениях построено немало больших благоустроенных зданий, где размещены детские сады, ясли, правления колхозов, клубы, библиотеки, школы, больницы, амбулатории, бани и другие культурно-бытовые объекты для обслуживания колхозников и рабочих совхозов.

За годы Советской власти с ростом культурно-бытового уровня населения многие старинные формы мужской и женской одежды вышли из употребления. Например, навсегда исчезли такие виды мужской обуви, как *мукки*, *чорик* и др.; женские халаты — *минсак*; старинные формы головного убора — *башорау*, *киймешек* и др. В настоящее время мужчины и женщины всех возрастов носят современную узбекскую национальную одежду с элементами костюма городского типа, ставшего основным видом одежды сельской интеллигенции. Но наряду с этим еще кое-где (главным образом у старшего поколения) и теперь встречаются некоторые виды одежды старого, дореволюционного типа: широкие, туникообразного покроя мужские и женские рубахи, халаты; вышитые женские головные платки и др. Однако в отличие от дореволюционных, они шьются теперь исключительно из фабричной ткани.

В ходе социалистического строительства происходило изживание патриархально-родовых пережитков. В первые же годы Советской власти были ликвидированы наиболее социально опасные проявления патриархально-феодального быта: кровная месть, многоженство и др. Постепенно теряло значение прежнее родовое деление, изживала себя родо-племенная ограниченность.

В годы строительства социализма были подорваны патриархальные устои и начали возникать и утверждаться новые черты общественного и семейного быта. Новые праздники, традиции, обычаи и обряды пришли на смену старым, отжившим [47]; стало традицией

торжественное празднование знаменательных и революционных дат: Великого Октября, 1 Мая, Дня Конституции СССР, Дня Советской Армии, Дня Победы и др.

С коренными изменениями условий жизни народа изменяются также формы и содержание ряда дореволюционных традиционных обычаев и обрядов, обретших подлинно народный характер и новые черты, отвечающие современной действительности. К их числу можно отнести весенний праздник *науруз* и связанные с ним обычаи [48]. В наше время новый смысл приобрела традиционная коллективная помощь — *хашар*. В дореволюционные годы феодальная верхушка использовала *хашар* в своих корыстных целях. В советское время *хашар* обрел свой подлинный смысл как добровольная, безвозмездная помощь соседям, коллективу, своему государству. В преобразованном виде сохранился до наших дней и традиционный обычай гостеприимства, уважения к старшим и т. п.

Коренные изменения произошли в семейном укладе узбеков. Женщины-узбечки, как и все женщины СССР, приобщены к общественному производству. Они наравне с мужчинами участвуют во всех видах сельскохозяйственных работ, а также принимают активное участие в общественно-политической жизни. Из их среды вышло немало руководящих работников.

В настоящее время такие формы брака, как левират, сорорат, потеряли свое социальное и экономическое значение и исчезли. Пережитки эндогамии в отдельных случаях действуют и поныне. Но эндогамия, как и другие реликты родовых обычаев, постепенно изживается и обречена на полное исчезновение, так как противоречит устоям и принципам новых форм брака и советской семьи.

За годы Советской власти в семейном быту, особенно в свадебной обрядности народов Средней Азии, в том числе и рассматриваемой группы населения, появились новые формы семейных торжеств, как, например, комсомольско-молодежная свадьба — *янги-туй* или *кизил-туй*, и связанные с ними новые обряды и обычаи.

При проведении кизил-туя у жителей бывших кипчакских селений по сей день соблюдается и ряд обычаев, характерных для традиционной свадебной обрядности; многие из этих обычаев бытуют и у других групп узбекского населения. Например, родители невесты задолго до замужества готовят для нее приданое (*сеп*). На свадьбе поют традиционные свадебные песни: *ёр-ёр*, *улан*, *байт* и др. Бытует и такой обычай: жених в сопровождении друзей — «киев-нукаров» (букв. солдаты жениха) приезжает в дом родителей невесты, чтобы увезти ее к себе домой. Когда он заходит в дом, перед ним, согласно обычаю, ставят девять блюд различных кушаний.

Следует отметить, что некоторые черты прежнего кипчакского (главным образом семейного) быта и материальной культуры (как, например, сохранение кое-где, в основном у старшего поколения,

некоторых видов одежды старого покроя, отдельных форм головных уборов) все еще продолжают бытовать в пережиточном виде у отдельных групп потомков кипчаков.

В советский период произошли существенные изменения в языке кипчаков. В школах и в высших учебных заведениях обучение проходит на литературном узбекском языке. В каждом колхозе и совхозе имеются средние, восьмилетние и начальные школы, обеспеченные квалифицированными преподавателями.

Большую роль в освоении современного узбекского языка сыграли и местные печатные издания (газеты, журналы и художественная литература), радио и телевизионные передачи.

Современный литературный узбекский язык к настоящему времени потомки этнографической группы кипчаков освоили почти повсеместно. Однако нельзя сказать, что особенности кипчакского диалекта окончательно изжиты. Этот диалект все еще продолжает бытовать в сельских местностях, особенно там, где кипчаки были компактно расселены. Диалектные особенности более всего заметны при разговоре старших по возрасту, а молодежь и интеллигенция из среды узбеков-кипчаков почти отвыкли от прежнего «джекающего» разговорного языка, они говорят теперь на современном национальном узбекском языке.

В процессе продолжающейся консолидации отдельные различия в быту и материальной культуре рассматриваемой группы постепенно стираются, как и диалектные особенности кипчакского говора. Кипчаки стали составной частью узбекской социалистической нации. Наряду с этим у них, как и у узбеков в целом, сформировались и развиваются традиции и черты бытового уклада, характерные для советского образа жизни. Таким образом, здесь наблюдаются те же явления, которые вообще характерны для этнических процессов нашего времени [49].

[1] *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950, т. I, с. 50.

[2] Там же. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953, т. III, с. 183; *Бернштам А. Н.* Древнетюркские элементы в этногенезе Средней Азии.— СЭ, 1947, вып. VI/VII, с. 154; *Потапов Л. П.* Очерки по истории алтайцев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953, с. 143; *Гумилев Л. Н.* Динлинская проблема.— ИВГО, 1959, т. XCI, с. 19; *Он же.* Хунну. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1960, с. 60; и др.

[3] *Малов С. М.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954, с. 38.

[4] *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884, т. I, с. 26—28, 68—74, 105 и след.; Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939, т. I, с. 144, 145, 162 и след.

[5] Худуд-ал-алем. Рукопись Туманского. Изд. с введением и указателями В. В. Бартольда. Л.: Изд-во АН СССР, 1930, л. 10б, 13а, 18б, 19а; *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941, т. II, с. 14, 15, 21, 24 и след.

[6] *Юсуф Хос Хожиб.* Кудатгу Билиг. Ташкент: Фан, 1971, с. 224, 225; *Алишер Навоий.* Хазойинул Маоний. Ташкент: Изд-во АН Уз ССР, 1959,

т. II, с. 217б, 736б; *Он же.* Стена Искандера.— Соч.: В 10-ти т. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1968, т. VII, с. 39, 71, 80; Бабур-наме. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1958, с. 20—41; *Кононов А. К.* Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана Хивинского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958, с. 43, 44, 86 и др.

[7] ПСРЛ. М.: Изд-во АН СССР, 1962, т. I, с. 162, 166, 167 и след.; Там же, т. II, с. 151, 152, 156 и след.; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950, с. 17—25 и след.

[8] *Пономарев А.* Куманы-половцы.— Вестник древней истории (М.), 1940, № 3/4, с. 369.

[9] Там же.

[10] *Потапов Л. П.* Очерки по истории алтайцев, с. 82, 145, 146 и след.; История Тувы. М.: Наука, 1964, т. I, с. 55—70.

[11] Подробнее о кимаках см.: *Кумеков Б. Е.* Государство кимаков IX—XII вв. по арабским источникам. Алма-Ата: Наука, 1972.

[12] *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия.— Соч. В 9-ти т. М.: Наука, 1973, т. I, с. 236; *Якубовский А. Ю.* Развалины Сыгнака (Сугнака).— В кн.: Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. Л.: Изд-во Гос. академии истории материальной культуры, 1929, т. II, с. 125, 126.

[13] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 8, с. 568.

[14] *Плетнева С. А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях.— МИА, 1956, № 6, с. 195.

[15] *Рыбаков Б. А.* Русские земли по карте Идриси 1154 г.— КСИИМК, 1952, вып. XLIII, рис. 14.

[16] Термин «Дешт-и-Кипчак» встречается у автора XI в. Насир-и-Хисроу. См.: *Бартольд В. В.* Новый труд о половцах.— Соч. В 9-ти т. М.: Наука, 1968, т. V, с. 395. В понятие «Дешт-и-Кипчак» в средние века входила обширная степь, лежащая к западу от Волги и к востоку от этой реки до Средней Сырдарьи и далее до берегов Иртыша.

[17] *Абул-л-Фазл Бейхаки.* История Мас″уда. 1030—1041. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1962.

[18] *Голубовский П.* Печенеги, торки и половцы до нашествия татар: История южнорусских степей IX—XIII вв. Киев, 1884, с. 775.

[19] *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1950, с. 99—121; *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во МГУ, 1966, с. 104—113.

[20] *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов..., т. I, с. 466, 470.

[21] *Шоабдурахманов Ш.* ўзбек шевалари ва уларни ўрганиш ҳакида умумий малумот. —В кн.: ўзбек халқ шевалари луғати (Словарь узбекских говоров). Ташкент: Фан, 1971, с. 397—407.

[22] Материалы всероссийских переписей: Перепись населения в Туркестанской республике. Ташкент: ЦСУ Туркреспублики, 1924, вып. IV. Сельское население Ферганской области по материалам переписи 1917 г., с. 42, 55. В это число не входят те группы кипчаков, которые находились в составе киргизского племенного объединения ичкилик. В 1917 г. в Ферганской долине их было зарегистрировано около 6 тыс. человек. См.: Там же, с. 49, 51.

[23] Материалы всероссийских переписей 1920 г.: Перепись населения в Туркестанской республике. Ташкент: ЦСУ Туркреспублики, 1924, ч. I, вып. V. Поселенные итоги Самаркандской области, табл. 33.

[24] Там же, табл. 33.

[25] *Магидович И.* Материалы по районированию Средней Азии. Ташкент: Изд-во Комиссии по районированию Средней Азии. 1926, кн. 1. Территория и население Бухары и Хорезма, ч. 1. Бухара, с. 206.

[26] Там же, ч. 2. Хорезм, с. 111, 112, 114.

[27] См.: Очерки по новой истории Афганистана. Ташкент: Фан, 1966, с. 14, 17.

[28] Всесоюзная перепись населения 1926. М., ЦСУ СССР, 1928, т. XV. Узбекская ССР, табл. VI.

[29] См.: *Шаниязов К. Ш.* К этнической истории узбекского народа. Ташкент: Фан, 1974, с. 174, 175.

[30] *Гребенкин А. Д.* Узбеки.— В кн.: Русский Туркестан. М., 1872, вып. II.

[31] *Чамани* — сроковый работник, труд которого наряду с трудом чайрикеров применялся в крупных земледельческих хозяйствах. Его нанимали в качестве работника, подсобника чайрикера.

[32] *Карол* (от таджикского *карори* — работающий по договору) — сроковый работник. Подробнее об этом см.: *Сухарева О. А., Бикжанова М. А.* Прошлое и настоящее селения Айкыран. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1955, с. 48.

[33] Консервация названных патриархально-родовых традиций была выгодна прежде всего богатым сородичам. Например, при совместном использовании пастбищных угодий они, имея большое количество скота, захватывали лучшие пастбищные земли, не считаясь с интересами рядовых скотоводов, а также эксплуатировали своих бедных сородичей, набирая из их среды пастухов-табунщиков под видом оказания им «родственной помощи».

[34] Подробно о родо-племенном делении кипчаков см.: *Шаниязов К. Ш.* К этнической истории..., с. 116—127.

[35] *Снесарев Г. П.* Традиция мужских союзов в ее позднейшем варианте у народов Средней Азии.— В кн.: МХЭ. М.: Изд-во АН СССР, 1963, вып. 7, ч. II, с. 155—205.

[36] Подробнее об этом см.: *Кисляков Н. А.* Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л.: Наука, 1969.

[37] Радзивиловская или Кенигсбергская летопись. СПб., 1902, л. 154, 142 об.

[38] *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов..., т. I, с. 281.

[39] *Шалекенов У. Х.* Казахи низовьев Амударьи. Ташкент: Фан, 1966, с. 230—231; *Захарова И. В., Ходжаева Р. Д.* Казахская национальная одежда XIX — начала XX в. Алма-Ата: Наука, 1964, с. 70—71.

[40] *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов..., т. I, с. 229.

[41] О женской чалме см.: *Сухарева О. А.* Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии.— СЭС, 1954, т. 1, с. 305—306; *Жданко Т. А.* Каракалпаки Хорезмского оазиса.— В кн.: ТХАЭ. М.: Изд-во АН СССР, 1952, т. I, с. 554.

[42] О различном варианте произношения термина «мунсак» см.: *Бикжанова М. А.* Мунсак — старинная верхняя одежда узбечек г. Ташкента. — В кн.: Памяти Михаила Степановича Андреева. Душанбе: Изд-во АН Тадж. ССР, 1960, с. 47.

[43] Зап. РГО по отделению статистики, СПб., 1874, т. IV (см. Список населенных пунктов).

[44] В узбекском разговорном языке бытовали (бытуют и теперь) три диалекта: карлукский, кипчакский и огузский. О диалектных особенностях узбеков см.: *Шоабдурахманов Ш.* ўзбек шевалари..., с. 393—404. Кипчакский диалект узбекского языка исторически связан с кипчакской группой языков. См.: *Баскаков Н. А.* Классификация тюркских языков в связи с исторической периодизацией их развития и формирования.— Труды/ Ин-т языкознания АН СССР, 1952, т. 1, с. 7—57; *Он же.* Тюркские языки народов Средней Азии и Казахстана.— В кн.: Народы Средней Азии и Казахстана. М.: Изд-во АН СССР, 1962, т. 1, с. 131—158. (Сер. «Народы мира. Этнографические очерки»).

[45] *Напрамач* — ковровый мешок для хранения одежды. В прошлом имелся почти во всех юртах полуоседлых узбеков. У отдельных групп узбеков, например у канглы, каучин он, как и у кипчаков, назывался *напрамач*, а у других групп — у кунгратов, локайцев, дурменов — он известен под названием *мапрамач*. См.: *Кармышева Б. Х.* Локайские мапрамачи и илгичи.— Сообщения республиканского историко-краеведческого музея, 1955, вып. 2. История и этнография, с. 145—147; *Борозна Н. Г.* Материальная культура узбеков Бабатага и долины Кафирнигана.— В кн.: Ма-

териальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1966, с. 97. Узбеки-карлуки указанный мешок называли *карчин*. См.: *Шаниязов К. Ш.* Узбеки-карлуки. Ташкент: Наука, 1964, с. 99. *Напрамач* под названием *мафрач* встречается и у туркмен. См.: *Борозна Н. Г.* Материальная культура..., с. 97.

[46] *Бугжома* (букв. узел для халата) — покрывало из паласной ткани, предназначавшееся специально для хранения в нем постельных принадлежностей и одежды. См.: *Кармышева Б. Х.* Локайские напрамачи и илгичи, с. 146; *Шаниязов К. Ш.* Узбеки-карлуки, с. 99; *Борозна Н. Г.* Материальная культура..., с. 97.

[47] Исследованию традиций, обычаев, обрядов узбекского народа посвящена значительная литература: *Бикжанова М. А.* Семья в колхозах Узбекистана. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1959; *Муминов И. М.* Новым, лучшим традициям — простор широкий.— Общественные науки в Узбекистане, 1963, № 8/9; *Наджимов Г.* Отношение марксизма-ленинизма к народным традициям. Ташкент: Узбекистан, 1965; *Лобачева Н. П.* Формирование новой свадебной обрядности у народов Узбекистана.— СЭ, 1967, № 2; *Она же.* Формирование новой обрядности узбеков. М.: Наука, 1975; *Умурзакова О. П.* Сближение быта и традиций социалистических наций. Ташкент: Фан, 1971; *Шаниязов К. Ш.* Социалистическое преобразование общественного и семейного быта узбекского народа.— Общественные науки в Узбекистане, 1972, № 11/12, с. 44.

[48] *Шаниязов К. Ш.* Социалистические преобразования..., с. 46—47.

[49] Об этом см.: *Гурвич И. С.* Общее и особенное в этнических процессах у различных народов СССР.— В кн.: Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука, 1977, гл. XII, с. 500 и след.

ИССЫК-КУЛЬСКИЕ КАЛМАКИ
(сарт-калмаки)

Н. Л. Жуковская

Особую этническую группу в составе киргизов образуют калмаки или сарт-калмаки [1], как их часто называют в этнографической литературе. Проживают они компактной группой в селах Чельпек и Бюр-баш, входящих ныне в один сельсовет Джеты-Огузского р-на Иссык-Кульской обл. По переписи 1959 г. их числилось около 2,5 тыс. человек, а по переписи 1970 г. — 3587 человек.

Самоназвание этой группы — калмак. Принадлежность к ней ее представители не подчеркивают, скорее наоборот — делают упор на отсутствие различий между калмаками и киргизами. Слово «сарт» как часть этнонима начиная с конца 20-х годов в обращении практически не фигурирует.

Первое появление калмаков в Прииссыккулье относится к 1864 г., когда шесть сомонов олетов, называвших себя также кара-калмаками [2], кочевавших по рекам Текесу и Или в Синьцзяне, попросили убежища в России, получили его и стали кочевать частично по Караколу, но в основном по рекам Нарын-гол, Баин-гол и Гурбо-хабхак [3]. После установления русско-китайской границы на основании Петербургского договора 1881 г. кара-калмаки остались на территории России и в 1884 г. прикочевали в места их нынешнего обитания между реками Каракол и Ырдык. Было их тогда немногим более 1000 человек [4]. Тогда же за ними закрепилось название сарт-калмаки, под которым они известны в русских документах, в то время как сами себя они продолжали именовать кара-калмаками. К 1917 г., по официальным данным, их насчитывалось 2405 человек [5].

Изначальная группа олетов, явившаяся в Россию в 1864 г., не отличалась этнической однородностью. Старики, информаторы А. В. Бурдукова, на чьей памяти происходило это переселение, называли в числе своих предков и киргизов, и узбеков, вступавших в браки с женщинами олетками. Так, родоначальниками непосредственно иссык-кульской группы калмаки называли двух узбеков (Бакха и Ошура) и двух киргизов (Теке и Худайбергена), женатых на олетках [6]. Компонент «сарт» в этнониме возник, очевидно, за счет некоторой, а может быть, даже и весьма значительной примеси, которую привнесли в олетскую группу обитатели

торговых кварталов в городах Синьцзяна, именовавшиеся сартами без различия этнической принадлежности.

Непосредственными соседями сарт-калмаков на новых местах их проживания стали киргизы, кочевья которых располагались в отрогах хребта Терскей-Алатау, и русские переселенцы-колонисты, осваивавшие земли в бассейне оз. Иссык-Куль, а с 1869 г. также строившие важный стратегический пункт Прииссыккулья г. Каракол (ныне Пржевальск). На западе к кочевьям калмаков примыкали земли дунган, пришедших в Россию после подавления китайцами дунганского восстания (1862—1877 гг.) и получивших разрешение осесть по течению р. Ырдык. Наиболее тесные контакты, приведшие к экономическому, языковому и культурному сближению, сложились у калмаков с киргизами. Исследователи, бывавшие у калмаков в разные годы, были свидетелями последовательных стадий этого процесса. В 1929 г. его начальные этапы увидел и отметил А. В. Бурдуков, написавший об этом в статье «Каракольские калмыки (сарт-калмаки)». В конце 40-х годов у них побывал Г. Г. Стратанович [7]. В 1953—1955 гг. калмаки оказались в орбите исследований Киргизской археолого-этнографической экспедиции, в частности — ее антропологического отряда [8]. Не раз писал о них С. М. Абрамзон [9]. В начале 60-х годов этнографическое обследование калмаков провела Б. Алымбаева [10], в 1969—1972 гг. лингвистические исследования среди калмаков проводили языковеды У.-Ж. Ш. Дондуков, Э. Р. Тенишев [11] и Н. Убушаев.

Калмаки Иссык-Куля — потомственные скотоводы-кочевники. Переход в русское подданство означал для них прежде всего освоение новых мест кочевания, хотя в какой-то мере земли вокруг оз. Иссык-Куль не были для них совершенно новыми, ибо в период расцвета Джунгарского ханства этот район входил в зону кочевания ойратов. При выделении калмакам места проживания русская администрация исходила в основном из потребностей кочевого скотоводства, дав им пастбища в горах и не учитывая уже имевшихся у калмаков навыков земледелия. А то, что земледелие им действительно было известно ранее — в середине или даже начале XIX в., отмечают русские путешественники и географы конца XIX в. Так, П. К. Козлов пишет об уже издавна сложившейся традиции земледелия у калмаков района оз. Баграшкёль в предгорьях Восточного Тянь-Шаня, о том, что они сеяли кукурузу, пшеницу, ячмень, просо и были знакомы с системой орошения полей [12].

Гораздо более раннюю дату — начало XVII в. — называет Ч. Валиханов. Сообщая самые ранние сведения о начале земледелия у казахов, он связывает их с появлением в Большой орде беглого калмака, который познакомил с основами землепашества родоначальника рода джаныс Байкабыла [13]. Этот калмак, бежавший от своих соплеменников, очевидно, жил в составе такой группы калмаков, которая занималась земледелием с XVII в.

Вплоть до первых послереволюционных лет калмаки выращивали необходимый им минимум хлеба на богарных землях в горах. После революции им было предоставлено 545 га поливных полей, на которых постепенно наряду с пашнями появились сады и огороды. В 1929 г. сады еще были редкостью, украшали лишь единичные хозяйства Чельпека, да и там были чахлыми, низкорослыми, а в огородах преобладали мак и клевер. В 1973 г., когда в Чельпеке побывал отряд Среднеазиатской экспедиции Института этнографии АН СССР, изучающий этнические процессы у народов Средней Азии, уже можно было сказать, что в Чельпеке нет усадьбы, при которой не было бы сада и огорода.

В 1929 г. А. В. Бурдуков писал о «витающем, хотя и слабеющем духе кочевников» в Чельпеке, о том, что он не столько постоянный поселок, сколько зимовье, зимний склад, в то время как более важные для скотоводческого хозяйства летовки и весновки находятся в горах местности Бюр-баш [14]. Однако и в тот период уже было возможно говорить о соотношении элементов скотоводства и земледелия по социальным группам. По данным А. В. Бурдукова, для зажиточного слоя калмаков главным продолжало оставаться скотоводство, середняки сочетали в своем хозяйстве скотоводство с земледелием, бедняки занимались только земледелием [15]. И если потомственные кочевники, какими были калмаки, за какие-нибудь два-три десятка лет освоили приемы и технику земледелия, то в этом следует видеть несомненное влияние их соседей и прежде всего русских переселенцев, прибывших в Прииссыккулье из Воронежской, Астраханской, Курской, Полтавской губерний и быстро внедривших на новом месте высокую земледельческую культуру и технику Центральной России и Украины. Соседство русских повлияло и на интенсификацию земледелия у киргизов, хотя последние в Прииссыккулье были знакомы с ним с XVIII в., а может быть, и с более раннего времени. Земледелие у киргизов отражало специфику общих среднеазиатских земледельческих традиций [16]. Другие соседи калмаков, дунгане, также внесли свою лепту в новое направление хозяйства. Выразилось это в том, что земледелие у калмаков проявило тенденцию к росту не столько за счет увеличения пахотных земель, сколько за счет посевов мака и разведения садов. Культура мака как ценного лекарственного и опийного сырья очень ценилась в Средней Азии. Калмаки освоили ее при содействии дунган. Для многих калмацких хозяйств в первой четверти XX в. посевы мака были основным источником существования [17]. Созданные здесь в период коллективизации колхозы «Ташкия», «Кызыл Чельпек», «Бормасуу» и заменивший их в послевоенные годы укрупненный колхоз имени Ильича были в основном специализированными хозяйствами по выращиванию опийного мака.

В 1960 г. на их базе была создана Иссык-Кульская опытно-селекционная станция. Ее задача — совершенствовать систему, методы и агротехнические приемы земледелия в зоне ее деятель-

ности, включающей Иссык-Кульскую и Нарынскую области Киргизской ССР. Она обеспечивает колхозы и совхозы оптимальными по их условиям сортами зерновых, овощных и садовых культур. Культивирование мака столь заметной роли в хозяйстве уже не играет. В рамках станции существует и бригада скотоводов. Тип скотоводческого хозяйства, как и во всей Киргизии, уже не полукочевой, а отгонно-пастбищный.

В конце 20-х и в 30-е годы основным видом жилья у калмаков продолжала оставаться юрта. Зажиточные семьи имели их по нескольку (для себя и для гостей), тип юрт и внутреннее убранство были уже киргизскими. Прочие семьи сохраняли юрты старого западно-монгольского образца [18]. Постоянные постройки, которые имелись в Чельпеке и Бюр-баше, носили характер не столько жилых построек, сколько подсобных помещений, служивших зимними складами. Наиболее бедная часть населения, работавшая батраками в хозяйствах кулаков, баев, манапов, не имела даже юрт и ютилась в землянках.

Первые построенные в довоенные годы дома калмаков представляли собой длинные, с плоскими крышами саманные постройки, выходившие глухой стеной на улицу. Со стороны двора вдоль всей внутренней стены дома тянулась открытая веранда. Такой тип жилья близок к традиционному среднеазиатскому жилищу оседлого населения. Несколько таких домов сохранились в Чельпеке и сейчас (рис. 1). Как правило, в них живут старики, моло-

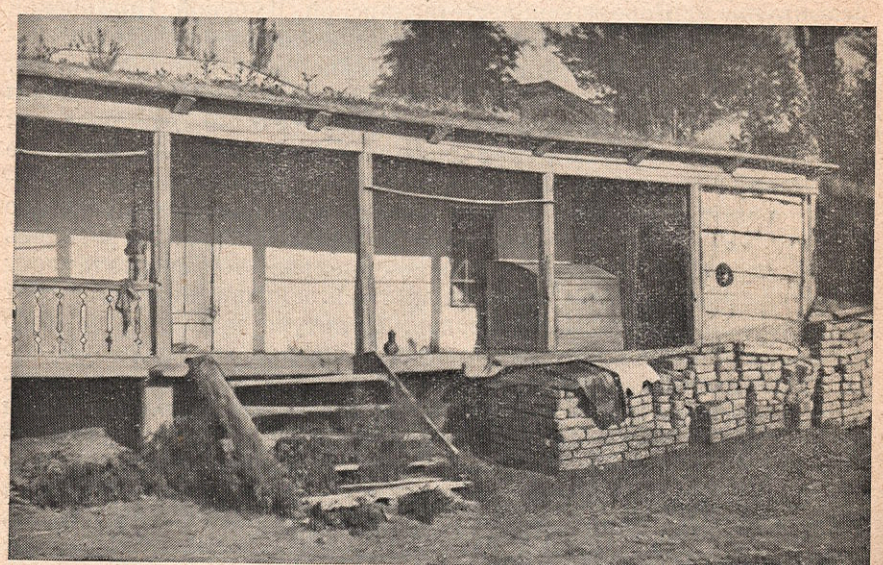

Рис. 1. Дом старого образца у калмаков. Вид со двора

дежь предпочитает строить стандартные дома нового современного образца (рис. 2). Они одинаковы в Прииссыккулье у киргизов, русских, калмаков и представителей других проживающих постоянно в сельской местности народов и уже не несут на себе ни этнической, ни хозяйственно-культурной специфики. Строятся они из сырцового или обожженного кирпича. В таких домах несколько комнат, среди которых четко выделяются гостиная, спальня и кухня. Мебель стандартная, фабричная, пол в комнатах, как когда-то в юртах, застлан кошмами, в кухне — просто глинобитный.

Пища калмаков по своему составу и способам приготовления всегда была близка к киргизской, что определялось их принадлежностью к одному хозяйственно-культурному типу кочевников-скотоводов. Основное место среди продуктов питания в процентном отношении занимали молоко и молочные продукты, свежие и консервированные, а осенью и зимой — мясо. Распространение земледелия и у киргизов, и у калмаков далеко не сразу привело к хлебопечению. Использование зерна и муки носило типичный для скотоводческого уклада характер. Поджаренную муку разводили в чае с молоком, добавляли соль и превращали чай в подобие супа (кирг. *куурма чай*, монг. *зутан*, калм. *затуран*). Очищенным зерном заправляли мясной бульон. Варили в котле в бараньем сале кусочки теста (кирг. *боорсок*, калм. *борцог*): в свежем виде они очень вкусны, а при длительном хранении застывают и перед

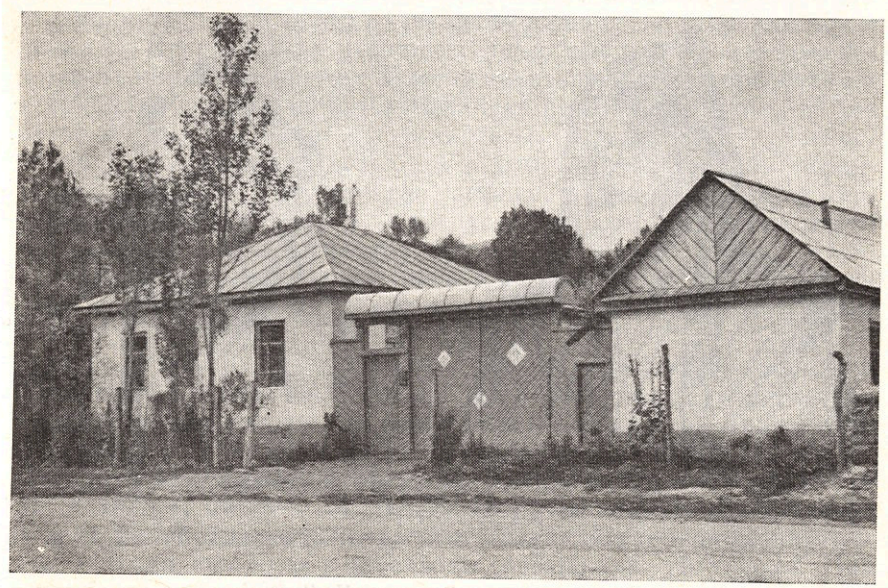

Рис. 2. Современные дома у калмаков (с. Чельпек)

едой размачиваются в горячем молочном чае. Теперь *боорсок* нередко делают с сахарным песком и уже не дома, а в пекарнях. С появлением в Прииссыккулье глиняных хлебных печей тандыров киргизы и калмаки освоили и выпечку хлеба в виде лепешек. Калмаки пекут хлеб также в печах по русскому образцу и в котлах по-кочевнически. Пища калмаков в настоящее время представляет собой смесь блюд из среднеазиатской кухни в целом. Тут и вареная баранина с приправой к ней в виде соленого мясного бульона (кирг. *сорпо*, *шурпа*), мясные супы, приправленные овощами, овощные супы, пловы мясные и овощные, компоты, сушеные фрукты, варенья. Такое разнообразие растительной пищи определяется и влиянием культуры питания соседних народов, и нынешней хозяйственной спецификой калмаков, являющейся следствием работы Иссык-Кульской опытно-селекционной станции, направляющей хозяйства области на выращивание большого количества разных овощей. Разумеется, сохранились в пище и молочные продукты: чай с молоком, кумыс, сухой кислый сыр курут, топленое масло, пенки, снятые с кипяченого молока и другие виды традиционной молочной пищи бывших кочевников, потребность в которых еще существует, сохраняя тем самым и искусство их изготовления.

Б. Алымбаевой удалось выявить кое-какие традиционные самобытные черты культуры калмаков в свадебном обряде: па-

Рис. 3. Сарт-калмаки. Рисунки Н. В. Верещагина (Колл. Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого, № И_674—159, 160)

пример, обычай переодевания невесты на пороге дома жениха в одежду, приготовленную его родителями, так как, согласно традиции, невеста не должна входить в дом жениха в своей одежде. Или визит родителей жениха к родителям невесты с подарками с целью получить прощение за поступок детей в случае, если дети поженились без согласия родителей [19]. Однако все это единичные факты на фоне общего слияния культуры калмаков с киргизской.

Интересно в ряду других данных по проблеме слияния калмаков с киргизами упомянуть и материалы антропологического обследования их, проведенного, как уже говорилось, в 1953—1955 гг. Из них ясно, что калмаки (сарт-калмаки) от киргизов по внешнему облику практически совсем не отличаются. В результате тесных контактов с киргизами, вероятно, имевшими место еще в Синьцзяне, первоначально более ярко выраженные монголоидные черты сарт-калмаков приблизились к антропологическому типу киргизов: слабо выражена монгольская складка века, отмечен более сильный, чем у классических монголоидов, рост бороды, более светлая пигментация волос головы и глаз [20] (рис. 3).

В 1929 г. А. В. Бурдуков, говоря о степени владения сарт-калмаками родным языком, писал, что его «как домашний знают все, старшие поколения хорошо, младшие слабее» [21]. Во время переписи 1970 г. из 3587 калмаков, проживающих в Иссык-Кульской обл., 3114 родным языком назвали киргизский, 403 — калмацкий, 42 — русский [22]. Лингвист У.-Ж. Ш. Дондуков отмечает, что своим родным языком иссык-кульские калмаки пользуются только в быту, да и то это имеет место лишь среди старшего поколения [23]. Преподавание в школе сейчас, как и в 20-е годы, ведется на киргизском языке. В качестве второго языка преподается русский. В средней школе в Чельпеке работают 56 учителей, из которых 40 — калмаки, 3 — киргизы, остальные — русские. Среди выписываемых учителями и работниками станции периодических изданий примерно две трети составляют издания на киргизском языке, одну треть — на русском. Радиопрограммы также слушаются на этих двух языках.

Культурному сближению калмаков и киргизов в немалой степени способствовали и способствуют смешанные браки. Интересны в этом плане данные загса по Чельпеку. В 1961 г. в Чельпеке было зарегистрировано 12 браков, из которых 4 были смешанными калмацко-киргизскими. В 1962 г. из 7 заключенных браков смешанный был всего один, но зато в 1972 г. — 11 из 18. Показательны и данные о рождении детей. Из родившихся в Чельпеке в 1961 г. 104 детей 27 родились в смешанных семьях, в 1962 г. из 111 — 21, в 1972 г. из 94 — 34. Основной процент смешанных браков падает на киргизско-калмацкие и только в единичных случаях это — браки калмаков с узбечками, казашками, уйгурками. При этом более чем в 90% случаев мужчины-калмаки вступали в брак с представительницами других национальностей (или этнических групп).

Еще в период кочевания в предгорьях Тянь-Шаня кара-калмаки приняли ислам. Несомненно, это намного облегчило их адаптацию в киргизской среде. Письменность тодо бичиг (или зая-пандитское письмо), которой калмаки, как и прочие ойраты, пользовались еще в конце XIX в., в России ими быстро была утрачена. Уже А. В. Бурдуков не застал ни одного знатока тодо бичиг [24]. Ему на смену пришел арабский алфавит, что сопровождалось постепенным переходом и на киргизский язык. В 1928 г. на смену арабскому алфавиту пришел латинский, а начиная с 1936 г. все тюркские народы СССР, в том числе киргизы и все более сближавшиеся с ними сарт-калмаки, постепенно перешли на русский алфавит.

Весь изложенный выше материал позволяет характеризовать иссык-кульских калмаков уже не как самостоятельное этническое образование, а как этнографическую группу в составе киргизов, практически не выделяющую себя из их среды, а если и называющую себя по исторической традиции калмаками, то с непременным добавлением, что разницы между собой и киргизами они не видят и что это — не только явление наших дней, но и по происхождению, изначально в них течет киргизская кровь.

В состав киргизов влились и некоторые другие группы калмыцкого (ойратского) происхождения. С. М. Абрамзон называет поколения жээренбай, чюрюм, кызыл-сакал, калмакы, ассимилированные различными группами киргизов, начиная с XVII в. Все они давным-давно утратили свою изначальную этническую специфику и память о ней хранится лишь в генеалогических преданиях [25].

Небольшие группы населения, также именующие себя калмаками, проживают и в других районах Средней Азии: в Чарджоуской обл. Туркменской ССР, в Бухаре и Бухарской обл. Узбекской ССР. Судя по имеющимся о них сведениям, они не связаны с калмаками Иссык-Куля. В разные исторические периоды миграций монгольского этноса (походы Чингисхана, прослойка завоевателей в Чагатайском улусе, переселения групп ойратов, будущих калмыков Поволжья, на Волгу и частичная их откочевка назад в Джунгарию) попали они в Среднюю Азию и осели здесь. Логика этнического развития привела эти небольшие по численности группы к слиянию с теми крупными этносами, на территории которых они поселились. Бухарские калмаки считают себя частью узбеков и сохраняют этноним калмак в качестве племенного самоназвания, отличающего их от других племенных подразделений узбеков [26]. В 1924 г. их насчитывалось 8705 человек [27]. Несколько десятков семей калмаков, проживающих в Чарджоуской обл. Туркменской ССР, также восходят к узбекскому племени калмак [28]. Обе эти группы, кроме самоназвания, ничем из среды окружающих их узбеков не выделяются, последние же в свою очередь в Бухаре испытали сильное влияние таджикской культуры [29], а в Чарджоуской обл. — своих соседей туркмен [30].

[1] Не следует путать сарт-калмаков Иссык-Куля с родом сарт-калмак в составе башкир, известным по источникам с XVIII в. Это случайное совпадение этнонимов, хотя оба они восходят к калмыкам (ойратам) и сартам (тюркам). О сарт-калмаках в составе башкир см.: *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа. М.: Наука, 1974, с. 164, 510.

[2] По мнению Н. А. Аристова, эпитет *кара* (черный) в сочетании с этнонимом у тюрок и монголов означал, что данная часть народа по каким-либо историческим или географическим причинам откололась от основной его массы и занимает по отношению к ней младшее, подчиненное положение. Кара-калмаки — часть западных монголов (ср. кара-кидани, кара-кереиты и др.). См.: *Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения о их численности.— Живая старина, 1896, т. III—IV, с. 302. По мнению В. В. Бартольда, кара-калмаки (черные калмыки) — название всех западных монголов, употреблявшееся в Средней Азии в отличие от тюркоязычных телеутов, которых называли «белыми калмыками». См.: *Бартольд В. В.* Калмыки.— Соч. М.: Наука, 1968, т. V, с. 538.

[3] *Бурдуков А. В.* Каракольские калмыки (сарт-калмаки).— СЭ, 1935, № 6, с. 53.

[4] Там же, с. 68. Н. А. Аристов называет 1068 душ сарт-калмаков на 1889 г. согласно переписи кибиток при губернском обзоре: *Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе тюркских племен..., с. 390.

[5] *Бурдуков А. В.* Каракольские калмыки..., с. 68.

[6] Там же, с. 48—49; *Алымбаева Б.* К вопросу о сближении народов Киргизии.— Трудящиеся Киргизии в борьбе за строительство социализма и коммунизма.— Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1966.

[7] Автор признателен Г. Г. Стратановичу и Н. Убушаеву за данные ему консультации.

[8] См.: Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. М.: Изд-во АН СССР, 1956, т. I.

[9] *Абрамзон С. М.* Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии.— В кн.: Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. М.: Изд-во АН СССР, 1960, т. IV; *Он же.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л.: Наука, 1971, с. 28.

[10] *Алымбаева Б.* К вопросу...

[11] *Дондуков У.-Ж. Ш.* О некоторых языковых особенностях иссык-кульских калмыков.— Проблемы алтаистики и монголоведения. М.: Наука, 1975, вып. 2. Сер. Лингвистики; *Тенишев Э. Р.* О языке калмыков Иссык-Куля.— Вопросы языкознания, 1976, № 1.

[12] *Козлов П. К.* Рекогносцировка северного берега озера Баграшкуля.— В кн.: Труды Тибетской экспедиции 1889—1890 гг. СПб., 1896, ч. III, с. 111.

[13] *Валиханов Ч.* Географический очерк Заилийского края.— Собр. соч.: В 5-ти т. Алма-Ата: Наука, 1964, т. III, с. 23.

[14] *Бурдуков А. В.* Каракольские калмыки..., с. 56—57.

[15] Там же, с. 74.

[16] *Абрамзон С. М.* Киргизы..., с. 86—87.

[17] *Бурдуков А. В.* Каракольские калмыки..., с. 75.

[18] Там же, с. 60.

[19] *Алымбаева Б.* К вопросу..., с. 211—212.

[20] *Миклашевская Н. Н.* Соматологические исследования в Киргизии.— В кн.: Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. М.: Изд-во АН СССР, 1956, т. I.

[21] *Бурдуков А. В.* Каракольские калмыки..., с. 70.

[22] Распределение населения по национальности и языку в Киргизской ССР по данным переписи 1970 г.
[23] *Дондуков У.-Ж. Ш.* О некоторых языковых особенностях.., с. 232—233.
[24] *Бурдуков А. В.* Каракольские калмыки..., с. 72.
[25] *Абрамзон С. М.* Киргизы.., с. 34.
[26] *Сухарева О. А.* Бухара. XIX — начало XX века: (Позднефеодальный город и его население). М.: Наука, 1966, с. 134—135.
[27] Материалы по районированию Средней Азии. Кн. 1. Территория и население Бухары и Хорезма. Ташкент: Комиссия по районированию Средней Азии, 1926, ч. 1, Бухара, с. 211.
[28] *Винников Я. Р.* Родо-племенной и этнический состав населения Чарджоуской области Туркменской ССР и его расселение.— Труды/Ин-т истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР. Серия этнографическая. Ашхабад: Изд-во АН Туркм.ССР, 1962, т. VI. с. 100—101.
[29] *Сухарева О. А.* Бухара..., с. 134.
[30] *Винников Я. Р.* Хозяйство, культура и быт сельского населения Туркменской ССР. М.: Наука, 1969, с. 59—60.

СОВРЕМЕННОЕ ЭТНИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ЦЫГАН (люли)

Х. Х. Назаров

Среднеазиатские цыгане — народ малочисленный. Однако их знают все народы Средней Азии в силу широкой разбросанности расселения цыган. Из общего числа всех среднеазиатских цыган приблизительно 70% живет в пределах Узбекской ССР, остальные проживают главным образом в Таджикистане. По Всесоюзной переписи населения 1926 г., в Средней Азии было около 5 тыс. цыган. По переписи 1959 г. в Узбекской и Таджикской ССР проживало 7 600 цыган [1], а по Всесоюзной переписи населения 1970 г. в Узбекистане было учтено 11 362 цыган [2]. В остальных республиках Средней Азии из-за малочисленности цыган они не были выделены переписью и, видимо, вошли в число «прочих» национальностей. Значительное увеличение численности цыган в Узбекской ССР по переписи 1970 г. по сравнению с прошлыми переписями объясняется окончательным переходом этого народа к оседлой жизни.

Данные о численности и расселении среднеазиатских цыган уточнялись и дополнялись автором статьи во время многолетних полевых исследований, проводимых им почти во всех областях Узбекской ССР (Самаркандской, Бухарской, Ташкентской, Андижанской, Наманганской, Ферганской, Сурхандарьинской, Кашкадарьинской), а также в Душанбе и прилегающих районах Таджикской ССР и в Ошской обл. Киргизской ССР. По предварительным подсчетам автора, сделанным им с помощью квартальных комитетов (в городах), правлений колхозов и администрации совхозов, в Средней Азии проживает около 30 тыс. цыган и лиц цыганского происхождения [3].

В Узбекской ССР особенно много цыган живет в Зеравшанской и Ферганской долинах, а на юге республики — в Кашкадарьинской и Сурхандарьинской областях. Они расселены здесь как сравнительно компактными, так и мелкими разбросанными группами, иногда состоящими из нескольких семей.

Значительные группы цыган можно встретить в больших городах — в Андижане, Самарканде, Коканде, Карши, Ташкенте, Бухаре, Маргелане, Намангане и т. д. В этих городах имеются до сих пор «цыганские кварталы», в некоторых из них (мугатхона) проживают тысячи цыган.

В Таджикской ССР большие группы цыган живут в городах Гиссар, Регар, Ленинабад, Пенджикент, Куляб, Нау и др.

В Киргизской ССР цыгане живут в основном в г. Оше и его окрестностях.

Вопрос о происхождении и исторических судьбах среднеазиатских цыган является сложным, ибо исторических данных о появлении цыган в Средней Азии нет. Однако все исследователи (А. И. Вилькинс [4], А. Д. Гребенкин [5], А. П. Баранников [6], Г. П. Снесарев, А. Л. Троицкая [7] и др.) поддерживают гипотезу о том, что цыгане пришли в Среднюю Азию из Индии много веков тому назад. Так, академик А. П. Баранников обращает внимание на легенду, приведенную Фирдоуси в «Шахнаме». В этой легенде повествуется о переселении из Индии в Иран 12 тыс. артистов Лури [8], присланных в дар Сасаниду Бахрам Гуру (Варахран V, 420—438 гг.), А. П. Баранников предполагает, что современные иранские и среднеазиатские цыгане являются потомками этих некогда подаренных артистов.

А. И. Вилькинс и А. П. Баранников высказывали также предположение, что предки цыган были в Индии потомственными артистами и составляли определенную касту. Это, видимо, соответствует исторической действительности. В далекие времена многочисленные раджи Индии содержали при своих дворах немало певцов, танцоров и музыкантов. В случае их разорения огромное число придворных артистов оказывались без средств к существованию. Законы каст не давали им возможности и права взяться за такие профессии, которыми по традиции занимались члены других каст. Видимо, в поисках работы по своей профессии предки цыган постепенно покидали пределы Индии.

Автор данной работы на основе изучения различных этнонимов цыган, их народных преданий, данных языка, сведений о занятиях и некоторых элементах культуры присоединяется к мнению исследователей об индийском происхождении цыган. В этой связи большой интерес представляет изучение основного энтонима среднеазиатских цыган *«люли»*. Насколько известно, впервые название «люли» встречается в легенде, относящейся к правлению Бахрам Гура. Согласно персидскому словарю слово «люли» означает «люди, занимающиеся песнями и плясками» [9]. Происхождение этого термина до сих пор окончательно не выяснено. Наиболее достоверное объяснение этому этнониму дает В. Ф. Минорский, который обращает внимание на то, что термин «люли», возможно, служил наименованием жителей города в Синде (Индия). Арабские авторы называли этот город Arūr или Al-rūr. Он был завоеван арабами ранее 714 г. н. э. Согласно аль-Бируни, г. Arūr (Aror) был расположен в 30 фарсахах к юго-западу от Мультана. Эта древняя столица индусских раджей Синда теперь в развалинах. Переход названия Arori (Rūri) в Lori легко объясним фонетически. Возможно, потомки индийских музыкантов, присланных в Иран в V в. н. э. индийским царем Шенголом по просьбе

Сасанида Бахрам Гура, именовались как жители самого значительного города Синда, который был известен там арабским завоевателям и, вероятно, до них Сасанидам [10]. Предложенное В. Ф. Минорским объяснение вносит некоторую ясность в происхождение этнонима Lŭri/Lŭli. Однако оно не решает вопроса об этническом происхождении этой народности. По мнению И. М. Оранского, предки среднеазиатских цыган были индоязычны [11]. Этнонимы *джуги* (восходит к индийскому слову «отшельник», «нищий») *и мультани* (от названия г. Мультан в северо-западном Пакистане) также указывают на индийское происхождение цыган. Кроме того, наличие среди цыган антропологического типа, резко отличающегося от окружающего местного населения и имеющего ближайшие аналогии среди дравидоидного населения Индии, а также некоторые обычаи (например, татуировка лба) — свидетельствуют о том, что предки среднеазиатских цыган были выходцами из Индии.

Что заставило цыган навсегда покинуть свои родные места? Можно предполагать, что из-за сложившихся на их родине неблагоприятных исторических условий, они, не находя применения своим традиционным занятиям (пение, пляски, музыка), в поисках источника существования вынуждены были эмигрировать в другие страны.

Куда должен был направиться поток эмиграции? Разумеется, в более цивилизованные, богатые страны. Этим требованиям вполне отвечали условия Средней Азии того периода, когда, видимо, происходило наиболее интенсивное переселение предков цыган. Эмиграция «люли» из Индии в другие страны (в том числе и в Среднюю Азию), по мнению автора и по материалам других исследователей, начавшись, возможно, еще во время Сасанидов, особенно интенсивно проходила в первые века второго тысячелетия нашей эры, когда в Индию начали вторгаться мусульманские завоеватели (X в. н. э.). Можно предположить, что поход Тимура в Северную Индию, предпринятый им в конце XIV в., также способствовал переселению цыган в Среднюю Азию и другие страны. Так, многие легенды и предания среднеазиатских цыган связаны с именем Тимура. Не случайно и то, что в литературе XIV в. и последующих веков так часто упоминаются «люли». О них писали: Хафиз Шерози в своих газелях (XIV в.), Васифи в мемуарах (XV—XVI вв.), Бабур в «Записках» (XVI в.), Абуль-Гази в «Шеджаре-и-Тюрк» (XVII в.), Мир Мухаммед Амин- и Бухари в «Убайдулла-Намэ» (XVIII в.) и др. Хафиз Шерози в одном из стихотворений говорит о «люли», как о веселых и обаятельных людях. Бабур, перечисляя имена своих музыкантов, упоминает среди них и «люли» по имени Рамазан.

Разумеется, различные группы цыган пришли в Среднюю Азию неодновременно и не по одному пути. Видимо, эмиграция цыган совершилась через соседние страны — Иран и Афганистан. Так, одна из групп «люли» называет себя *афгони* (*ковули*). Видимо, от-

дельные группы цыган, после того как они покинули Индию, прежде чем попасть в Среднюю Азию, более или менее длительное время бродили и по странам Арабского Востока. Этим можно объяснить тот факт, что в языке цыган значителен процент слов арабского происхождения и что они свой секретный язык называют *арабча*, а себя — «двоюродными братьями арабов» (*амакбачча*).

Придя в Среднюю Азию, цыгане стали расселяться среди ираноязычных и тюркоязычных народов.

Поселившись на территории Средней Азии они постепенно начали воспринимать язык, религию, нравы и многие черты материальной и духовной культуры тех народов, в соседстве с которыми стали жить. Не случайно многие группы среднеазиатских цыган утверждают, что родина их предков — Средняя Азия. Это свидетельствует и о давности их проживания здесь, и о длительности этнических контактов цыган с соседними народами.

Все среднеазиатские цыгане по некоторым особенностям быта, языка, антропологического типа, по времени и путям их проникновения в Среднюю Азию подразделяются на три группы. Первая и самая большая группа известна у окружающего населения под названием «люли» (для этой группы известны также другие этнонимы: таджики называют их «джуги», население Самаркандской, Кашкадарьинской и Сурхандарьинской областей Узбекистана знает их и под названием *мўльтани*, сами себя цыгане этой группы называют *мугат* [12], *мугати тубжои*, т. е. местные цыгане, иногда — *ғурбат* [13]). Однако самым популярным этнонимом среднеазиатских цыган является, безусловно, люли. Цыгане этой группы являются наиболее ранними переселенцами в Среднюю Азию. Вторую группу составляют цыгане, значительно позже переселившиеся сюда из соседнего Афганистана; население называет их *кора-люли* (черные люли) или *аугон-люли* (афганские люли); самоназвание — *аугон мугат* или *ковули* (или *кабули*, т. е. кабульцы). Третья группа — индийские цыгане (*индустани люли*, самоназвание — *мугат хинди*), наиболее поздние переселенцы из Индии (о чем говорится и в преданиях этой группы).

По характеру своих занятий и по образу жизни цыгане первой группы в свою очередь делятся на следующие подгруппы:

1) цыгане, которые в основном вели бродячий образ жизни и занимались профессиональным нищенством, гаданием, врачеванием, отчасти ювелирным ремеслом;

2) цыгане-деревообделочники (*тавоктарош*), которые вели главным образом полуоседлую жизнь и занимались деревообделочным ремеслом;

3) цыгане, которые вели оседлую жизнь и занимались мелкой развозной торговлей и сельским хозяйством [14].

Ныне все среднеазиатские цыгане говорят на таджикском языке, употребляя своеобразный говор; немало цыган, живущих на территории Узбекистана, владеют также узбекским языком. Например, по данным переписи 1970 г., из общего числа всех

цыган, зарегистрированных в Узбекистане (11 362 человек), почти одна треть цыган (3374 человек) заявила, что они свободно владеют в качестве второго языка узбекским языком; таджикский же язык они записали как родной [15]. Можно предположить, что в отдаленные времена их переселений в Среднюю Азию в их окружении преобладало ираноязычное население; поэтому с течением времени таджикский язык стал их родным языком, узбекский же язык они освоили позже.

Следует отметить, что многие особенности цыганских говоров свойственны также говорам таджиков Северного Таджикистана, Бухары, Самарканда и некоторых других местностей Узбекской ССР. Для одной группы цыган — тавоктарошей — характерны особенности диалекта, свойственные диалектам таджиков Ленинабада, Канибадама. В говорах других групп цыган наблюдаются особенности, которые свойственны говорам горных таджиков. Структура предложения в цыганском говоре мало отличается от таджикской. Главное различие состоит в том, что у люли порядок слов в предложении соблюдается менее строго, чем в разговорной речи таджиков. В наше время цыганский говор постоянно обогащается за счет современного литературного таджикского языка.

Некоторые отличия имеет язык «индийских» и «афганских» цыган. В их речи еще немало слов индийского и афганского происхождения, что подтверждает сравнительно недавний приход этих групп со своей прародины [16]. Многие старожилы (Худаяров Яхья — 85 лет, Сабханова Бибираджаб — 84 лет, оба из Самарканда, и др.) передают, что до присоединения Средней Азии к России эти группы свободно приходили из Афганистана и многие оставались жить здесь. Об этом свидетельствуют также их некоторые антропологические особенности — они значительно смуглее «местных» цыган.

Наряду с таджикской речью, все среднеазиатские цыгане в общении между собой в недалеком прошлом широко пользовались особым секретным языком — арго, известным под названиями *лавзи мугат* или *арабча*. Основой для него служил таджикский язык. Теперь употребление тайного языка цыган изо дня в день сокращается. В результате хозяйственного и культурного развития цыгане все больше сближаются с окружающим населением, постоянно растет их дружба и взаимное доверие. В этих условиях нет нужды для использования арго. Вот почему современная молодежь тайным языком не владеет.

Люли, как и большинство народов Средней Азии, исповедовали ислам суннитского толка. Время восприятия цыганами исламской религии пока не установлено, однако можно предполагать, что они приняли мусульманство в качестве официальной религии уже после прихода в Среднюю Азию.

Цыгане не были фанатичными приверженцами ислама. По сути дела, основные молитвы кое-как знали только старики. Известная набожность стариков объяснялась тем, что этого требо-

вали взгляды окружающего мусульманского населения, нередко при этом преследовались и материальные выгоды (ведь многие цыгане жили за счет подаяний). Правилам совершения намаза детей совсем не обучали. Безразличное отношение цыган к религии, видимо, можно объяснить бродячим образом жизни основной массы люли. За годы Советской власти, благодаря коренным преобразованиям культуры и быта цыган, они в значительном большинстве освободились от религиозного дурмана.

В прошлом, когда среднеазиатские цыгане вели главным образом бродячий образ жизни и вынуждены были постоянно передвигаться с одного места на другое, за определенной группой цыган исторически закреплялась местность, в пределах которой они кочевали. Обычное право, сложившееся у цыган, требовало ограничения для каждой группы мест перекочевок в пределах «закрепленной» за ними территории. Так, бухарские цыгане придерживались границ Бухарского эмирата. Цыгане Ферганской долины на востоке доходили до границ Киргизии, а на западе — до Ходжента (ныне Ленинабад). Ташкентские цыгане кочевали примерно в пределах современной Ташкентской обл. и т. д. В соответствии с районами перекочевок цыгане носили названия: так, различались бухарские цыгане (*мугатои бухороги*), кокандские (*қӯқаниҳо*), самаркандские (*самаркандиҳо*), каршинские (*қаршигиҳо*) и т. д. Этот своеобразный территориальный «раздел» несколько облегчал цыганам возможность добывать необходимые средства для существования. В свою очередь он способствовал ускорению процесса сближения, а затем и постепенной ассимиляции люли местным населением. Это особенно наглядно видно на примере мелких групп цыган.

Процесс оседания был очень длительным и трудным. Однако все усиливающееся общение цыган с более развитым в экономическом и культурном отношении окружающим населением постепенно создавало условия перехода люли к оседлости. С течением времени некоторые, более обеспеченные группы и семьи стали оседать главным образом на местах излюбленных в прошлом временных стоянок. Из-за отсутствия письменных и других источников нельзя точно установить время возникновения старых цыганских поселений. Опираясь на опросные материалы, можно предполагать, что первые поселения цыган появились в середине прошлого столетия в городах — Бухаре, Самарканде, Пенджикенте, Андижане, Коканде и др. Однако только незначительная часть цыган перешла к оседлой жизни, а основная их масса до победы Октябрьской революции оставалась бродячей.

У основной массы цыган долго сохранялись дофеодальные отношения с заметными чертами патриархально-родовой общины.

Основной общественной ячейкой бродячих цыган был так называемый *туп* или *тупар*. Это своеобразное социальное образование состояло главным образом из родственных семей, но иногда случалось, что, кроме родственников и свойственников, в тупар

попадали семьи, не связанные кровным родством. В тупаре каждая семья вела свое индивидуальное хозяйство, что отражает уже далеко зашедший процесс разложения патриархальной семейной общины. Ведущую роль в тупаре играли старики. Постоянный круг наиболее почтенных и влиятельных стариков — своеобразный совет старейшин, который решал все важнейшие дела ячейки, — наиболее архаичный социальный институт цыганского тупара. Без согласия и одобрения этого совета почти ничего серьезного не мог предпринять и старшина тупара — аксакал.

Должность аксакала была выборной. Он избирался по существу советом старейшин из числа опытных, авторитетных и более состоятельных лиц, не обязательно старших по возрасту. Иногда выборы аксакала сравнительно большого тупара закреплялись юридическим оформлением этого акта у местного казия. Такому аксакалу выдавался особый ярлык, что обязывало его выполнять административные функции, например, собирать налоги. Аксакал фактически распоряжался всеми делами; по важнейшим вопросам он советовался со стариками, а при необходимости — и со всеми взрослыми мужчинами; иногда в совет общины приглашались женщины, но они имели только совещательный голос. Совет решал различные вопросы: вопросы о ссоре и мире с другими группами, о перекочевках с одного места на другое, об организации помощи пострадавшему члену тупара и т. д. Решающее слово почти всегда принадлежало аксакалу. Аксакал пользовался огромным авторитетом, не только внутри своего тупара, но и среди других групп цыган; тупар обычно носил его имя.

Развитие товарно-денежных отношений постепенно привело к возникновению и среди цыган имущественного неравенства. Наряду с огромной массой бедствующих появились отдельные богатые люди, которые владели большим количеством скота, землей и прибегали к эксплуатации чужого труда.

Классовое расслоение более четко обозначилось у оседлой части цыган. Известными цыганскими баями в конце XIX — начале XX в. в районе Самарканда были братья Суяр и Суюн Миршакаровы, имевшие около 60 танапов пахотной земли, большое пастбище в кишлаке Бурганли (возле сел. Лаиш, ныне территория колхоза «Узбекистан» Акдарьинского р-на), много лошадей, коров и овец. Они даже имели хлопковые поля, которые возделывали арендаторы из местного населения; хлопок они продавали русским промышленникам.

В менее ярко выраженной форме классовое расслоение обозначилось и среди полукочующих и кочующих цыган, где более состоятельные подчиняли себе маломощную массу. К состоятельной верхушке цыганских тупаров принадлежали прежде всего старейшины-аксакалы, которые пользовались своим положением для эксплуатации рядовых членов тупара: они давали под определенный процент ссуды, держали в хозяйстве работников, которые пасли их скот, продавали продукцию их хозяйства и т. п.

В прошлом производительным трудом в большей или меньшей степени занимались все группы среднеазиатских цыган. Их хозяйственная деятельность была разнообразной. Одни занимались ремеслом (деревообделочное, ювелирное, изготовление изделий из конского волоса — в основном лицевых сеток *чачван* для женщин-мусульманок и др.), другие — земледелием и скотоводством (преимущественно цыганские баи и группа *мазанг*), третьи работали по найму у местного населения. Кроме того, немало цыган были музыкантами, танцорами, певцами, наездниками, борцами, дрессировщиками животных и т. д. Они жили платой за свои выступления.

Однако в условиях того времени, когда основная масса цыган не имела ни земли, ни собственных пастбищ, когда им запрещалось надолго останавливаться на одном месте, не все они имели возможность заниматься производительным трудом. Чтобы иметь хоть какие-нибудь средства к существованию, многие из них были обречены на наследственное, традиционное нищенство. Сбором подаяний занимались преимущественно женщины. Наряду со сбором подаяний большинство цыганок промышляло мелкой торговлей, гаданием, врачеванием, колдовством и др. Профессиональным ниществом занимались и некоторые мужчины.

Такое положение, являясь фактическим выражением национальной дискриминации, накладывало тяжелый отпечаток на облик среднеазиатских цыган.

Победа Великого Октября положила начало массовому переходу цыган к оседлой трудовой жизни. Советское правительство, руководствуясь ленинскими принципами в национальном вопросе, с самого начала признало цыган как самостоятельную народность, имеющую свои особенности и свои нужды, и вскоре приступило к решению проблемы оседания, трудоустройства и перевоспитания цыган и на этой основе вовлечения их в социалистическое строительство.

Так, в конце 1925 г. Советским правительством было создано центральное цыганское учреждение — Всероссийский союз цыган, в задачи которого входили объединение разрозненных цыганских масс, содействие их оседанию, приобщение к труду и социалистической культуре. Всероссийский союз цыган проделал огромную работу по воспитанию цыганской массы, подготовил ее для перехода к новой жизни. На решение цыганского вопроса были направлены и другие важные постановления партии и правительства. 1 октября 1926 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О мерах содействия переходу кочующих цыган к трудовому оседлому образу жизни». В этом постановлении, в частности, было сказано: «Предложить центральным исполнительным комитетам и Советам Народных комиссаров союзных республик принять меры к первоочередному льготному наделению землей цыган, желающих перейти к оседлому образу жизни» [17].

Если царское правительство хотело привести цыган к оседлости насильно, полицейскими мерами, то Советское государство решало этот вопрос с согласия и при участии самих цыган. Долгая история цыганского народа не знала подобных фактов. Цыганский народ постепенно стал понимать, что новая власть заботится о нем и добивается подлинного равноправия с другими народами. Он поверил, что теперь не будет угнетающих и угнетенных наций, привилегированных и униженных народов. Цыгане убедились, что при новом строе им нечего чуждаться других народов и вести обособленную жизнь, пришел конец их скитаниям и постоянным унижениям.

Процесс оседания и трудоустройства люли был естественным следствием индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства и проведения культурной революции в СССР. Это способствовало сближению их с окружающим населением на совершенно новых социалистических началах.

В Узбекистане (где жила основная масса люли), как и в других районах Средней Азии, массовый переход цыган к постоянной оседлости наметился именно в годы социалистического строительства. Как раз в эти годы возникло немало цыганских поселений в городах и кишлаках республики (в Беговате, Чирчике, Джизаке, Каттакургане, Кагане и др.). Старые же очаги оседлости значительно расширились. Одновременно с этим многие люли стали заниматься производительным трудом.

В 1926 г. сотни самаркандских цыган поступили на работу на промышленные предприятия (кожевенные, винные, кирпичные и другие заводы), в промысловые артели и строительные организации. В 1927 г. в Самарканде, неподалеку от цыганского квартала была пущена в эксплуатацию шелкомотальная фабрика «Худжум», где с первых же дней стали работать более 30 цыган, в числе которых были: Хатам Халилов, Шадмон Набиев, Бобокул Мирзокулов, Каромат Джалилова, Саломат Махсудова, Джума Халилова, Ойхон Маматкулова [18]. В 1928 г. в Самарканде была организована первая цыганская артель по сбору утиля, носившая название «Мехнаткаш люлилар» («Трудовые цыгане»), в которой трудился 61 цыган [19]. Хотя основное ядро артели составляли цыгане, в ней работали и представители других национальностей: русские, таджики, татары, евреи. Организатором и бессменным руководителем этого дружного коллектива был передовой цыган Мирзоназар Махманазаров.

В сельских местностях цыгане охотно вступали в союзы Кошчи и в колхозы. В отдельных случаях создавались самостоятельные цыганские хозяйства. Еще в 1924 г. в Кокандском у., на территории, ныне вошедшей в хлопководческий совхоз имени Жданова, возникла первая в Средней Азии цыганская артель «Мухтож» («Нуждающийся»), в состав которой вошло 50 батрацких семей во главе с коммунистом Мизрабом Махмудовым. Крупный организатор колхозного движения среди цыган, Махмудов в 1925 г. был избран членом ЦИК Узбекской ССР, членом правительствен-

ной комиссии республики по землеустройсству люли; он был делегатом первого всесоюзного съезда колхозников-ударников (1933).

В годы массовой коллективизации сельского хозяйства страны в Узбекистане были созданы два цыганских колхоза: «Имени Махмудова» (Кокандский р-н Ферганской обл.) и «Янги турмуш» (Орджоникидзевский р-н Ташкентской обл.), которые объединили более 300 вчерашних кочевых и полукочевых люли. Немало цыган вступило тогда в смешанные в национальном отношении колхозы.

В наше время почти все трудоспособное цыганское население занято общественно полезным трудом. О степени охвата городских цыган призводительным трудом можно судить на примере г. Самарканда. На 1 августа 1973 г. здесь насчитывалось 375 трудоспособных цыган, из которых 340 (т. е. более 90%) были заняты в производстве. Только на одной фабрике «Худжум» работают 122 люли, в том числе 81 женщина. Положительным является то, что многие цыгане работают на этой фабрике целыми семьями. Давно трудятся здесь супруги Очиловы, Насриевы, Кучумовы, Тоштемировы, Яриевы, Маматкуловы, Орзыевы и др. Очень тепло отзываются на фабрике о семье Очиловых. Муж и жена — Бахри Очилов и Кубаро Пардаева трудятся здесь с 1937 г. В семье восемь детей. Из них трое взрослых — Ульмас, Талиб и Гули — после окончания 10—11 классов средней школы тоже пришли работать на фабрику «Худжум». Все они являются передовиками производства. Старшая дочь Ульмас — знатная кокономотальщица. Это не мешает ей заниматься общественной работой — она избиралась членом партийного бюро парторганизации фабрики, депутатом Городского Совета. Сын, Талиб Очилов, недавно выдвинут на должность помощника мастера мотального цеха. В этом цехе трудится и его жена — Жанна Очилова (русская), у них двое детей. Меньшая дочь Очиловых — Гули, как и мать, работает запарщицей. Она старается не уронить чести своей трудовой семьи. Сменное задание Гули Очилова выполняет на 120—130% при отличном качестве выпускаемой продукции.

Более 30 лет работает на фабрике «Худжум» славная труженица Рахбар Казакова, которая в 1965 г. была удостоена высокой правительственной награды — ордена Ленина [20] (рис.1,2).

Сегодня цыгане не только работают на производстве бок о бок с представителями других национальностей, но и в повседневном быту расширяют контакты с соседними народами. В наши дни условным стало наименование «цыганские кварталы» («мугатхона»), так как в этих кварталах ныне наряду с цыганами живут представители других национальностей, что, безусловно, свидетельствует о растущих дружественных связях люли с соседними народами. Так, в «цыганском квартале» Самарканда (квартал Гиждуванский) на начало августа 1973 г., например, проживали представители 16 национальностей (таджики, узбеки, русские, украинцы, бухарские евреи, корейцы, татары и др.).

В сельской местности цыгане повсеместно трудятся в сельскохозяйственном производстве, в основном они входят в состав национально-смешанных бригад в колхозах и совхозах. Среди цыган много механизаторов и водителей автотранспорта. В г. Андижане и в Андижанской обл. таких работников насчитывается более ста человек. В Самарканде в различных автохозяйствах работают двадцать шоферов цыган (Раббим Имамов, Амрилло Махсудов, Мардон Раббимов, Уктам Набиев, Мардон Шадманов и др.).

Рис. 1. Знатная работница Рахбар Казакова

Развитие и укрепеление хозяйственных и культурных связей цыган с соседним населением способствует постепенному сближению цыган с узбеками, таджиками и другими народами, переходящему порой в их добровольное слияние с этими народами. Наиболее интенсивно эти процессы протекают в городах. Например, в Андижане, где издавна жило наибольшее число цыган, в 1966 г. нами было учтено 2494 человека цыганского происхождения, но все они в официальных документах (свидетельство о рождении, паспорт, военный билет и др.) именуют себя таджиками, их квартал называется *таджик-махала*, а улица — Таджикской. Для многих городских цыган характерно двойное самосознание: они, называя себя цыганами, уже не отделяют себя от соседних народов и в документах пишутся таджиками, узбеками или представителями другой национальности. Из 1500 самаркандских цыган на 1 августа 1973 г. более 350 человек (главным образом молодежь) записали себя в документах не цыганами. В наше время детей от смешанных браков родители также обычно записывают не цыганами. На 1 августа 1973 г. в Самарканде таких детей оказалось 97 человек. Почти полностью ассимилировалась коренным населением группа цыган люли, называемая мазанг, благодаря своей давней оседлости. Многие из ее представителей перестали именовать себя цыганами, влившись в состав таджиков, узбеков или арабов.

До победы Великой Октябрьской социалистической революции наиболее распространенной формой семьи у среднеазиатских цыган была малая семья, которая, однако, сохраняла еще многие черты, унаследованные от неразделенной большой семьи.

Характерной чертой цыганской семьи в прошлом был крайне низкий уровень материального быта и его отсталость. У цыган допускалось многоженство, существовала уплата калыма за невесту. Смешанные браки у цыган в прошлом встречались исключительно редко. Если такие браки бывали, то заключались они только с представителями бедных слоев окружающего населения.

У люли брачные обряды проводились по законам шариата и поэтому по форме мало чем отличались от свадебных обрядов окружающего мусульманского населения. Как правило, девушек выдавали замуж в возрасте 12—15 лет. Браки допускались в основном внутри тупара. Родители предпочитали отдавать дочь близким родственникам, на сторону отдавали редко. Из-за бедности у люли часто практиковалось принятие зятя в дом родителей невесты (*куч куяв*), где он должен был отработать калым. Бедные семьи, которые были не в состоянии уплатить калым и нести непосильные свадебные расходы, договаривались между собой об обмене невестами, такие перекрестные браки назывались *қарчи-қудо*. Отдавая друг другу невест, такие семьи сообща справляли свадебный обряд.

Как правило, дети вступали в брак по воле родителей (главным образом отца). Но бывали случаи, когда девушка сама выбирала себе жениха и убегала к нему в дом. По сравнению с окружающим населением этот обычай у цыган был более распространен. Это свидетельствует о значительно большей свободе девушек и женщин в цыганской среде. Бывало, что из семьи убегали не только девушки, но и замужние женщины. Если девушка убегала в другую группу, то ее группа считала себя обиженной и не успокаивалась до тех пор, пока не уводила девушку или женщину из тупара обидчика.

Цыганская свадьба (*той*) в отличие от тоя местного населения празднуется очень шумно: мужчины, женщины и дети пируют вместе. Торжество сопровождается выступлением певцов, танцоров, музыкантов и разного рода состязаниями и играми (*кураш*, *кўпкари* и др.).

Обычно цыганские семьи были многодетны. В семье насчитывалось 5—6 и более детей. В прошлом положение детей в цыганской семье было весьма тяжелым. Женщины, уходя на сбор подаяния, брали с собой для помощи мальчиков, примерно 5—10 лет, от которых мусульманки еще не должны были прятать свое лицо, и девочек, которых надо было учить немудреному цыганскому ремеслу. Таким образом, дети с самого раннего возраста втягивались в тяжелую, унизительную, нищенскую жизнь. Оставшиеся дома маленькие дети были предоставлены самим себе. Голодные, грязные, они всегда с нетерпением ждали возвращения домой матери. Все детишки бегали босиком, а летом очень часто и совсем нагие. У люли детская смертность, пожалуй, была самой высокой в Средней Азии.

Все семейные обряды цыган, несомненно, были заимствованы

у окружающего местного населения, поэтому они существенно не отличались от семейных обрядов таджиков и узбеков. Главным отличием похоронных обрядов, на наш взгляд, является то, что люли часто устраивают себе поминки еще при жизни; этот обычай сохраняется и поныне, что весьма отрицательно влияет на семейный бюджет.

Одним из ярких показателей глубины изменений во всей жизни цыганского народа является современная цыганская семья и ее новый быт. Формирующим современную цыганскую семью фактором является полная возможность участия всех ее взрослых членов в общественно полезном труде, что навсегда избавило цыганских женщин от крайне унизительного занятия — сбора подаяний. Цыгане мужчины, благодаря советскому строю втянутые в общее русло жизни советских людей, научились трудиться и заботиться о семье, что не только коренным образом облегчило положение женщин, но и обеспечило материальный достаток семьи, улучшило семейный быт.

За годы Советской власти у люли сложились совершенно новые семейно-брачные отношения. Они нашли свое выражение в окончательном разложении старой патриархальной семьи, в утверждении права молодежи самой решать свою судьбу при вступлении в брак. Это привело к исчезновению неравных по возрасту и ранних браков, купли-продажи девушек, к утверждению единобрачной семьи в форме малой отдельной семьи. Материальной основой малой семьи является экономическая независимость молодежи. Работая на производстве, молодые супруги не только могут вполне обеспечить свою семью, но и оказать материальную поддержку родителям.

Коренные изменения произошли в положении цыганских детей. Теперь они одеты, обуты, сыты и находятся под постоянным надзором родителей, особенно матери. Многие дети цыган воспитываются в дошкольных детских учреждениях, дети школьного возраста охвачены школьным обучением. Они учатся в основном в таджикских школах.

Ленинская национальная политика, навсегда покончив с дискриминацией цыган, привела к укреплению их дружбы со всеми народами нашей страны. Бесспорным доказательством этому является все большее распространение у них смешанных браков. Например, только в одном Самарканде из 318 семей цыган (на 1.VIII 1973 г.) в 43 семьях одна сторона (муж или жена) — другой национальности. Примером могут служить семьи братьев Худайкуловых — Туракула, Мардона, Бобояра и Облакула. Туракул женат на узбечке Халиме, Мардон — на татарке Хадиче, Бобояр — на русской Валентине, а Облакул — на таджичке Хамроой. В каждой семье 4—5 детей, в некоторых появились уже и внуки.

Из общего числа 43 смешанных браков более половины (28) падает на браки, которые цыгане заключили с таджичками и

узбечками. Это вполне объяснимо. Ведь современный образ жизни цыган почти не отличается от образа жизни таджиков и узбеков. Это знаменует отмирание национальных предрассудков. Только в 1973 г. три девушки-таджички, работницы фабрики «Худжум», вышли замуж за цыган, тоже рабочих этой фабрики.

У среднеазиатских цыган все более утверждаются новые семейные обряды и традиции. К ним можно отнести обряд наречения имени ребенка, именины детей, *аскар-той* (торжество по случаю возвращения сына из армии) и т. д.

Необходимо особо подчеркнуть, что ныне почти во всех тоях и других семейных торжествах цыган люли, даже в похоронах и поминальных обрядах, участвует немало людей нецыганского происхождения. Узбеки и таджики, русские и украинцы, евреи и корейцы, армяне и татары, арабы и иранцы — представители различных национальностей СССР, живущие в одном квартале с цыганами или работающие в одном коллективе с ними, приходят к своим друзьям, чтобы разделить их радость или семейное горе.

Укреплению дружбы цыганской молодежи с представителями других народов во многом способствует их прибывание в рядах Советской Армии. В армии они не только изучают военное дело, но и проходят подлинную школу интернационализма и дружбы народов. Находясь в одной части с юношами других национальностей, постоянно общаясь с ними, они ближе узнают их, находят в лице однополчан своих истинных братьев. Служа в армии, цыганские юноши знакомятся с народами других районов нашей страны. Бывают случаи, когда солдат возвращается домой не один, а с невестой.

Рис. 2. Семья Очиловых

Служба в армии и учеба помогают юношам овладеть русским языком, к изучению которого среднеазиатские цыгане проявляют большой интерес. Характерно, что ныне не только молодежь, но и представители старшего поколения неплохо владеют русским языком. Все это способствует тому, что их словарный запас постоянно пополняется за счет русской и международной терминологии. Такие слова, как партия, Совет, социализм, коммунизм, завод, фабрика, колхоз, совхоз, машина, кино, театр, газета, журнал, приемник, телевизор, радио и т. п. не только прочно вошли в лексикон цыган, но и стали им вполне понятны и близки. Знание русского языка цыганами способствует их сближению с другими народами нашей страны. Немало помогают упрочению дружественных отношений цыганских юношей и девушек с молодежью других национальностей занятия спортом, участие в художественной самодеятельности и в различных кружках.

В прошлом цыгане были самым бесправным и отсталым, самым необеспеченным народом Средней Азии. Традиционное нищенство, бродячий образ жизни, неучастие значительной части мужчин в производительном труде пагубно сказывались на материально-бытовых условиях жизни люли. Основная масса их не имела даже крыши над головой, довольствовалась примитивным шатром из бязи (*чодир*, *соябон*), в лучшем случае землянкой или временным шалашом, построенным на окраине населенных пунктов.

Дома осевших бедных цыган в то время резко отличались от домов окружающего населения. Эти дома можно скорее назвать лачугами; они строились без соблюдения строгой планировки, были обычно маленькими, низкими. Возводились они на скорую руку, как времянки, самим хозяином из лессовой глины-пахсы, иногда из кирпича-сырца, так как из-за бедности обычно мастеров-строителей не приглашали. Дома ставились без фундамента. Пол был земляной, крыша плоская, без окон и тобаданов (фрамуга над дверью для доступа света) и тахманов (ниша для хранения мягких вещей). В домах цыганской бедноты полностью отсутствовала мебель, утварь была однообразна и ее было мало. Обычно в одном маленьком дворе жили десятки родственных семей. Две-три семьи располагались в одной-двух комнатах.

Питание люли было крайне скудным и однообразным. Главное место в пище занимал хлеб, который им самим не приходилось печь, они получали его как подаяние. В летнее время, соблюдая жестокую экономию, они сушили хлеб, скапливали на зиму или на черный день несколько мешков сухарей. Многие семьи могли готовить горячую пищу один раз в неделю, по базарным дням.

Ввиду крайней нищеты шить или покупать новую одежду цыганам удавалось очень редко. Они пользовались чужими обносками, получаемыми в виде подаяния. В целом одежда цыган, манера ее ношения, виды пищи и способы ее приготовления мало чем отличались от одежды и пищи узбеков и таджиков. Некоторые отличия имелись в женской одежде. Ее чертой являлась большая любовь цыганок к ярким расцветкам, необычным по пестроте и сочетанию цветов, а также к ношению всякого рода украшений.

Произошедшие после революции социалистические преобразования у народов Средней Азии коренным образом изменили экономическое положение и быт среднеазиатских цыган. Жилище, одежда и пища цыган теперь ничем не отличаются от материальной культуры окружающего узбекского и таджикского населения. Все цыганские семьи имеют в большей или меньшей степени благоустроенные дома. Они строятся теперь по заранее разработанным планам, с хорошим фундаментом, большими окнами, деревянным полом и потолком. Преобладает строительство кирпичных домов. Каждая семья располагается в отдельном дворе, в домах имеются несколько комнат, различные подсобные помещения. В современный быт цыган входят такие предметы культурно-бытового обихода, как радиоприемники, магнитофоны, электрические приборы, мебель, ковры и т. п., о которых в прошлом они не могли даже мечтать.

Изменения произошли и в одежде и пище цыган. Теперь одежду и обувь они покупают в магазинах или шьют на заказ. Значительно улучшилось питание цыган. Пища стала разнообразной. В рационе важную роль стало играть мясо, которое раньше употреблялось очень редко. Теперь в любой цыганской семье горячую пищу едят не менее двух раз в день (утром они, как и многие другие народы Средней Азии, все еще обходятся чаем), основное блюдо готовят к вечеру.

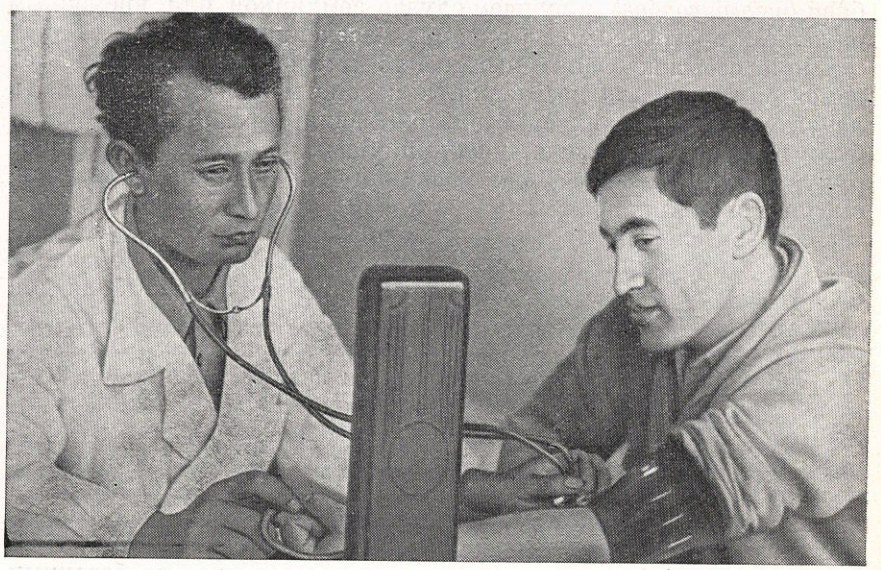

Рис. 3. Во время приема больных (г. Самарканд)

Таким образом, современный быт среднеазиатских цыган становится все более близким к быту узбеков и таджиков данной местности.

Культурная отсталость люли в прошлом объясняется специфичностью уклада их жизни, низким уровнем социально-экономического развития, разрозненностью и оторванностью от более развитых народов и культурных центров. Но, пожалуй, самой главной причиной культурной отсталости цыган была их крайняя бедность, отсутствие необходимых материальных условий жизни. Большинство люли, кроме посоха и мешка для сбора подаяний, ничего не имело. Цыгане постоянно бродили в поисках куска хлеба. Им было недоступно образование, они были поголовно неграмотными, не знали, что такое письменность.

С утверждением нового строя в нашей стране началось постепенное приобщение люли к современной культуре (рис. 3, 4, 5).

Как показывает исторический опыт, в этом важном деле решающую роль сыграли такие факторы, как интернациональное воспитание цыган, их оседание и трудоустройство, помощь братских народов. Только уничтожив дискриминацию цыган, обеспечив

Рис. 4. Семья рабочего (г. Самарканд)

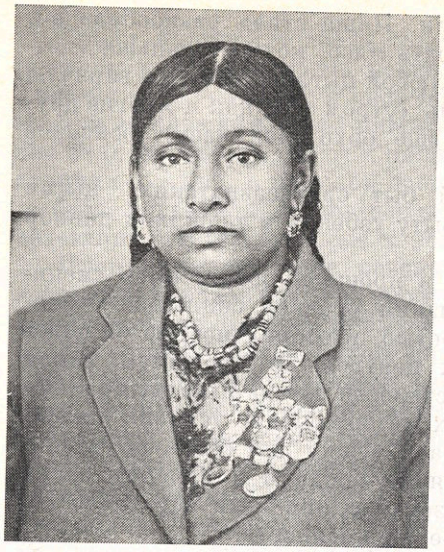

Рис. 5. Мать-героиня Таджи Юсупова (г. Самарканд)

их подлинное равноправие, покончив с их традиционным нищенством и бродяжничеством, переведя их к постоянной оседлости и вовлекая в трудовые коллективы, Советская власть смогла за сравнительно короткое время ликвидировать былую культурную отсталость цыган. Дети цыган охвачены учебой. Так, например, в шести городах Узбекской ССР (Ташкент, Самарканд, Бухара, Андижан, Коканд, Наманган), где проживает примерно 7500 человек этого населения, на начало 1973/74 учебного года в общеобразовательных школах обучалось свыше 1500 детей цыган. В Андижане насчитывается более 300 учащихся люли, из них около 30 человек — десятиклассники.

Советская власть подготовила немало кадров цыганской интеллигенции, ныне плодотворно работающей в различных отраслях народного хозяйства. Только в Самарканде имеется 23 цыгана — специалиста с законченным высшим образованием. Более 40 цыган специалистов высшей и средней квалификации живут и работают в Андижане.

Огромные перемены произошли в здравоохранении цыган, в быту, в их мировоззрении. Среди люли имеется много коммунистов и комсомольцев, их число неуклонно растет. Лишь среди цыган Самарканда на 1 августа 1973 г. насчитывалось 12 членов и кандидатов в члены КПСС и более 50 членов ВЛКСМ.

Таким образом, в настоящее время среднеазиатские цыгане стали равноправными членами дружной семьи народов Средней Азии и имеют все возможности для дальнейшего экономического и культурного развития; этническое же их развитие идет по пути постепенного сближения с окружающим таджикским и узбекским населением.

[1] Народы Средней Азии и Казахстана. М.: Изд-во АН СССР, 1963, т. II, с. 597. (Сер. «Народы мира»).

[2] Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. М.: Статистика, 1973, т. IV, с. 202.

[3] В настоящее время значительная их часть в силу быстро протекающих процессов естественной ассимиляции среди узбекского и таджикского населения (см. ниже), записала себя узбеками или таджиками.

[4] *Вилькинс А. И.* Среднеазиатская богема.— Изв. об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском ун-те, 1878, вып. XXXV, с. 436—461.

[5] *Гребенкин А. Д.* Мелкие народности Зеравшанского округа.— Русский Туркестан (М.), 1872, вып. II. с. 116—117.

[6] *Баранников А. П.* Цыгане СССР. М.: Центриздат, 1931.

[7] *Снесарев Г. П., Троицкая А. Л.* Среднеазиатские цыгане.— Народы Средней Азии и Казахстана, т. II, с. 597—609.

[8] «Лури», согласно толковым персидским словарям, то же, что и «ковули», т. е. одно из названий среднеазиатских цыган; другое значение этих терминов — «уличные певцы и нищие».

[9] *Миллер Б. В.* Персидско-русский словарь. М.: Гос. изд-во словарей, 1960, с. 442.

[10] *Minorsky V.* Lŭli. Encyclopádie des Islam. Leiden — Leipzig, 1936, Bd III, p. 41—43.

[11] *Оранский И. М.* Индоязычная этнографическая группа «афган» в Средней Азии.— СЭ, 1956, № 2; *Он же.* Новые сведения о секретных языках (арго) Средней Азии. Этнографическая группа «Кавол» в Кулябе и ее арго.— Краткие сообщения Ин-та народов Азии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961, вып. 40. Языкознание; *Он же.* Новые сведения о секретных языках (арго) Средней Азии, II. Материалы для изучения арго этнографической группы джуги (Гиссарская долина).— В кн.: Иранская филология: Труды научной конференции по иранской филологии (24—27 января 1962 г.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1964.

[12] Араб. мн. ч. от тадж. *муг*; употреблялось в древности по отношению к последователям зороастрийской религии, т. е. значило «язычник», «огнепоклонник».

[13] *Гурбат* — в переводе с арабского языка означает «одиночество», «безродственность», «чужестранность».

[14] Эта подгруппа носила название *маванг*, этимологию которого выяснить пока не удалось.

[15] Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г., т. IV, с. 202.

[16] *Оранский И. М.* Новые сведения...; и др. (см. сноску 11).

[17] *Баранников А. П.* Цыгане СССР, с. 27.

[18] Самаркандский облархив, ф. 4941, оп. 1, д. 158, л. 6.

[19] Там же, ф. 640, оп. 3, д. 19, л. 52.

[20] Правда Востока, 1965, 3 марта.

ОТРАЖЕНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ТРАДИЦИОННО-БЫТОВОЙ КУЛЬТУРЕ КУРДОВ АЗЕРБАЙДЖАНА И ТУРКМЕНИИ

Т. Ф. Аристова

Курды являются древним автохтонным населением территории, расположенной на стыке хребтов Малой Азии и Иранского нагорья. Здесь сосредоточена основная масса курдского населения общей численностью (по ориентировочным данным) 10—12 млн. человек.

За пределами этой территории сравнительно небольшие группы курдов живут в Сирии, Иране (Гилян, Хорасан), Афганистане, Пакистане (провинция Белуджистан) и в СССР.

В Советском Союзе, согласно переписи 1970 г., насчитывается 89 тыс. курдов, живущих главным образом в республиках Закавказья: в Армянской ССР — 37 486 человек, в Грузинской ССР — 20 690 человек и в Азербайджанской ССР — 5488 человек.

Сравнительно небольшая часть советских курдов проживает в республиках Средней Азии и в Казахстане: в Туркменской ССР — 2933 человек, в Киргизской ССР — 7974 человека, в Казахской ССР — 12 313 человек.

По языку курды относятся к ираноязычным народам (западная ветвь иранской группы языков). В настоящее время в курдском языке лингвисты выделяют два главных диалекта: курдманджи и сорани. Первый распространен среди курдов Турции, северо-западного и северо-восточного Ирана, Сирии и Советского Союза; второй диалект — в основном среди курдов Ирака и юго-западного Ирана.

По вероисповеданию основную массу среди курдов составляют мусульмане-сунниты толка ханыфи и шафии. Курдов-шиитов сравнительно мало, и живут они главным образом в Иране, частично — в Ираке. До сих пор мало изучены секты езидов, али-аллахов; почти ничего неизвестно о курдских сектах в Ираке, например таких, как кокэи, шабаки.

В прошлом среди курдов, живущих в нашей стране, выделялись две большие группы: курдов-езидов и курдов-мусульман. Первая преобладала в Армении и Грузии, вторая — в Азербайджане, а также в республиках Средней Азии и в Казахстане (мусульмане-шииты). Такое расселение не случайно, оно объясняется определенными историческими причинами; курды-езиды, пришедшие в Россию из Турции и Ирана в конце прошлого — на-

чале нашего столетия, создавали свои селения преимущественно вне мусульманской среды. Курды-мусульмане, придя в конце прошлого века в Закавказье и в Среднюю Азию из определенных регионов Передней Азии (юго-восточная Турция, северо-западный и северо-восточный Иран), обосновывались главным образом в Азербайджане и в Туркмении среди населения, исповедовавшего ислам, независимо от его языковой принадлежности, которая в данном случае не имела первостепенного значения.

Учитывая религиозную и языковую общность курдов Азербайджана и Туркмении, а также их общую прародину в северо-западном Иране, где исторически формировались общие и локальные традиционно-бытовые особенности их культуры, мы хотим проследить то этническое русло, по которому пошли в дальнейшем развитие и трансформация отдельных сторон национальной курдской культуры в новых местах их поселения [1].

В связи с тем, что из всех курдов, живущих в Средней Азии, туркменские являются наиболее ранними выходцами из Ирана, в данной работе мы отводим центральное место этнографической характеристике курдов Туркмении, сопоставляя и сравнивая их с курдами Азербайджана.

Как в Закавказье, так и в Средней Азии курды являются в основном жителями сельских районов [2].

Крупные родо-племенные и патронимические группы курдов переселились на территорию Закавказья и Средней Азии главным образом в последней четверти прошлого столетия [3].

Значительные группы — предки нынешних закавказских курдов — мигрировали из Турции и Ирана в Закавказье на протяжении XIX в. несколькими волнами (1813, 1828, 1856, 1877—1878 гг.). Курдские селения создавались сначала обособленно на свободных землях, годных для ведения хозяйства. Однако во второй половине XX в. в Азербайджанской ССР имелось уже немало смешанных в национальном отношении селений. Часть из них была основана в начале нашего столетия. Среди таких селений преобладали азербайджано-курдские (например, в Кубатлинском и Зангеланском районах).

Первые, в основном изолированные от других народов курдские поселения в Азербайджане создавались преимущественно в горах. Это были, например: Нижний Шуртан, Оруджлу, Агджакенд — Кельбаджарского р-на; Бозлу, Камаллы, Мирик — Лачинского р-на и др. В 1920-х годах отдельные группы курдов-мусульман из Азербайджана переселились в Армению, в те районы, в которых имелись либо старые, покинутые селения, либо деревни, населенные азербайджанцами (например, в Басаргечарском и бывшем Зангибисарском районах). Этот факт вероятно был обусловлен известным тяготением друг к другу мусульманского населения Закавказья вследствие близости тех сторон его традиционной культуры, в которых больше всего проявлялось влияние ислама.

Новая большая миграционная волна курдского населения в Закавказье приходится на период первой мировой войны. Опять-таки характерно то, что курды-мусульмане заселяли главным образом Азербайджан, а курды-езиды — Армению и Грузию [4]. Таким образом, исторически в Закавказье сложились две группы курдского населения. В основе этого деления лежал главным образом религиозный признак; одна группа — курды-мусульмане в Азербайджане, частично в Армении, и другая группа — курды-езиды в Армении и Грузии.

Предки нынешних туркменских курдов появились на территории Туркмении в конце XIX в. из северо-восточной части Ирана. В Иране их поселения размещались в пределах Дерегезского, Родканского, Кучанского, Боджнурдского и Келатского ханств. В северо-восточные районы Ирана курды были переселены в основном из Иранского Азербайджана и некоторых районов Иранского Курдистана, т. е. из северо-западного и западного Ирана во время правления шаха Аббаса I (1571—1629) [5]. Правда, в литературе существует упоминание и о более раннем (X в.) появлении в Хорасане отдельных курдских племен [6].

Первоначально в Хорасане было создано пять курдских владений на полосе от Астрабада до Чинарана [7]. В полунезависимых Кучанском, Боджнурдском, Дерегезском, Келатском, Родканском и других ханствах в конце XIX в. создавались курдские поселения, как обособленные, так и смешанные в этническом отношении. В начале нашего столетия в Хорасане встречались селения, в которых жили курды и тюрки [8]. При этом отметим, что в старой литературе тюркоязычное население Передней Азии, в том числе и Хорасана, различными авторами называлось поразному: азербайджанцы, тюрки, турки [9], а азербайджанцев называли и татарами, и тюрками. В Хорасане тюркоязычное население появилось еще в конце I тысячелетия н. э., а в средние века известными тюркоязычными группами были племена афшаров и туркмен. В Хорасане жили также таты и коренное персидское население. На пограничных с Туркменистаном территориях, кроме того, жили арабы, белуджи, цыгане [10]. Однако курды здесь составляли большинство, и нередко все население именовалось курдским, а данная территория называлась Хорасанским Курдистаном. Наиболее крупными курдскими владениями к началу XX в. являлись Боджнурд, Кучан и Дерегез.

О времени появления курдов в Туркмении точных данных пока нет. В 1893 г. (в период установления государственной границы между Персией и Россией) среди населения Закаспийской области курды не значились. Однако можно предполагать, что в Туркмении курды появились и расселились в пограничных с Ираном районах гораздо раньше XIX в. Занимаясь в Хорасане в основном кочевым скотоводством, они зимой уходили со стадами на северные склоны Копет-Дага, т. е. оказывались на территории Туркменистана, а летом возвращались в Иран.

В конце XIX в. некоторые курдские родовые объединения, жившие в хорасанских селениях Сиспар, Кюркон, Рабат, Мальян, Шамхан, Меланжир и др., в поисках удобных мест для занятия земледелием перешли в пределы Туркмении. Кроме того, много курдов перешло в Туркмению, спасаясь от голода в «саранчовый год» (1925 г.) [11]. Пришедшие в Туркмению в тот период курды и хорасанские тюрки селились на свободных землях обособленно от туркмен. Такими первыми селениями курдов были Алибег, Гиндовар, Сюлюкли, Каламга, Маныш, Таза-Хисар в горах на юге и юго-западе от Ашхабада.

Курдов Азербайджана и курдов Туркмении, имевших в прошлом общую прародину, первоначально объединяла общность религии, языка, самосознания и самоназвания, а также отдельных элементов традиционно-бытовой культуры. Однако постепенно они стали утрачивать свою первоначальную общность в силу того, что эти группы исторически оказались в различной этнокультурной среде со своими этническими особенностями и протекающими здесь сложными этническими процессами [12]. Процессы этнического взаимодействия курдов с окружающим населением происходили еще в Иране. В Хорасане и в Иранском Азербайджане курдское население находилось в тесных историко-культурных контактах в основном с тюркоязычными народами. Из тюркоязычных народов этнографически более близко примыкала к курдам группа, называвшая себя *тюрк*. Представители этой группы нередко жили в одних селениях с курдами. В результате такого расселения некоторая часть хорасанских курдов, сохраняя в быту курдский язык, постепенно становилась тюркоязычной, а их официальным языком являлся персидский [13].

В литературе имеется также немало сведений о межнациональных связях и этноязыковых контактах курдов северо-западного Ирана, и особенно Иранского Азербайджана, т. е. курдов, обитавших в основном среди турецко-азербайджанского населения [14]. Таким образом, процессы этнического сближения, в частности языковые контакты, имели место еще в конце прошлого столетия между курдским и тюркским населением как северо-западного, так и северо-восточного Ирана. Но эти процессы не ограничивались только языковыми контактами. Они наблюдались в известной степени и в материальной культуре, что особенно ярко прослеживается при изучении, например, отдельных элементов курдской традиционной одежды, комплекс которой сохраняется до наших дней. Начавшись на местах прежнего обитания курдов, эти процессы продолжались и в дореволюционном Закавказье и Средней Азии среди переселившегося из Ирана курдского населения.

За время пребывания в Закавказье и в Средней Азии курдское население, хотя и крайне медленно, стало сближаться с более крупными народами: азербайджанцами — в Азербайджане, туркменами — в Туркмении.

Этим процессам на первых порах весьма активно способствовала религиозная общность, а затем этноязыковые контакты курдского населения Азербайджана с азербайджанцами и курдского населения Туркмении с туркменами [15].

В настоящее время влияние религии на процессы сближения этих народов не столь велико, как раньше. Существенную роль в процессах этнического сближения играет язык.

Языком общения вне семьи у курдов Азербайджана является азербайджанский. Старшее поколение в быту сохраняет родной курдский язык. Молодое поколение, кроме курдского, знает азербайджанский и русский языки.

Курдское и тюркское население Туркмении двух- и трехъязычное. Помимо родного языка, они владеют туркменским и русским. В семьях курды и тюрки старшего поколения разговаривают на родном языке, а молодежь говорит по-туркменски.

Этническое самосознание советских курдов весьма четко выражается в их самоназвании: курд, курмандж. Представители старшего поколения — выходцы из Ирана или Турции — нередко отождествляли свое самоназвание с религиозной принадлежностью, называя себя прежде всего мусульманами (в Азербайджане) или езидами (в Армении и Грузии), иногда добавляя слово «курд». Стойко сохраняя в прошлом этнографические особенности, многие курды придавали большое значение этнониму, связанному с религиозной принадлежностью. Со временем же, при некотором размывании ряда этнографических особенностей более живучим стало самосознание и самоназвание, в основе которого лежал не религиозный, а территориальный и позже — языковый принцип. В 40—50-х годах XX в. в Азербайджане старшее поколение курдов называло себя азербайджанцами или аджамцами, имея в виду, что они жители Азербайджана или выходцы из Аджама [16].

В Туркмении старшее поколение курдов называло себя этнонимами *курд*, *курмандж*. Небезынтересно отметить, что туркмены называют этим же этнонимом не только курдов, но и близкую к курдам антропологически и этнографически, уже упоминавшуюся тюркоязычную группу *тюрк*. Эта группа, хотя этнографически мало отлична от курдов Туркмении, тем не менее стойко сохраняет свое самоназвание. Представители этой группы территориально размещаются в основном в селениях Фирюза, Гермаб (Каахкинский р-н). Во время Всесоюзной переписи 1959 г. представители этнографической группы тюрк отнесли себя к курдам, хотя по происхождению и языку они отличают себя от курдов и говорят на тюркском языке, близком к туркменскому.

К настоящему времени некоторая часть курдов Азербайджана и Туркмении стала называть себя «азербайджанцами» (для Азербайджана) или «туркменами» (для Туркмении), но это главным образом молодое поколение, говорящее по-азербайджански (или по-туркменски) и считающее один из названных языков своим родным.

По данным Всесоюзной переписи 1970 г., среди курдского населения Азербайджана родным языком назвали курдский 4181 человек, азербайджанский язык — 1222 человека. В Туркмении курдский язык считают родным 1727 человек, туркменский — 895 человек.

Этнические процессы, происходящие в среде азербайджанских и туркменских курдов, можно наглядно проследить и при изучении отдельных элементов материальной культуры.

В прошлом основным жилищем курдов Туркмении и Азербайджана были землянки и полуземлянки с куполообразным перекрытием, а в Азербайджане еще в 20—30-х годах XX в. встречались жилища типа пещер [17]. В долинах и в предгорных районах курдское население жило в глинобитных домах с плоской крышей. В Азербайджане также имело распространение жилище каркасного типа, построенное из необработанного камня. Такие дома располагались в виде ярусов, они имеют аналогии в жилище народов Северного Кавказа, Дагестана [18] и у курдов северного Ирака [19].

Типичный курдский дом (*мал*, *хани*) состоял из одного или нескольких помещений: комната, в которой пекли хлеб, обедали и спали (*мала тандурэ-хани*), кладовая для продуктов (*килар*), овчарня (*гом*), конюшня и хлев для крупного рогатого скота (*тавлэ*). Двери всех этих помещений открывались в общий коридор (*сэвдар*). Очень часто скот находился в одном помещении с людьми, так как дом состоял только из одного помещения. Окон курдский дом, как правило, не имел. Роль окна выполняло отверстие (*колэк*), находившееся обычно в центре куполообразной крыши. Через это отверстие выходил дым из очага (*тандур*), находившегося в земляном полу в жилой части дома. Внутри дома ставились деревянные столбы (*стун*), поддерживавшие потолочное перекрытие. Количество столбов зависело от размеров помещения. Состоятельные семьи жили в многокомнатных, просторных домах.

В такое жилище можно было проникнуть через низкую деревянную одностворчатую дверь, являвшуюся общим входом как для людей, так и для скота. Входная дверь домов курдов-мусульман выходила обычно в сторону Мекки и Медины.

Жилище курдов Туркмении так же, как и у азербайджанских курдов, представляло собой либо полуземлянку (*сум*), либо глинобитный дом (*хани*), имевший обычно одну жилую комнату (*хоне*, *ой*). Потолочное перекрытие, состоявшее из четного числа поперечных балок, поддерживалось двумя-тремя столбами (*куттак*). Сверху потолок был покрыт камышом, утрамбованной землей и смазан глиной. В стенах делались небольшие отверстия (*кун*), служившие окнами. В отличие от жилища азербайджанских курдов в жилище туркменских курдов не было очага в земляном полу. Зимой роль очага играла печь (*бухари*)— подобие камина. В ней хозяйки варили пищу, пекли хлеб.

Еще сравнительно недавно жилые и хозяйственные помещения закавказские курды так же, как многие азербайджанцы и армяне, строили таким образом, чтобы они составляли единый комплекс построек под одной кровлей. У зажиточных туркменских курдов кладовая и помещение для скота строились под отдельными крышами, но располагались в один ряд, чаще — под прямым углом к жилой части дома. Хозяйственные помещения у туркменского населения в отличие от курдских традиций располагались около дома, во дворе.[1]

В настоящее время большинство современных домов курдов Азербайджана и Туркмении мало чем отличаются друг от друга. Некоторое этническое своеобразие сохраняется в планировке и интерьере, во внутреннем убранстве и расположении вещей, в хозяйственной утвари. Так, у курдов Азербайджана и Туркмении дома никогда не делились на женскую и мужскую половины, как это было в прошлом у многих народов, исповедовавших ислам. Отсутствие в курдском доме специального помещения для женщин отражало многовековые традиции народа, в частности его уважительное отношение к женщине и ее сравнительно равноправное положение. История курдского народа хранит память о многочисленных подвигах курдских женщин, защищавших с оружием в руках, верхом на коне честь своего племени, рода. Не случайно в прошлом сыновья курдянки, отличавшейся умом, мужеством и храбростью, получали ее имя, а не отца.

Для традиционного курдского жилища также характерно наличие шатра (*кон*, *чадыр*, *решмал*), по конструкции, форме и внутренней планировке ничего общего не имеющего ни с азербайджанским шатром, ни с туркменской юртой. Еще сравнительно недавно курды могли рядом с новым современным домом раскинуть традиционный шатер. Некоторые семьи за неимением шатра ставили обычную палатку. Основным покрытием (обычно без конька) курдского шатра являлось, как правило, черное полотнище из овечьей шерсти, поддерживаемое длинными жердями, вбитыми в землю. Верхние концы жердей прикреплялись веревками к колышкам, вбитым в землю на некотором расстоянии от шатра. Полотнище шатра обычно у входа и с боковых сторон примерно на полметра не достигало земли. Это пространство курды закрывали самодельными камышовыми ширмами (*чит*, *чих*), переплетенными разноцветными шерстяными нитками.

В жарких местах Кубатлинского, Зангеланского районов Азербайджана курды, как и азербайджанцы, строили временные летние помосты, где семья днем отдыхала, а ночью устраивалась на ночлег.

Из традиционных элементов курдской культуры прочно сохраняется женская одежда. Национальный курдский костюм женщин в Азербайджане так же, как и в Армении, состоит из шаровар (*хавалкрас*), рубахи (*крас*), жилета (*элак*), короткой кофты (*котви*), юбки или широких штанов (*туман*, *навдера*),

фартука (*двштук*), нарукавников (*давзанг*), шерстяного вязаного пояса (*бане пэште*), головного убора и платков, шерстяных вязаных чулок (*горэ*). Обувь покупная, фабричного производства [20].

Комплекс национальной женской одежды курдов Туркмении включает: широкие штаны (*шыльваре бинэ*, *кодаи шыльвар*), рубаху (*крос*), юбку (*шыльваре сар*, *чит шыльвар*), короткую кофту (*кулла*, *кулладжа*), шапочку (*кум*, *культа*), различные головные платки (*кавн*, *чаршав*, *шал*), носки или чулки и фабричную обувь [21].

Таким образом, для одежды курдских женщин из Азербайджана и Туркмении общим элементом являются очень широкие штаны, похожие на юбку, сшитые из восьми — десяти метров легкой материи; в талии штаны собраны в густую сборку и складками спускаются до щиколоток. Поверх штанов курдские женщины обычно надевают юбку, также очень широкую, собранную в талии в сборку [22]. В одежде курдских женщин Азербайджана и Туркмении сходство прослеживается в шитье и ношении короткой верхней плечевой одежды типа кофты с длинными рукавами, обычно из яркого однотонного плюша или бархата. Ворот, полы и манжеты кофты обшиты шнуром или шелковой тесьмой. Некоторую трансформацию претерпела курдская женская рубаха (*крас*, *крос*). Несмотря на то что ее название осталось неизменным, покрой, длина, орнамент вышивки на вороте и груди уже́ имеют региональные особенности. Что касается фартука, то эта деталь одежды, очень распространенная среди всех курдских женщин в Закавказье,

Рис. 1. Курдские женщины в национальной одежде

совершенно не характерна для комплекса курдской одежды в Туркмении и, по-видимому, имеет в настоящее время строго региональное бытование только среди курдских женщин, живущих в Закавказье. В одежде некоторых женщин, живущих в городах или селениях в соседстве с азербайджанцами, встречаются элементы и отдельные детали национальной азербайджанской одежды, сходные в прошлом с курдской не только по покрою, но и по материалу (парча, бархат, тонкая шерсть, шелк) [23]. Общими с азербайджанскими элементами являются: верхняя плечевая короткая одежда — (*архалыг*), жилетка (*кырду*); нижняя поясная: широкие штаны (*джютбалат*) и юбки (*джюттуман*).

Часть курдских женщин в Туркмении, особенно в городах и в крупных населенных пунктах, носит национальный туркменский костюм или одевается по-городскому. Иногда свой национальный костюм курдянки дополняют элементами туркменского женского костюма. Это, например, кожаные туфли на высокой подошве, но с закрытым носом, без задника, называемые по-туркменски *ковуш*; некоторые виды головных платков; вышивка на рукавах рубахи и т. д.

У курдянок Азербайджана, а также и у женского курдского населения Туркмении имеются, как мы отмечали выше, широкие штаны (*шыльваре бине*, *кодаи шыльвар*, *шыльваре туман*), похожие на очень широкую юбку. Такие юбки носили и носят не только курдские женщины Иранского Азербайджана и вообще северо-западного Ирана, но и азербайджанки, что свидетельствует о длительных этногенетических связях этих народов [24].

Мужской национальный курдский костюм в Азербайджане и в Туркмении вышел из обихода, и в настоящее время курды мужчины носят обычный костюм городского типа. Правда, еще в 50-х годах нашего столетия в высокогорных районах Азербайджана старые и пожилые мужчины носили различные головные уборы в виде папах и небольших белых бязевых платков. Папахи общекавказского типа — характерный элемент не только курдской и азербайджанской национальной одежды, но и одежды других народов Кавказа: армян, грузин, осетин, чеченцев, ингушей и т. д.

Среди пожилых курдов Туркмении, как и у туркмен, распространение имели шапки типа кавказской кубанки, с каракулевым околышем и бархатным верхом [25].

Из традиционной утвари в быту сохраняется то, что необходимо для приготовления пищи на большие по численности семьи. Курдские семьи обычно велики по составу. Из старинной утвари живучи всякого рода большие медные котлы (*ситэл*, *бэрош*), медные кувшины для ношения воды, глиняные одноручные или двуручные кувшины (*диз*, *куп*) для хранения мясо-молочных продуктов и т. д. Однако в настоящее время у курдов Азербайджана даже эта традиционная утварь заменяется общераспространенной посудой фабричного производства, население приобретает больше

чайные сервизы, чайники, вилки и ножи, т. е. то, что не было свойственно народному быту.

У курдов Туркмении старинная утварь значительно раньше вытеснялась национальной туркменской, а также покупной фарфоровой и эмалированной посудой, как кухонной, так и чайной, имеющей широкое распространение и среди туркменского сельского и особенно городского населения.

Представляет интерес деревянная утварь курдов. Это прежде всего маслобойки (*сэрсум*) в форме бочонка [26]. Такой формы маслобойки были распространены и продолжают бытовать у курдов Закавказья так же, как и у азербайджанцев, армян, отчасти и у грузин.

Из традиционной утвари для сбивания масла особенно распространена была *мэшк* — обработанная баранья шкура, характерная для быта кочевых народов. У курдов Туркмении наряду с маслобойкой *мэшк*, существовавшей в 20—30-е годы, применялась еще деревянная маслобойка *яик*, представляющая собой узкий высокий сосуд. Подобного типа маслобойки встречались и у туркмен.

К традиционной утвари, сделанной из кожи, следует отнести скатерть, которой азербайджанские и туркменские курды пользовались во время приема пищи, расстелив ее на полу или на земле. Такие же скатерти применялись в быту туркмен.

Некоторые виды старинной утвари, например медные безручные или одноручные котлы для приготовления пищи, а также медные и глиняные сосуды для ношения воды были известны не только населению Азербайджана, но и Грузии, Армении и даже Дагестана. Таким образом, эта посуда имела распространение по всему Кавказу (рис. 2).

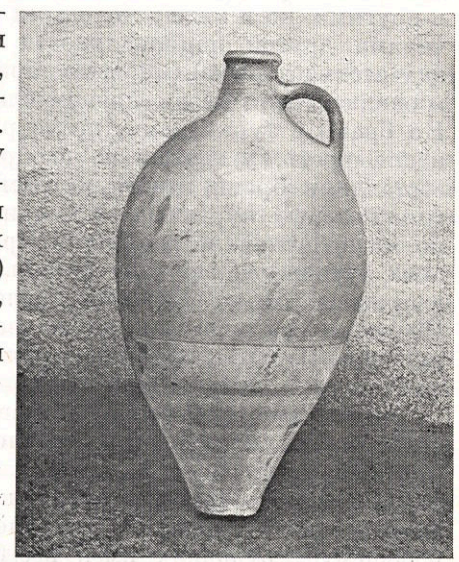

Рис. 2. Традиционный кувшин

Из традиционной пищи у азербайджанских курдов сохраняются: приготовление лапши (*аришта*), сухих творожных шариков (*кяшк*), плова (*пилау*) из риса с мясом или курицей, некоторых видов молочных национальных блюд. Большим распространением у всех курдов, особенно у закавказских, так же как и среди азербайджанского, армянского и грузинского сельского населения, пользуется *лаваш* — хлеб домашней выпечки в очаге — тандуре, а у туркменских курдов — пшеничные слоеные лепешки с

маслом и медом (*фатир маска*). Из общекавказских блюд популярны: шашлык, люля-кебаб, каши из вареной и дробленой пшеницы и др. У курдов Туркмении вошли в быт туркменские лепешки (*чурек*), заквашенное верблюжье молоко, зеленый чай, плов, приготовленный по-туркменски.

У всех советских курдов все больше включаются в пищевой рацион русские блюда: всякого рода супы, особенно щи, борщи, макароны, котлеты, винегреты и салаты [27], всевозможные печения и кондитерские изделия.

Семейные обычаи и семейная обрядность у курдов независимо от места их проживания (если не считать общемусульманских элементов) до сих пор отличаются большим своеобразием. Преобладают малые моногамные семьи; встречаются еще неразделенные семьи, а также семьи, в которых женатые братья живут в разных домах, но питаются совместно. Из форм брака пережиточно сохраняются кузенный, обменный, левиративный. Из досвадебных, свадебных и послесвадебных обычаев постепенно отмирает то, что было тесно связано с религиозными верованиями. Уходят в прошлое также традиционные обычаи люлечного обручения, умыкания, проверки целомудрия девушки и др. Правда, у азербайджанских курдов, как и у азербайджанцев и некоторых других народов Кавказа, пережиточно еще сохраняется обычай избегания, но в этнически смешанных семьях и среди молодого, в основном городского населения эти обычаи изживаются.

Наблюдается увеличение числа браков не только между курдами и азербайджанками, армянками, туркменками, русскими и другими, но и между молодыми курдскими женщинами и мужчинами другой национальности (хотя эти браки встречаются значительно реже). Прежде браки с азербайжданками, если и заключались, то в основном благодаря религиозной общности. Но браки с туркменами, несмотря на общую религиозную принадлежность, у курдов не одобрялись. Некоторые исключения составляли браки между курдами и туркменами племени *анаули*, которых курды по этой причине называли родственниками по материнской линии (*даи*). При заключении брака у советских курдов уже нет того социально-классового подхода, который в прошлом играл далеко не последнюю роль в выборе невесты. Несмотря на наличие множества общих черт, в семейной обрядности курдов и сегодня наблюдается региональная специфика [28].

Этнические процессы нашли свое выражение и в обычае наречения имени. У курдов в прошлом имели распространение как собственно курдские имена, так и общемусульманские. За последние десятилетия у азербайджанских, как и у всех закавказских курдов, наряду с сохранением традиционных курдских и общемусульманских имен все более создаются новые именные сочетания. В этих сочетаниях имеются отчества и фамилии. Такие образования мы делим на две категории: первая включает

курдские фамилии, оканчивающиеся на *-ов*, *-ев*; вторая — включает фамилии с окончанием *-ян*.

Примером фамилий первой категории могут служить фамилии, образованные от курдских мужских имен по типу русских: Шароев (от Шаро), Ходоев (от Ходо), Броев (от Бро). Примером фамилий второй категории могут служить имена и фамилии, восходящие к курдским мужским полным именам: Бахчое Усоян (от Бахчое Усо).

У курдов Азербайджана преобладают мусульманские имена, мало отличающиеся от азербайджанских, а у курдов Туркмении часто встречаются туркменские и русские имена.

В целом, если говорить о современных этнических процессах, прослеживаемых в культуре курдов Азербайджана и Туркмении, то они имеют не только особенное, но и общее. Общее заключается в том, что курдская традиционно-бытовая культура под воздействием культуры более крупных советских наций впитывает лучшие черты азербайджанской и туркменской культур. Одновременно происходит обогащение азербайджанской и туркменской культур лучшими чертами курдской культуры (например, отдельные курдские орнаменты на туркменских и азербайджанских коврах, переметных сумках, темпераментные курдские танцы и т. д.). Однако наряду с сохранением традиционной специфики культура азербайджанских курдов в отличие от туркменских содержит немало общекавказских элементов (например, типы жилища, некоторые виды утвари, некоторые семейные обычаи).

*

Рассмотренные аспекты традиционно-бытовой культуры курдов Азербайджана и Туркмении позволяют сделать следующие выводы.

1. Этнические контакты курдов с соседними народами имели свои глубокие корни еще на общей прародине современных групп курдского населения нашей страны (Иранский Азербайджан, отдельные районы северо-западного Ирана), где, в частности, наблюдались этноязыковые контакты ираноязычного курдского населения с тюркоязычным. Важным звеном, связывавшим эти разноязычные группы, являлась их религиозная общность. Не случайно миграционные потоки курдов-мусульман Ирана направлялись именно в дореволюционный Азербайджан (а не в Армению или Грузию).

2. В дальнейшем этнические процессы усилились в связи с особенностями расселения, языковыми и этнокультурными контактами курдов в основном с тюркоязычным населением, в том числе с туркменами Хорасана.

3. Процессы этнического взаимодействия в курдской культуре, начавшись в северо-западном Иране, в дальнейшем протекали в различных исторических, географических, демографических,

этнических руслах. Так, для этнических процессов в культуре азербайджанских курдов можно наметить три этапа (процессы, протекавшие в Иранском Азербайджане, дореволюционном Азербайджане и Советском Азербайджане), в то время как для этнических процессов у туркменских курдов выделяются четыре этапа (процессы, протекавшие в северо-западном Иране, северо-восточном Иране, дореволюционной Туркмении и Советской Туркмении).

4. Наиболее давние и тесные этнические контакты курды имели с окружающим их численно преобладающим тюркоязычным мусульманским населением: на определенном историческом этапе вероисповедание играло далеко не второстепенную роль, а разноязычие не служило непреодолимой преградой к общению и смешению населения.

5. В дореволюционных, а впоследствии в Советских Азербайджане и Туркмении традиционно-бытовая культура этих групп курдского населения претерпевала дальнейшую трансформацию под воздействием азербайджанской, туркменской и общесоветской культур, сохраняя в то же время свою специфику. Но эти процессы в культуре азербайджанских и туркменских курдов не были тождественными и однотипными. Так, традиционная курдская культура в Азербайджане наряду с азербайджанскими элементами

Рис. 3. Курды в национальной одежде (северо-восточный Иран)

впитала немало элементов, имеющих общекавказскую основу. Курдская культура в Туркмении пока еще ограничивается в основном восприятием элементов туркменской культуры.

6. В курдской культуре встречаются элементы, характерные не только для традиционной культуры советских туркмен или азербайджанцев, но и для туркмен северо-восточного Ирана и азербайджанцев северо-западного Ирана (рис. 3, 4). Поэтому сходство отдельных элементов культуры (шапка типа «кавказской» кубанки, женская жилетка, юбка-штаны и т. д.) следует объяснять не только поздними заимствованиями, но и известной этногенетической общностью традиционных элементов культуры советских и переднеазиатских туркмен, азербайджанцев и других народов.

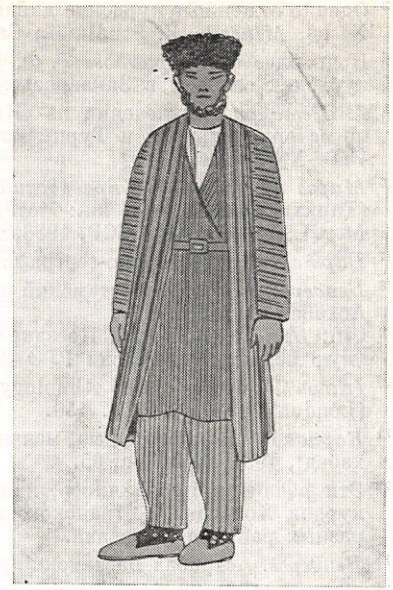

Рис. 4. Туркмен в национальной одежде (северо-восточный Иран, Хорасан)

7. Этнические процессы, ведущие к сближению относительно небольших групп курдского населения СССР с более крупными народами, не являются одномоментным и односторонним явлением, наблюдается и обратное восприятие некоторых элементов курдской культуры соседними народами. Все это должно стать объектом дальнейших, детальных исследований советских этнографов.

[1] При этом мы пользуемся своим полевым материалом, собранным у курдов Закавказья в течение ряда лет, особенно в 1951, 1959, 1963, 1974, гг., а также материалом, полученным в результате экспедиции к курдам Туркмении в 1962 г. В Азербайджанской ССР нами проводилась работа в Кельбаджарском, Лачинском, Кубатлинском, Зангеланском районах; в Туркмении — в Ашхабадском, Геок-Тепинском районах.

Основная часть материалов экспедиций и одиночных поездок к закавказским курдам опубликована в нашей монографии (Курды Закавказья. М.: Наука, 1966).

На материале, полученном в Туркменской ССР, также опубликован ряд работ, в том числе статьи: *Аристова Т. Ф., Васильева Г. П.* Об этнических процессах на территории Южной Туркмении.— СЭ, 1964, № 5, с. 17—30; *Аристова Т. Ф., Мамеднаваров А.* Курды.— В кн.: Народы Средней Азии и Казахстана. М.: Изд-во АН СССР, 1963, т. II, с. 649—661. (Сер. «Народы мира»).

[2] Некоторое исключение составляют курды Грузинской ССР, где большая их часть живет в городах и в основном в Тбилиси.

[3] Однако отдельные курдские династии известны в Закавказье еще в X—XI вв. *Minorsky V.* Studies in Caucasian history. London, 1953.

[4] Подробнее см.: *Аристова Т. Ф.* Из истории возникновения современных курдских селений в Закавказье.— СЭ, 1962, № 2, с. 20—30.

[5] *Ал-Истахри.* Извлечения из «Китаб месалик ал-мемалик».— Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939, т. 1, VII—XV вв., с. 175.

[6] *Мирза Мехди-хан Астрабадский.* Извлечения из «Истории Надир-шаха» (Тарихи-Надири) — В кн.: Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938, т. 2. XVI—XIX вв., с. 137.

[7] *Бартольд В.* Историко-географический обзор Ирана. СПб., 1903, с. 62.

[8] *Бендерев.* Астрабад-Бастамский район Персии. Поездки по району в 1902 г. Асхабад, 1904, с. 177.

[9] См.: *Никольский А. М.* Поездка в северо-восточную Персию и Закаспийскую область.— Записки РГО (СПб.), 1886, т. XV, № 7, с. 10.

[10] *Ivanow W.* Notes of the ethnology of Khorasan.— The Geographical Journal (London), 1926, N 2, p. 150.

[11] *Карпов Г.* Национальные меньшинства ТССР.— Туркменоведение (Ашхабад), 1931, № 3/4, с. 65.

[12] Эти различия проявлялись, например, в элементах одежды не только у курдов Хорасана и Иранского Азербайджана, но и в одежде курдов из разных районов Хорасана.

[13] *Бендерев.* Астрабад-Бастамский район..., с. 177—178.

[14] *Wagner M.* Reise nach Persien und dem Lande der Kurden. Leipzig, 1852, Bd. 2, S. 223.

[15] Интересно заметить, что курды Армении (в том числе мусульмане) и Грузии этнографически почти не сближаются с армянами и грузинами), и это можно объяснить все еще сохраняющейся большой изолированностью и замкнутостью быта езидов. В то же время в языковом отношении курды Армении и Грузии двуязычны и даже трехъязычны: кроме курдского, армянского или грузинского языков, многие, особенно молодое поколение, знают еще русский язык.

[16] Следует заметить, что старшее поколение курдов-езидов Армении и Грузии никогда не называло себя «армянами» или «грузинами».

[17] *Алекперов А.* К вопросу об изучении культуры курдов.— Труды Азербайджанского ФАН СССР (Баку), 1963, вып. 25, с. 47—50.

[18] *Габиев Д.-М. С.* Эволюция лакского жилища (XVIII—XX в.) — КЭС, 1969, вып. 4, с. 147—182.

[19] *Шакер Хасбак.* Курды, географическое и этнографическое изучение. Багдад, 1972 (на араб. яз.); *Маджид Хамид Али Ариф.* Этнография курдов Сулеймании (Ирак): Автореф. канд. дис. М., 1976, с. 12.

[20] Подробнее описание каждого элемента одежды см.: *Аристова Т. Ф.* Поездка к курдам Закавказья.— СЭ, 1958, № 6, с. 140—143.

[21] Подробнее см.: *Аристова Т. Ф., Мамедназаров А.* Курды, с. 656—659.

[22] Пожилые женщины из группы *тюрк* вместо штанов и юбки надевали широкие простеганные штаны на подкладке (*потча, балах*), сшитые из трех кусков ткани разного цвета. Под рубахой обычно была скрыта верхняя полоса; ее делали любого цвета. Среднюю полосу шили из материи только красного цвета, а нижнюю — из той же ткани, но обязательно черного цвета.

[23] Это не случайно, так как в прошлом материал для шитья одежды и курды, и азербайджанцы покупали в Азербайджане, Иране и Турции.

[24] В то же время следует отметить, что курдам-езидам Армении и Грузии не свойственно ношение такой одежды. Они объясняют это тем, что *шильваре бэне* носят только мусульманские женщины.

Следует отметить, что такая же шапка хорошо известна туркменам и курдам, живущим в северо-восточном Иране, и поэтому существующее в нашей литературе мнение о бытовании этого головного убора в Туркменской ССР, благодаря завозу его с Кавказа, желательно было бы дополнительно уточнить.

[26] Подробнее см.: *Аристова Т. Ф.*, Курды Закавказья. М.: Наука, 1966, с. 139—140.

[27] Салаты и вообще все, что связано с капустой и овощеводством, в прошлом употреблялось только в быту курдов-мусульман. Курды-езиды, согласно религиозным запретам, обычно избегали иметь дело с овощами, особенно с капустой.

[28] Подробнее см.: *Мамедназаров А.* Свадебные обряды курдов Туркмении.— Изв. АН Турк. ССР. Сер. обществ. наук (Ашхабад), 1963, № 1, с. 40—51; *Амине Авдал.* Быт курдов Закавказья. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1957. (на арм. яз.).

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГРУППЫ ИРОНИ В УЗБЕКИСТАНЕ

Ф. Д. Люшкевич

Ирони — этноним группы, которую по характеру сложения и сохранявшимся специфическим элементам культуры следует отнести к категории этноконфессиональных [1]. Основным общим признаком всей группы в целом, отличающим ее от окружающего суннитского в прошлом населения Средней Азии, была принадлежность к шиитскому толку ислама.

Компактные поселения ирони в Средней Азии сосредоточены в основном в Бухаре, Самарканде, Джизаке и некоторых окружающих их селениях. Отдельные поселения отмечены в Кассанском р-не Кашкадарьинской обл. (сел. Камаши), в Дарвазе, Кулябе, Навои [2]. Общая численность их в 1926 г. в районе Бухары и в Самаркандской обл. достигла 15 тыс. человек [3]. Происхождение и языковая принадлежность отдельных компонентов, составивших эту группу, различны.

Начало возникновения группы относится к XVI в.[4] Это был период дробления феодальных владений Тимуридов. Нарушение традиционных экономических и культурных связей между Ираном и Туркестаном сопровождалось тогда взаимными опустошительными набегами, грабежами, захватом в числе прочих богатств пленников, превращавшихся в рабов [5]. Идеологическим оправданием набегов на северные территории Ирана и захвата в рабство мусульман-шиитов явилось провозглашение среди суннитского населения Средней Азии необходимости борьбы с шиизмом, который при Сефевидах был принят в Иране в качестве государственной религии.

Значительную часть группы составили также потомки жителей Мерва, с конца XVIII в. насильственно переселявшиеся бухарским эмиром Шах-Муродом и его преемниками в места современного расселения (преимущественно в район Бухары).

Третьим компонентом в составе группы ирони были добровольные переселенцы из северных районов Ирана и Афганистана. Их потомки наряду с общим названием ирони сохраняли также названия по месту происхождения, как, например, *сабзбарӣ*, т. е. выходцы из Себзевара (северный Хорасан), *даргалӣ* — из к. Кальаи Даргали (район Себзевара) и т. д.

Указанием на смешанное этническое происхождение ирони служат в отдельных случаях старые названия кварталов. Так, в населенном преимущественно ирони кишлаке Зиробод (административно вошедшем ныне в г. Каган) гузар Кыпчок получил название от кыпчаков — переселенцев из Афганистана, гузар Булудж — от поселившихся здесь белуджей, переехавших из города Кучана (северный Хорасан).

В гузаре Кыпчок жило также несколько семей арабов; их предок в четвертом колене был привезен в Бухару в качестве раба (*кул*). Среди жителей Зиробода были также потомки выходцев из разных районов горного Таджикистана, Бадахшана.

Характерно, что предки некоторых из этих переселенцев, в частности кыпчаки, белуджи и арабы, были суннитами, но, поселившись среди ирони — подобных себе чужеземцев, с которыми часть из них объединяло еще и одинаковое социальное положение, они становились в окружении шиитского населения уже во втором поколении шиитами. Таким образом, под оболочкой единой религиозной принадлежности объединялись представители различных этнических групп. Как сказал нам один из старожилов кишлака Зиробод: «Миллати мо баробар эрониҳо, вале забонаш тафовут дорад» («Народность наша одна — ирони, но языки имеют отличия»).

По языку ирони, живущие в различных районах Средней Азии, делятся на таджико- и тюркоязычных. Основная часть таджикоязычных представителей этой группы поселилась в Бухаре, Дарвазе, Кулябе, тюркоязычная — в Самарканде, Джизаке, Камаши, Кермине (ныне — Навои).

Таким образом, термин «ирони» возник в Средней Азии как этноним группы, значительная часть которой своим происхождением была связана с Ираном и которая в процессе своего формирования объединяла вокруг себя выходцев и из других мест (Горный Таджикистан, Афганистан), сохранявших шиитское вероисповедание. Для среднеазиатского суннитского населения все они были прежде всего шиитами — носителями религии, официально принятой в Иране, и потому их общим названием было *ирони*. В живой разговорной речи часто можно услышать противопоставление терминов «ирони» и «сунни», раскрывающее содержание первого из них в значении «шиит».

Среди таджикоязычных ирони было распространено также название и самоназвание *форс*. Происхождение этого этнонима в данном случае шло от известного со средневековья названия таджикско-персидского языка — *форсӣ*. Название *форс* получило распространение главным образом в Бухаре после спровоцированного в 1910 г. суннитским духовенством столкновения с шиитами, вследствие чего прямое употребление термина *ирони-шиит* стало нежелательно, а порой и невозможно. Термин *форс*, таким образом, употреблялся только для части группы и сосуществовал с общим названием ирони, бытуя главным образом в качестве официального названия в документах и в разговоре с посторонними.

Встречающийся для этой группы этноним *маврӣ* носит также частный характер и является указанием на происхождение определенной части этой группы из Мерва. Сохранению этого самоназвания в значительной мере способствовало то обстоятельство, что среди мервцев было много ремесленников, занимавших ведущее место в ряде ремесел, в частности в производстве шелка и бархата. В данном случае профессиональный момент способствовал закреплению конфессионального признака и сохранению обособленного самосознания *маврӣ* — как частного и *ирони* — как общего.

Следует при этом отметить, что ирони в прошлом селились компактно, но не изолированно от окружающего населения. Так, в основном районе поселения ирони в Бухаре, в квартале Джуйбар, в восьми гузарах ирони составляли преобладающее население, а в остальных жило по несколько их семейств. Действовавшие при этом общинные соседские связи способствовали установлению и этнических контактов. Сближение ирони с местным таджикским населением шло и по линии ремесленных связей. Так, в Джуйбаре основными занятиями ирони были шелкоткачество, изготовление сластей и пряностей. Роль ирони в развитии отдельных промыслов, в частности шелкоткачества, подробно освещена О. А. Сухаревой [6]. По нашим полевым материалам, в ремесленные цеха данных промыслов входили как ирони, так и местные таджики. Процессу ассимиляции ирони с окружающим населением в известной мере способствовала и та роль, которая отводилась ирони в государственном управлении уже начиная с правления первых мангытов. Уже при Даниял-бие (1758—1785) на одну из высших придворных должностей — кушбеги был назначен ирони Давлет-бий. Вооруженная охрана правителя состояла из невольников-гулямов. По нашим материалам 1961 г., в одном из густонаселенных кварталов Бухары (Тупхона — Орудийный парк), расположенном на территории древнего шахристана, из 60 домов 25 принадлежало ирони, потомкам воинов эмирской армии. Из материалов по планировке старой Бухары известно, что казенные дома для эмирских чиновников и воинов были разбросаны по разным кварталам города, что и создавало возможность для проникновения в уже заселенные гузары новых поселенцев.

Язык бухарских ирони, по нашим наблюдениям, ничем не отличается от языка окружающего населения. В отношении языка зирободских ирони следует отметить, что, будучи в основе бухарским диалектом таджикского языка, он имеет некоторые отличия. Исследованию некоторых диалектальных особенностей языка ирони в Зирободе посвящена специальная статья А. Мардоновой, которая на конкретном материале употребления предлогов и послелогов показала, что в целом они относятся к северо-западной группе таджикских говоров, но некоторые фонетические отличия указывают и на их связь с северными диалектами персидского языка [7].

По поводу языка тюркоязычных ирони, живущих в районе Самарканда, имеются сведения (А. Л. Троицкая, О. А. Сухарева), что их язык отличается от узбекского языка окружающего населения [8]. Однако это не мешает их свободному общению с узбекским населением и обучению в общих школах.

В настоящее время в школах, расположенных в районах расселения ирони, преподавание, как правило, ведется на языке местной их группы (таджикском или узбекском). В последнее время, однако, в селениях Бухарской обл. с таджикоязычными ирони все чаще вводится обучение в начальных школах на узбекском языке. Делается это с полного согласия родителей, которые относятся к обучению детей на узбекском языке одобрительно, так как это открывает перед ними более широкие возможности для получения дальнейшего образования в специальных и высших учебных заведениях Узбекистана.

Русский язык преподается как предмет в школе. Это дает более или менее свободное знание разговорной речи. Среди маленьких детей знание русского языка приходит, как правило, через детские ясли и сады. В семьях, где дети знают русский язык, предпочитается обучение в русских школах. Более свободно владеют русским языком мужчины, служившие в армии и, конечно, местная интеллигенция. Таким образом, представители среднего и молодого поколения за очень редким исключением умеют говорить по-русски, хотя книги предпочитают читать на родном языке (узбекском или таджикском).

Процесс слияния с окружающим узбекским и таджикским населением по-разному проявляется в различных областях культуры.

В материальной культуре ирони заметных отличий от окружающего населения не отмечается [9]. Объясняется это, по-видимому, тем, что различные по территориальному происхождению и в разное время оседавшие в Средней Азии этнические компоненты, составившие эту группу, не могли сохранить какие-то значительные элементы своей материальной культуры и приобщались к существующим здесь особенностям быта.

Гораздо консервативнее область духовной культуры, которая, как это отметил К. В. Чистов, «находится под сильнейшим и непосредственным воздействием того, что мы называем этническим сознанием» [10].

Мы уже рассматривали в этом плане свадебный обряд зирободских ирони [11], в терминологии которого сохраняются в основном названия из персидского языка, а весь цикл проведения свадьбы значительно отличается от свадьбы бухарских таджиков и находит очень близкие аналогии, как в горных районах Таджикистана, так и в Иране, особенно в тех местах, которые привлекали внимание иранских исследователей своей отдаленностью и сохранением там старых обычаев и представлений [12]. Ниже мы остановимся на характерных моментах свадебного обряда у тюркоязычных

ирони, живущих в Самарканде [13]. Прежде всего следует отметить, что общей особенностью таджикоязычных бухарских и тюркоязычных самаркандских ирони, отличавшей их от местного таджикско-узбекского населения, была ярко выраженная патрилокальная форма обряда: жених для заключения свадебного обряда — *никоҳ* в дом невесты не приходил. Никоҳ происходил в доме жениха, за невесту обычно отвечал ее представитель. В отдельных случаях мулла предварительно приходил в дом невесты и получал согласие на брак с женихом от нее лично. Главное свадебное празднество — *никоҳтӯй* происходило только в доме жениха [14]. Большое место в свадебном цикле тех и других ирони отводилось обряду, который происходил в доме невесты накануне никохтуя и был связан с нанесением на ее руки и ноги хны — *ҳинобандон*. По сведениям О. А. Сухаревой, в Бухаре этот торжественно обставляемый у ирони обряд перенимался от них местными жителями [15]. Мы не располагаем материалом о наличии этого обряда среди исконного населения Самарканда. В сельских районах Самарканда видоизмененным видом этого обряда можно считать обычай *дугоналтабон* — девичник, устраиваемый накануне никохтуя. Появление его относят примерно к 1950-м годам [16]. Сравнительно недавнее возникновение подобного обычая отмечено и у городских таджиков в Душанбе и Ленинабаде [17]. У ирони ҳинобаддон отличался и по масштабу, и по характеру проведения. В качестве гостей в доме невесты собирались ее подруги, ближайшие соседки, родственницы. По существу, ҳинобандон в свадебном обряде у ирони заменял собой как бы свадебное торжество в доме невесты. По записи, сделанной у самаркандских ирони об их традиционной свадьбе, многие моменты обряда связаны с контагиозной магией: вышитое по краям и в центре большое белое покрывало, которым закрывают невесту, несколько раз меняют на ней, набрасывая его на подруг, чтобы каждая из них также скорее вышла замуж. С этой же целью на ладонь невесты кладут маленькие лепешки — кулча, сладости и затем раздают их подругам. Хну, так же, как и в Бухаре, на ладони рук наносят в виде круглого пятна в центре и поменьше вокруг, на подошвы ног и ногти рук и ног хна накладывается толстым слоем. Для лучшего впитывания краски поверх нее делают повязку типа компресса. Снимает с невесты эту повязку утром следующего дня кто-либо из близких родственниц жениха, вручая ей при этом подарок.

В середине этого же дня в доме собираются женщины, их угощают, перед ними танцуют *созанда* (танцовщицы-музыкантши). Невеста на этом празднике не присутствует. К вечеру невесту готовят к отъезду. На нее надевают белое «счастливое» платье — *бахтӯйлак*, а сверху золототканое — *заркӯйлак*. К мелкозаплетенным косам прикрепляют подвески с серебряными наконечниками — *нукрапӯпак*, на шею недевают янтарные бусы — *қахрабо*, на грудь — украшение из монет — *тангагардан*. На голову не-

весты надевают золотошвейное украшение с драгоценными камнями — *қушфарақ*. Поверх набрасывают спускающийся на лицо вышитый тюлевый платок — *туркатфа*. При выходе из дома на голову накидывают покрывало — *чодир* [18]. Во время прощания отец повязывает невесте вокруг пояса платок — *гӯпокча* с завернутыми в него двумя лепешками и произносит благословение. С невестой едут несколько ближайших родственниц и приехавшие за ней со стороны жениха. Когда свадебный поезд приближается, жених выбегает навстречу и бросает в его сторону гранат или яблоко, а затем возвращается в дом. Во время движения свадебный поезд могут несколько раз останавливать, преграждая дорогу, пока родственники жениха не откупятся. Перед тем, как снять невесту с лошади, жених также должен дать подарок ехавшему с ней ее младшему брату, после чего трижды обносит невесту вокруг костра и оставляет у ворот дома. Невесту, окруженную ее родственниками, подводят к хлебной печи — тандыру, она целует его. Затем ее вводят в комнату и ставят лицом к кибла * на одеяльце, сшитое из разноцветных лоскутков — *базак кӯрпача*. Первым к ней подходит младший брат жениха и палочкой откидывает с ее лица платок. Этот момент называется *юз кӯримчи* — смотрение лица. К невесте подходят родные жениха, целуют ее, осыпают сладостями и кладут ей на голову подарки. Келин (невеста) в ответ отвешивает поклоны — *та'азим*. Через некоторое время сюда же приводят жениха. Сопровождают его отец, дядя, старшие братья. Жениха ставят рядом с невестой (*кул-ба кул* — букв. рука к руке), они стараются наступить друг другу на ноги. Перед молодыми ставят зеркало, дают им отпить сладкий напиток — *шарбат* из одной чашки — *коса*. Родные, начиная с отца жениха, поздравляют их и осыпают монетами. После традиционного плова гости, как и положено, расходятся. Брачную постель укладывают из всех приготовленных к свадьбе одеял и сверху накрывают белым *сӯзанӣ* с вышивкой. Наутро всем, кто оставался на свадебном пиру со стороны невесты, демонстрируют доказательство невинности невесты. Через три дня отмечается церемония убирания брачного ложа — *ҷойиғды* (*ҷоғундоштан* — у таджиков). После ҷойиғды жених отправляется с официальным визитом к родителям жены.

Обряда первого визита матери молодой (*саршуён* в Бухаре) здесь нет. Отмечается *қуда чакырды* — приглашение родных невесты, после чего обе стороны могут свободно посещать друг друга.

Таким образом, к основным особенностям традиционного свадебного обряда как таджикоязычных, так и тюркоязычных ирони, отличающим его от обрядов окружающего местного таджикского и узбекского населения, относятся патрилокальны ха-

* Ориентация на Мекку.

рактер свадьбы и разработанный ритуал проведения хинобандон. Мы уже упоминали, что среди других народов Средней Азии элементы патрилокальной формы заключения брака характерны для некоторых групп туркменских племен, в этногенезе которых отмечается близость с азербайджанцами, туркменами Турции и значительной частью турок, объединяемых общим происхождением от огузов [19]. В обряде ирони эта особенность, возможно, объясняется тем, что одним из компонентов группы ирони являлись выходцы из Туркмении.

Обряд хинобандон широко известен в литературе как по описанию персидской свадьбы [20], так и среди сохраняющих некоторые древние традиции татов центральных районов Ирана [21], жителей Кучана в Хорасане [22], а также таджиков долины Панджшира в Афганистане [23]. Общими с населением этих районов в обряде ирони являются еще два обычая: обряд встречи женихом поезда невесты, когда он выбегает навстречу, бросая в сторону поезда гранат или яблоко, а также препровождение невесты в дом жениха не за свадебную занавеску — *чимилдиқ* (как это принято среди равнинного таджикского и узбекского населения Средней Азии), а на специальное возвышение — *тахт* (трон). В Средней Азии аналогичный обряд сохранился в глухих, в прошлом горных районах Таджикистана, где невесту и жениха сажали на глинобитное возвышение — *декун*, расположенное в одном из задних углов дома, носившее в связи с этим специальное название *шахшин* — сидение шаха [24].

Таким образом, характерные особенности в свадебном обряде ирони прослеживаются не по линии религиозных отличий группы, сложной по происхождению и немонолитной по языку, а носят отчетливо выраженный этнический характер. Формирование свадебной обрядности у ирони определялось как процессом обобщения основных особенностей обряда различных этнических компонентов, связанных своим происхождением преимущественно с северными районами Хорасана и отдельными районами северного и центрального Афганистана, так в значительной степени и общими этногенетическими корнями этих компонентов.

Характерно, что и в погребальном обряде различия между суннитскими и шиитскими установлениями ислама также проявляются во второстепенных и довольно незначительных деталях. Главное же и существенное отличие погребального обряда ирони от обрядов коренного местного населения, связанного с древними согдийскими традициями, заключается в отсутствии у ирони зороастрийского представления о сакральной нечистоте мертвого тела, а следовательно, и института профессиональных обмывальщиков мертвых — *мурдашӯ*. Покойника у ирони оставляют лежать в той же комнате, где он умер. До прихода обмывальщика все близкие сидят около тела. Обмывальщика ирони чаще называют не мурдашӯ, а *покшӯ* (букв. чисто моющий). Они и прежде являлись вполне полноправными членами общества, с ними свободно общались, приглашали на все семейные праздники, заключали браки. Занятие это среди ирони не было наследственным: обмыть покойного в случае надобности мог каждый пожилой, уважаемый, знающий обычаи человек. Считается, что всякий, исполнявший эту обязанность, совершив сам после обмывания мертвого полное омовение — *ғусл*, становится ритуально чистым. Никаких специальных отличий в его одежде и внешнем виде не было.

К отличиям второстепенного порядка, связанным с шиитскими установлениями, относится, например, способ обмывания покойника: после ритуального омовения — *таорат* шииты начинают мыть покойника с головы, потом поворачивают на левый бок и льют воду на правое плечо, затем переворачивают на правый бок и моют с левого плеча, т. е. порядок обмывания здесь обратный принятому у суннитов. Каждое обмывание, производимое, как и у суннитов, трижды, у шиитов различается по составу: 1) *ғусли кофур* — омовение раствором камфары, 2) *ғусли сидри* [25] — омовение раствором с ароматическими листьями сидри и 3) *ғусли оби холис* — омовение чистой водой. Аналогичный способ обмывания известен в Иране [26].

Своеобразен у ирони также следующий обряд: в случае наступления смерти к закату солнца, когда похороны обычно откладывают до утра, в доме около покойного собирается несколько стариков, и они, по очереди сменяя друг друга, читают 40 молитв — *чил таборук*. При этом они берут полосу белой материи и после каждой молитвы завязывают на ней узелок. После омовения мертвого эту полосу материи с узелками повязывают ему на шею. В названии частей савана у таджикоязычных ирони в отличие от окружающего населения вместо таджикского термина курта употребляется персидское название рубахи — *пирохан* (у самаркандских ирони — узбекский термин *кӯйлак*); бедра и ноги обворачивают *лунгӣ*, голову обматывают чалмой — *ʻаммсма* (у таджикоязычных), *салла* (у тюркоязычных), голову женщин повязывают платком — *чорқад*. Характерным для ирони является и отсутствие широко распространенного почти среди всего населения Средней Азии обряда выкупа грехов.

Устройство могилы с захоронением в катакомбе у ирони не отличается от устройства могил окружающего населения. При захоронении характерной для шиитов деталью является то, что покойника опускают в могилу головой, в то время как сунниты опускают ногами. Это отличие шииты объясняют тем, что, по их представлениям, человек должен в новую жизнь на тот свет войти так же, как на этот. К этой же группе религиозных отличий, которые носят внешне обрядовый характер, относится несколько иная манера совершать намаз, омовение [27]. Из-за этого шииты, как правило, в общие с суннитами мечети не ходили, намаз совершали дома. В сельских местах с шиитским населением у них были свои мечети.

Особое место среди обрядов шиитов занимали широко известные в Передней Азии шиитские мистерии, посвященные воспоминаниям о гибели Хусейна — сына Али, внука Мухаммеда. Для совершения этих мистерий — *ашурӣ* у шиитов были специальные дома — *хусайнияхона*. В настоящее время действующих хусайнияхона нет. Ашури-старики устраивают по домам, причем с каждым годом число участников, естественно, уменьшается. Интересно отметить, что ирони любят про себя говорить и при случае подчеркивать, что они были гораздо менее фанатичны в исполнении религиозных обрядов, чем сунниты. Возможно, при этом имеется в виду одно из шиитских установлений — *такийя*, разрешающее, если того потребуют обстоятельства, скрывать свою веру и не выполнять предписаний культа [28]. С другой стороны, религиозная терпимость среднеазиатских шиитов могла также явиться следствием многолетней оторванности от своей среды и чуждого в религиозном отношении окружения. В настоящее время об этом судить тем более трудно, что не только молодежь, но и люди среднего возраста в очень редких случаях являются верующими мусульманами. Большая часть ирони в настоящее время не видит ни в чем своего отличия от окружающего населения, кроме воспринятой от старшего поколения формально осознаваемой религиозной принадлежности. Наиболее характерное проявление этого — получившие широкое распространение смешанные браки. В основном это, конечно, браки с близким по культуре и языку окружающим населением. Случаи женитьбы на представительницах других национальностей (русских, армянках, татарках и др.) отмечены гораздо реже и являются, как правило, результатом продолжительного пребывания в отдалении от родных мест, очень часто — вследствие службы в армии. Следует еще подчеркнуть, что если случаи женитьбы на неирони практиковались и раньше, то девушек замуж за «чужих» прежде, как правило, не выдавали. Сейчас и эта сторона былой брачной замкнутости исчезает. Национальность детей от смешанных браков принято определять по отцу.

По мере исчезновения роли религиозного признака некоторое значение в сохранении обособленного самосознания ирони продолжают иметь отмеченные выше специфические отличия в семейной обрядности. Однако и они исчезают в общем процессе становления новых социалистических норм быта. Сами условия жизни среди окружающего населения, совместной учебы и труда окончательно ликвидируют грань прежней обособленности ирони, и последние постепенно ассимилируются в узбекской или таджикской этнической среде. Однако процесс этот в настоящее время еще нельзя считать окончательно завершенным.

Данные переписей в значительной мере отражают тенденцию развития группы в целом. По материалам переписи 1926 г., по Бухарскому р-ну было зафиксировано 3462 форса и ирони [29], в Самаркандской обл. (включая данные по Каттакургану, Джизаку и Ходженту) первые статистические обследования советского периода фиксируют 11 936 ирони и персов [30]. В итогах переписи 1959 г. ирони и персы в Узбекской ССР не выделены. По материалам Всесоюзной переписи населения 1970 г. , в Узбекской ССР зафиксировано 15 457 иранцев, из которых 12 202 человека считают своим родным языком узбекский [31]. Эти данные наглядно показывают направление этнического развития этнографической группы ирони. Особенно проявляется картина становления национального самосознания при этнографических исследованиях. Как показывают полевые материалы, в одной и той же семье представители разных поколений определяют себя по-разному. Название «ирони» и «форс» сохраняются в официальных документах только среди представителей старшего поколения. Люди среднего и особенно младшего возраста, для которых, естественно, религиозная принадлежность не имеет уже сколько-нибудь существенного значения, официально называют себя в Бухаре, например, таджик или узбек, а тюркоязычные ирони (Самарканд) относят себя к узбекам. При этом в развитии этнического самосознания бухарских ирони были некоторые особенности.

Участвуя в этнических процессах, происходивших среди коренного населения Бухарского оазиса в годы Советской власти, ирони вначале сближались с родственными им по языку и культуре таджиками. Однако позднее вместе с частью таджикского населения этого региона они были вовлечены в процесс консолидации узбекской социалистической нации [32]. Внешним отражением этого явилась смена самоназвания, которая у бухарских ирони прошла как бы две ступени: сначала по принципу языка преимущественное распространение получил этноним таджик, а в последние годы — узбек.

Смена национального самосознания и является одним из основных показателей процесса сближения и слияния большей части этнографической группы ирони на территории Узбекистана с узбекским народом.

[1] О группах подобного рода см.: *Брук С. И., Чебоксаров Н. Н., Чеснов Я. В.* Проблемы этнического развития стран Зарубежной Азии.— ВИ, 1969, № 1, с. 98—99; *Пучков П. И.* О соотношении конфессиональной и этнической общностей.— СЭ, 1973, № 6, с. 51—66.

[2] Общую краткую сводку об ирони в различных районах Средней Азии см.: *Троицкая А. Л.* Из отчета о командировке 1936 г. в национальные районы среднеазиатских республик.— СЭ, 1937, № 4, с. 139—142; о бухарских ирони см.: *Сухарева О. А.* Бухара XIX — начала XX в.: (Позднефеодальный город и его население). М.: Наука, 1966, с. 153—164; *Люшкевич Ф. Д.* Этнографическая группа ирони.— В кн.: Занятия и быт народов Средней Азии. Л.: Наука, 1971, с. 36—70.

[3] См. примеч. 29 и 30.

[4] Подробнее об этом см.: *Сухарева О. А.* Бухара..., с. 154—159.

[5] *Якубовский А. Ю.* Павел Петрович Иванов как историк Средней Азии.— Советское востоковедение, 1948, т. V, с. 320.

[6] *Сухарева О. А.* Позднефеодальный город Бухара конца XIX — начала XX в.: (Ремесленная промышленность). Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1962, с. 61—65.

[7] *Мардонова А.* Пешоянд ва пасояндҳо дар шеваи эрониёни Когон. Масъалаҳои шевашиносии тоҷик. Душанбе: Нашриенти Дониш, 1970, ҷилди 1, с. 99—115.

[8] Говор тюркоязычных ирони не изучался. Об отдельных наблюдениях см.: *Сухарева О. А.* Бухара..., с. 153.

[9] Б. Х. Кармышевой были отмечены в Самарканде в качестве отличительной особенности в женской одежде ирони черные покрывала. По нашим материалам, среди молодых женщин в прошлом были распространены также покрывала других цветов (синие, зеленые и белые); черные надевали только старые женщины и во время траура. Среди бухарских ирони черный цвет также является траурным в отличие от бухарских таджиков, у которых траурный цвет — белый.

[10] *Чистов К. В.* Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры.— СЭ, 1973, № 3, с. 78.

[11] *Люшкевич Ф. Д.* Этнографическая группа ирони, с. 65—69.

[12] См.: *Кисляков Н. А.* Семья и брак у таджиков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959, с. 102; *Джалāл ал-Ахмед.* Оуразан. Тегеран, 1954; *Он же.* Таты района Зухро. Тегеран, 1958 (на перс. яз.); *Джихāнгāр Михрбāнпӯр.* Свадебные обряды у зороастрийцев в окрестностях Йезда.— Мардӯмшинāсӣ (Тегеран), 1956, № 1 (на перс. яз.). *Хасан Дарахшāн.* Племена Джебалбареза.— Мардӯмшинāсӣ, 1958, № 1—3 (на перс. яз.).

[13] Полевая запись в р-не Панджаб г. Самарканда. Архив ИЭ АН СССР, ф. К-1, оп. 900.

[14] Среди других народов Средней Азии эта особенность обряда отмечена лишь для туркмен Г. П. Васильевой. См.: *Васильева Г. П.* О роли этнических компонентов в сложении свадебной обрядности туркмен.— В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М.: Наука, 1968, с. 324.

[15] *Сухарева О. А.* Бухара XIX — начала XX в., с. 64.

[16] Этнографические очерки узбекского сельского населения. М.: Наука, 1969, с. 230.

[17] *Хамиджанова М.* Девичник (чойгаштак) в Сталинабаде.— Изв. отделения общественных наук АН Тадж.ССР (Сталинабад), 1956, вып. 10—12, с. 104—108.

[18] Постепенно чодир стал больше сохраняться в одежде старых женщин, а на невесту при перевозе в дом жениха стали чаще надевать паранджу.

[19] См.: *Васильева Г. П.* О роли этнических компонентов..., с. 324.

[20] *Галунов Р. А.* Средняя персидская свадьба.— Сб. МАЭ, 1930, т. IX, с. 192; *Марр С. М.* К изучению персидской свадьбы.— Там же, с. 200.

[21] *Люшкевич Ф. Д.* Некоторые этнографические данные о татах Ирана.— В кн.: Этническая история народов Азии. М.: Наука, 1972, с. 206.

[22] *Реза Хунарӣ.* Свадьба у крестьян и кочевников Кучана.— Пайам- и-Навӣн, 4-й год издания, № 8, с. 59 (на перс. яз.).

[23] *Андреев М. С.* По этнологии Афганистана. Ташкент, 1927, с. 47.

[24] *Кисляков Н. А.* Семья и брак у таджиков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959, с. 102.

[25] Сидр — лядвенец, крапивное дерево, сорт сливы. *Чгелло И. Д.* Полный персидско-арабско-русский словарь. Ташкент, 1910, с. 815.

[26] Ср.: *Богданов Л. Ф.* Персия в географическом, религиозном, бытовом отношении. СПб., 1909, с. 90.

[27] См.: *Люшкевич Ф. Д.* Этнографическая группа ирони, с. 54.

[28] *Массэ А.* Ислам. Очерк истории. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1963, с. 141.

[29] Всесоюзная перепись населения 1926 г. М.: ЦСУ СССР, 1928, т. XV. Узбекская ССР.

[30] *Зарубин И. И.* Население Самаркандской области. Л.: Изд-во АН СССР, 1926, с. 24.

[31] Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. М.: Статистика, 1973, т. IV, с. 202.

[32] См.: *Люшкевич Ф. Д.* Особенности этнической истории и этнографических черт культуры таджикского населения Бухарского оазиса: Автореф. канд. дис. Л., 1976.

ЭТНИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ АРАБОВ

И. А. Амирьянц

Среднеазиатские арабы [1] издавна живут в разных районах Узбекистана. Они называют себя «араб», так же их называют и народы, среди которых они живут.

Численность арабов по переписи 1970 г. в Узбекской ССР составляет около 3,5 тыс. человек [2]. Большая часть их расселена в Кашкадарьинской (1207 человек), Бухарской (914 человек), Сурхандарьинской (775 человек) областях. Небольшое количество арабов живет также в Самаркандской (249 человек), Андижанской (109), Ташкентской, Сырдарьинской, Наманганской областях. В Ферганской, Хорезмской областях зарегистрированы единицы арабов.

На более широкое расселение арабов в прошлом указывают материалы топонимии. На территории Узбекистана часто встречаются селения с названиями Араб-Хона (*хона*, *хана* — тадж. место, обиталище) и Араб-Кишлак. Почти во всех областях Узбекской ССР имеются селения с такими названиями. В Бухарской обл. нам встречались названия арабских селений в таджикизированной форме, например Арабои. В Самаркандской обл. в начале XX в. было зафиксировано более 10 селений, названия которых свидетельствовали о проживании здесь арабов, например Араб-Хана (3 кишлака), Кичик-Араб (*кичик* — узб. малый, мало), Катта-Араб (*катта* — узб. большой), Араб-Алчин [3]. В Ферганской обл. также немало селений, названия которых связаны с пребыванием здесь арабов, например Араб-Хана, Машараб, Шагром-Араб и т. д. Наша поездка в эти селения подтвердила предположение, что здесь в прошлом жило немало арабов. В настоящее время арабы во многих названных районах полностью слились с местным узбекским населением.

Литература о среднеазиатских арабах немногочисленна, поэтому каждое издание бесценно для нашей этнографической науки, поскольку является результатом непосредственных наблюдений и исследований авторов. Первой необходимо назвать работу советского этнографа М. С. Андреева [4], основанную на результатах этнографической экспедиции в Самаркандскую обл. в 1921 г. В 40-е годы были опубликованы работы С. А. Волина [5] и И. Н. Винникова [6]. Неоднократные поездки И. Н. Винникова к арабам дали ему возможность создать солидное исследование (за-

щищенное в качестве докторской диссертации) о жизни среднеазиатских арабов. Сокращенный вариант этой работы был опубликован в сборнике «Советская этнография», в 1940 г. Богатый антропологический материал содержится в работе Л. В. Ошанина и В. К. Ясевича [7]. В этой книге на основе антропологических данных ставится вопрос о том, какие группы арабов переселились в период средневековья в Среднюю Азию и какие из групп арабов к настоящему времени больше слились с местным населением.

Языку среднеазиатских арабов и их диалектным особенностям посвящены работы известного лингвиста Г. В. Церетели [8], а также Н. Н. Бурыкиной и М. М. Измайловой [9]. Обобщающей работой по среднеазиатским арабам является статья Б. Х. Кармышевой, опубликованная в томе «Народы Средней Азии и Казахстана» [10]. Основываясь на литературных источниках и на своем собственном этнографическом материале, автор дает всестороннюю картину современного быта, занятий, культуры, семейной и общественной жизни арабов Средней Азии. Интересный материал об одежде среднеазиатских арабов собран сотрудником Академии наук Узбекской ССР Х. Исмаиловым [11]. Некоторые данные об арабах Средней Азии имеются в книге «Этнографические очерки узбекского сельского населения» [12]. Благодаря этим исследованиям и собственным полевым материалам автора [13] стало возможным написание данной статьи, целью которой является попытка проследить процессы этнического развития у среднеазиатских арабов, т. е. показать этапы исторического и этнического развития арабов Средней Азии в прошлом и в настоящее время.

Важным показателем этнических процессов, характерных для среднеазиатских арабов, является лингвистическая ситуация у арабов.

Основным языком общения у среднеазиатских арабов в далеком прошлом был своеобразный диалект арабского языка, который сейчас сохранился у незначительного числа арабов. Когда арабы Средней Азии стали утрачивать свой национальный язык, сказать трудно. Во всяком случае, Г. Вамбери, ездивший в Бухару в 1863 г., писал, что среди бухарских арабов он мало встречал говорящих по-арабски [14]. А. Д. Гребенкин сообщал, что в начале XX в. каршинские арабы говорили между собой «на испорченном» арабском языке, а арабы, населявшие район Катта-Кургана,— на узбекском или таджикском. По описанию Л. Н. Логофета, тогда же грамотность среди арабов Бухарского ханства была невысока и разговаривали они на узбекском языке с большой примесью арабских слов. П. Гаевский, посетивший арабов Курган-Тюбинского бекства в начале нашего века, сообщал, что в их языке много арабских слов, затрудняющих разговор с ними по-узбекски [15].

К 20-м годам XX в., т. е. к началу советского периода, арабы, проживавшие небольшими общинами среди компактной массы

узбекского населения, а в Бухарской обл.— среди таджикского, были настолько растворены в этой среде, что стали забывать родной арабский язык. Этому в немалой степени способствовал переход узбекской письменности с арабской графики на новую графику — латиницу, а несколько позже на славянскую графику письма — кириллицу.

Процесс окончательного перехода арабов на языки тех народов, среди которых они жили, протекал сравнительно легко вследствие многовековых тесных контактов небольших групп арабов с узбекским и таджикским населением. Способствовало этому также то, что в узбекском и в меньшей степени в таджикском языках немало арабизмов. Значительный слой арабской лексики в узбекском языке объясняется историческими причинами: арабский язык (в его классической форме) являлся языком науки и религии; на нем велось обучение в медресе, он широко употреблялся в судопроизводстве, основанном на шариате (мусульманском праве).

Особые социально-культурные условия развития арабов в Средней Азии (в частности, обучение на узбекском и таджикском языках, так же как печать, радиопередачи) привели к тому, что уже в 1938 г. в Узбекской ССР насчитывалось лишь 1750 арабов, сохранивших свой родной язык (общее число арабов на эти годы — менее 20 тыс. человек) [16].

По переписи 1970 г., из общего числа арабов Узбекистана (около 3,5 тыс. человек), считают родным арабский язык около 900 человек [17]. В 1959 г. было зарегистрировано 2077 арабов, считающих своим языком арабский [18].

Нам представляется, что эта последняя цифра несколько преувеличена, здесь произошло смешение понятий национального самосознания и родного языка.

Языковая ситуация среди арабского населения Узбекской ССР отражена в переписи 1970 г. по всем областям этой республики, а также по Ташкенту (см. таблицу) [19].

Анализ данных переписи показывает, что среднеазиатские арабы — в основном сельское население. Из 3418 человек только 216 человек проживают в городах. Из указанного общего числа арабов 908 человек признали родным язык своей национальности — арабский. Большая часть этой группы проживает в Кашкадарьинской обл. Арабы живут здесь компактной массой, сравнительно изолированно. До недавнего времени строго соблюдался принцип общинной эндогамии. Домашним языком среди арабов этой группы и в наши дни является особый диалект арабского языка. Изучение этого диалекта привело Г. В. Церетели к выводу, что язык среднеазиатских арабов в своей основе четко сохранил первоначальный семитический пласт. Фонетически и морфологически он приближается к народным диалектам Сирии и Ирака [20]. Этот вывод подтверждает мысль некоторых ученых о том, что предки среднеазиатских арабов были выходцами из Месопотамии и с Аравийского полуострова [21].

Таблица

Население по областям и г. Ташкент	Численность			Число лиц с родным языком			
	м	ж	Всего	своей национальности	русским	узбекским	таджикским
Ташкентская	21	5	26	16	2	7	—
городское	18	2	20	12	1	6	—
сельское	3	3	6	4	1	1	—
Сырдарьинская	3	5	8	—	—	—	—
городское	—	—	—	—	—	—	—
сельское	3	5	8	8	—	—	—
Наманганская	6	2	8	7	—	1	—
городское	1	—	1	—	—	—	—
сельское	5	2	7	7	—	1	—
Ферганская	2	1	3	2	—	1	—
городское	2	—	2	—	—	1	—
сельское	—	1	1	—	—	—	—
Андижанская	49	60	109	71	—	38	—
городское	1	2	3	—	—	3	—
сельское	48	58	106	—	—	35	—
Самаркандская	143	106	249	14	1	64	170
городское	—	—	49	6	1	15	—
сельское	—	—	200	8	—	49	—
Бухарская	517	480	997	107	—	455	432
городское	54	29	83	28	—	37	17
сельское	463	451	914	79	—	418	415
Кашкадарьинская	587	620	1207	630	—	576	—
городское	5	7	12	1	—	—	—
сельское	582	613	1195	—	—	—	—
Сурхандарьинская	376	399	775	26	1	747	—
городское	9	2	11	—	—	—	—
сельское	367	397	764	—	—	—	—
Хорезмская	1	4	5	5	—	—	—
городское	1	4	5	5	—	—	—
сельское	—	—	—	—	—	—	—
г. Ташкент	27	4	31	17	7	5	1
Итого	1732	1686	3418	908	12	1894	603

В лексический фонд диалекта среднеазиатских арабов вошло много слов из языков соседних народов — узбеков и таджиков. Слова эти большей частью обозначают бытовые предметы, среди них встречаются двусложные: одна часть арабская, другая— узбекская или таджикская. Например, *махси-кауш* — сапоги на

мягкой подошве, *субинморо* — материнское платье, *калла-хасани* — сорт кожи для обуви, латта 12 чоракли румол — старушечий головной платок [22].

В наши дни основными носителями среднеазиатского диалекта арабского языка являются пожилые люди. В своей памяти они хранят множество преданий и легенд [23], некоторые из которых проясняют происхождение среднеазиатских арабов. Во время нашего пребывания в Карши (сентябрь 1974 г.) в газетном киоске мы видели арабские газеты и журналы. Как нам объяснила киоскер, основными их читателями являются старики-арабы, по просьбе которых такие периодические издания поступают в отдаленные от центра районы.

Наши беседы со стариками кишлака Араб-Хона Бухарской обл. (колхоз «Гигант») показали, что сохранность родного языка здесь минимальная. Чаще всего знание арабского языка ограничивается несколькими словами бытовой лексики (*ляхм* — мясо, *хубз* — хлеб и т. д.). Наибольшее число среднеазиатских арабов, знающих родной язык, зафиксировано, помимо Кашкадарьинской обл., в районе Ромитана, месте компактного расселения арабов в Бухарской обл.

Больше половины среднеазиатских арабов признали своим родным языком узбекский (1894 человека), который стал для них и языком межэтнического общения. На узбекском языке ведутся радиопередачи и занятия в школах, он является языком базара и улиц, официальных бумаг и деловой переписки. По мнению самих узбеков (колхоз им. Калинина Постдаргомского р-на Самаркандской обл.), среднеазиатские арабы говорят по-узбекски очень чисто, на хорошем литературном языке.

Из общего числа среднеазиатских арабов 603 человека признали родным языком таджикский. Наибольшее их число проживает в Бухарской (432 человека) и Самаркандской (170 человек) областях. В Бухарской обл. население издавна было равномерно представлено узбеками и таджиками. Это обстоятельство сказалось и на языковой принадлежности арабов данной области. Так, число арабов Бухарской обл., признавших родным языком узбекский и таджикский, почти одинаково (соответственно 455 и 432).

В силу охарактеризованных выше социально-культурных условий для среднеазиатских арабов характерно двуязычие, которое сильнее распространено среди мужского населения вследствие большей мобильности мужчин, их трудовой деятельности и службы в армии. По переписи 1970 г. 1246 человек оказались двуязычными. Из них 969 человек свободно владеют вторым узбекским языком, 199 человек — русским и 81 — таджикским. Узбекским языком в качестве второго языка владеют и арабы Кашкадарьинской обл., которые компактной массой проживают среди узбекского населения. Преобладающее население в данном районе использует свой язык для общения на базаре, который в сельской местности устраивается регулярно по выходным дням. Для арабов Бухарской и

Самаркандской областей, где живет значительное число таджиков, вторым языком, языком межнационального общения является таджикский.

Современная языковая ситуация среднеазиатских арабов — результат их длительного многовекового контакта с соседними народами.

Точное время первых поселений арабов на территории современной Средней Азии, а также обстоятельства их появления не зафиксированы письменными источниками. Несомненно, однако, что арабы впервые появились в Средней Азии в период арабских завоеваний в конце VII — начале VIII в., в правление халифа Валида I. В 673—674 гг. арабское войско под командованием Убейдаллаха ибн Зийада, наместника Ирака, форсировав Амударью, захватило и разорило Ромитан [24] и окрестности Бухары, а в 676 г. была взята и Бухара. К 806 г. был покорен весь Мавераннахр [25]. В завоеванных городах для усмирения коренного населения и сбора податей оставались гарнизоны арабских войск. Они селились в отдельных кварталах.

Первые завоеватели принесли с собой в Среднюю Азию и свою религию — ислам, который постепенно был воспринят местным населением.

Исламизация населения привела к более тесным контактам арабов с местным населением, которое еще настороженно относилось к ним и всячески старалось не выдавать за них замуж своих дочерей. Хотя, несомненно, что арабы все же брали себе в жены девушек из среды окружающих их народов. В дальнейшем, в период распада арабского халифата, эти связи ослабли в силу того, что местное население, отягощенное гнетом арабов, проявляло явное недовольство. Нередко недовольство выливалось в открытый протест, таким было восстание Муканны в 776—783 гг.[26]

Арабы же, считая себя «соплеменниками пророка» и ставя себя выше местного населения, жили замкнутой общиной; они также не выдавали своих дочерей за представителей других народов и сами редко женились на местных девушках [27].

Среди некоторых групп арабов (кашкадарьинских, самаркандских и др.) распространено предание о том, что их предков привел из похода в арабские страны эмир Тимур. Однако достоверность этого предания сомнительна, на это обращает внимание Б. Х. Кармышева со ссылкой на С. Л. Волина. Она отмечает, что факты не совпадают с историческими событиями, связанными с правлением Тимура.

В то же время исторические источники свидетельствуют о переселении значительных групп арабов в район Мерва из Северного Афганистана [28].

Другие предания среднеазиатских арабов, однако, указывают на то, что бóльшая часть арабов-кочевников пришла на территорию Средней Азии в XVII в. из северных районов Афганистана и из Гиссара. Долгое время эти племена кочевали в степных районах

между Шиберганом и Балхом, пока не обосновались в районе Каршинских степей. Продолжая сохранять кочевой образ жизни, они постепенно начинают заниматься земледелием. Можно предположить, что это были потомки крупных племенных объединений арабов Афганистана, которые были вытеснены более сильными афганскими племенами и ушли в поисках пастбищ в Среднюю Азию, где на свободных землях, пригодных для их образа жизни, остались навсегда. Здесь на новых землях для первых арабов-переселенцев многое было привычным — экологическая среда, климат, почти тот же набор продуктов для приготовления пищи. Эта группа арабов в долине Кашкадарьи, как и арабы Катта-Кургана, жила более замкнутой жизнью, чем те группы арабов, которые расселились в районах Самарканда и Бухары. У них не было необходимости заключать браки вне своего племени. Этому препятствовали и весьма сдержанные отношения между арабами и местным населением: в памяти народных масс оставалось отношение к ним, как к завоевателям и жестоким притеснителям.

Приведенные выше предположения о возможных путях арабской миграции в Среднюю Азию подтверждаются и некоторыми антропологическими материалами. Арабы — выходцы с Аравийского полуострова — небольшого роста, длинноголовы, с носом небольших размеров, являются типичными представителями средиземноморской расы. После переселения к северу, в область расселения представителей переднеазиатской расы, арабы утрачивают под влиянием последних свой исходный средиземноморский тип. Во время прихода в Среднюю Азию арабы были представлены уже не одним расовым типом. Арабское войско было конгломератом народов различных рас и языков. Как пишет антрополог Л. В. Ошанин, значительная часть арабов попала в пределы Мавераннахра уже после того, как несколько поколений прожило в полосе, пограничной с центром распространения переднеазиатской расы, и перешло к оседлости [29].

Материалы К. Наджимова также указывают, что Средняя Азия заселялась как месопотамскими арабами, так и южными, аравийскими [30]. По наиболее характерным признакам — развитию растительности и форме носа — арабы занимают промежуточное положение между наиболее не смешанными в расовом отношении выходцами из Передней Азии — евреями и типом, представленным у ираноязычного населения. Исследование арабов советскими антропологами дало основание Л. В. Ошанину сделать следующий вывод: «В свете всех фактов нам представляется весьма вероятным, что данная реликтовая, семитическая в своих исходных корнях группа была некогда гораздо более насыщена переднеазиатским элементом, чем теперь. Здесь приходится учитывать многовековую метисацию с иранским и в дальнейшем монголизированным иранским населением Среднеазиатского междуречья. Раз новые пришельцы приходят в достаточно тесное соприкосновение с автохтонным населением, раз они усваивают в общем его быт и нравы,

раз имеется налицо единство религии, мы должны ожидать интенсивной метисации. И нужны совершенно исключительные условия, исключительная национальная обособленность, чтобы избежать сильного смешения с окружающим местным населением и сохранить этнические признаки исходного народа» [31].

В прошлом основными занятиями среднеазиатских арабов были скотоводство и частично земледелие. На обширных просторах Каршинских степей арабы пасли стада курдючных овец, верблюдов и каракульских овец, которых местное население называло *араби*. Арабы были основными поставщиками каракулевых шкурок на местные рынки, а также вывозили их в другие районы. Живя в соседстве с древними земледельческими народами — узбеками и таджиками, среднеазиатские арабы стали постепенно оседать и заниматься земледелием.

Октябрьская революция в корне изменила облик жизни среднеазиатских арабов. Сельское арабское население работает в колхозах и совхозах, где основное направление производства составляют каракулеводство и хлопководство. Многовековой опыт в разведении каракульских овец и применение новейших достижений современной науки и техники дали возможность арабам достичь в каракулеводстве больших успехов. Выделанные руками арабских животноводов каракулевые шкурки неоднократно демонстрировались на Выставке достижений народного хозяйства. Колхозы, где наряду с другим населением живут и трудятся арабы, получают высокие урожаи хлопка, зерна, винограда, бахчевых. Почти каждый колхоз имеет фруктовые сады, плантации фруктовых деревьев. Арабами освоено также шелководство.

Наиболее распространенным домашним промыслом у арабов Средней Азии является в основном ткачество безворсовых ковров — *гилам* (араб. *килим*), которое в прежние времена для многих арабов было основным источником дохода [32]. Ковры среднеазиатских арабов привлекают красотой и оригинальностью узора, прочностью и особой плотностью основы. Техника изготовления арабских ковров отличается от известных способов выработки ковров в Средней Азии. В советское время в арабских селениях были созданы ковровые мастерские, где арабские женщины ткут и традиционные безворсовые ковры и ворсовые, технике выработки которых они научились у прославленных туркменских ковровщиц. Другие виды домашнего промысла у арабов не получили значительного развития. Отсутствие среди арабов столяров, плотников, кузнецов может свидетельствовать об отдаленном родстве среднеазиатских арабов с бедуинами Аравии, которые также в повседневной жизни не знают ни топора, ни гвоздей, ни наковальни.

Современные арабы Средней Азии — это этнографическая группа, у которой с местным населением, узбекским или таджикским, больше общего, нежели различий, в частности в области материальной культуры.

Арабы-кочевники, кочевавшие на территории Средней Азии

с X по XVII в. и позже и осевшие на ней [33], сменили свою палатку на юрту, которая была лучше приспособлена к условиям резко континентального климата. В жаркую летнюю пору временным жильем служит также шалаш из трех камышовых плетенок. По планировке и строительной технике современное жилище среднеазиатских арабов не отличается от жилища оседлых узбеков и таджиков.

Конструкция современного жилища основной массы среднеазиатских арабов проста. Она возводится из местных строительных материалов — сырцового кирпича, деревянных досок; штукатуркой служит глина с саманом (мелконарезанная солома). Крыша чаще плоская, хотя встречаются двускатные, крытые железом. Количество комнат в доме зависит от количества членов семьи. Вокруг дома разводят сад и огород; почти каждый дом имеет свой виноградник, под сенью которого устраивается широкая лежанка для отдыха, в жаркие месяцы она используется и для ночного сна. В комнатах делаются ниши для посуды, а также для хранения многочисленных постельных принадлежностей (рис. 1). Любят среднеазиатские арабы украшать свое жилье коврами ручного и фабричного производства и национальными узбекскими сюзани. В быт арабов, как и в быт узбеков, широко входят столы, кровати, стулья, непривычные прежде для среднеазиатских народов. Обычными стали для арабского быта холодильники, телевизоры, радиоприемники и многие другие предметы бытовой техники (рис. 2). В настоящее время дома для колхозников возводятся специаль-

Рис. 1. Обстановка в одной из комнат арабской семьи

ными строительными бригадами. Строительству домов большую помощь оказывают односельчане.

Современная одежда среднеазиатских арабов сходна с одеждой узбеков и таджиков. В то же время у некоторой части арабов, особенно у арабов Кашкадарьинской обл., все еще сохраняются некоторые самобытные элементы традиционной арабской бедуинской одежды. Наши наблюдения показали, что в настоящее время у арабов Средней Азии бытуют три вида одежды: традиционно арабская, узбекская (или таджикская) и общегородская, вернее, европейская.

Среднеазиатские арабы старшего поколения до сих пор носят одежду, традиционную и для местного населения. Это длинная рубаха *зийк* из хлопчатобумажной ткани, прямого покроя, с характерным и для арабов Передней Азии горизонтальным разрезом ворота. Такие рубахи до 30-х годов носили все мужчины-арабы. Штаны *илбас* шьются из той же ткани, что и *зийк*. Поверх рубахи надевают халат — *яктахия* — без подкладки, сшитый из ткани в полоску.

Поверх яктахии надевали стеганый халат *габа*, который схож с общеузбекским стеганым халатом. В очень холодную морозную погоду поверх всей одежды надевали меховой тулуп *пустун* и меховые штаны *чалбар*. Дополнением к мужской одежде был пояс, функцию которого выполнял поясной платок или кушак *вазра* длиной 3—4 м. Головным убором служила чалма *салла*.

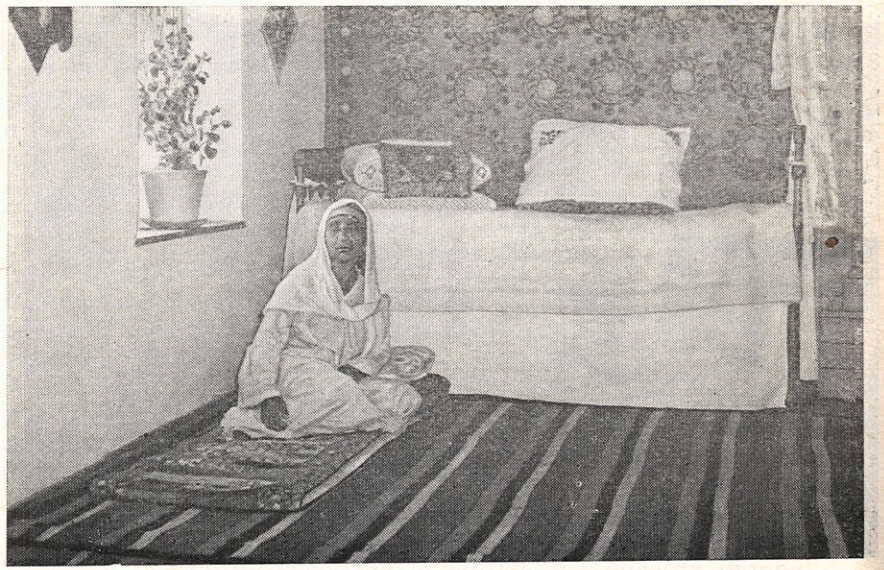

Рис. 2. Интерьер традиционного дома среднеазиатских арабов

Цвет ткани чалмы зависел от возраста. Под чалмой носили маленькую шапочку [34].

Сейчас мужская одежда среднеазиатских арабов мало отличается от общеузбекского костюма. В городах в основном одеваются по-европейски. В сельской местности наблюдается сочетание традиционных и европейских элементов одежды.

Арабские женщины Средней Азии в наши дни одеваются почти так же, как узбечки и таджички. В комплект женской одежды входят платья-рубахи, штаны, стеганые халаты. Цвет ткани и покрой зависят от возраста. Старые женщины по традиции носят обычно платье белого или синего цвета. Любимыми цветами тканей для одежды у женщин других возрастов являются синий, красный и белый. Носят также платья бордовой, ярко-алой, оранжевой расцветок. Такие же расцветки тканей традиционны и для одежды арабских женщин Передней Азии. Некогда бытовавшие возрастные отличия в костюме отразились в названиях некоторых элементов одежды. Так, платье на местном арабском диалекте называется *суб*, девичье платье — *суббинт*, а платье женщины, родившей первого сына — *субинмора*. Обувью для женщины в прошлом служили кожаные калоши *кауш* ремесленного производства. В наши дни женщины носят фабричную обувь.

Некоторым своеобразием отличаются женские головные уборы, сохраняющиеся почти в каждой семье. Характер и цвет головного убора, как и костюма, зависел от возраста. Повседневным женским головным убором для всех возрастов был *гиззи*. Для девочек и девушек его шили из красного сатина. При вступлении в брак девушка оставляла в отцовском доме свой девичий *гиззи* и надевала женский, белого цвета. Женщины пожилого возраста и в настоящее время надевают белый *гиззи*, но, выходя из дома, поверх него надевают большой белый платок *латта* [35].

Любопытным женским головным убором является *бухнук* [36], представляющий собой шапочку с накосником. Бухнук напоминает узбекскую и таджикскую *кулюта*, а также головной убор, бытующий в некоторых арабских странах [37]; надевали его прямо на *гиззи*. Обряд надевания бухнука происходил на третий день после свадьбы, чему предшествовало пышное торжество: резали барана и устраивали угощение для всех родственников женского пола. Невесте преподносили подарки. *Бухнук* носили постоянно до рождения третьего или четвертого ребенка, а потом надевали только в особо торжественных случаях. В настоящее время *бухнук* надевают исключительно пожилые женщины. Отдельные детали женского головного убора среднеазиатских арабов в основных чертах схожи с отдельными деталями женского убора многих народов Средней Азии [38], а также некоторых арабских стран, например Ирака. Манера ношения иракскими женщинами головного платка *футы* та же, что у арабок Средней Азии.

Арабские женщины Средней Азии, как все восточные женщины, любят носить всевозможные украшения, качество и количество

которых зависят от состоятельности семьи. Самыми распространенными являлись браслеты, кольца и ожерелья. Ношение ушных серег не зафиксировано. Интересно отметить, что для арабских женщин Средней Азии, как и для многих женщин в арабских странах, было традиционным ношение носовых серег, что менее распространено у коренных жительниц Средней Азии. Различные украшения нашивались и на головные уборы. Помимо названных выше украшений, арабские женщины носили головные и налобные украшения под общим названием *синсила* (цепочка), которые надевали поверх гиззи и бухнука и только с праздничным костюмом [39].

Анализ одежды среднеазиатских арабов показывает, что в ней прослеживаются как элементы исконно арабские, так и черты костюма среднеазиатских народов.

В прошлом арабская семья имела патриархальный характер. Господствущей формой были большие неразделенные семьи. В настоящее время для арабов характерно господство малой семьи. Семейный быт в прошлом регламентировался как обычным правом — адатом, так и мусульманским — шариатом. В силу этого в семейной обрядности, включающей свадьбу, рождение и воспитание ребенка, похороны и поминки, было много общего с обычаями местных жителей, которые, как и арабы, являлись последователями ислама суннитского толка.

У арабов Средней Азии продолжает бытовать обычай траурного радения, который уже редко встречается у некоторых групп узбеков [40]. С момента смерти до похорон громко плачут и причитают родственницы или специальные плакальщицы, при этом женщины рвут на себе волосы, царапают лицо. Этот обычай еще не искоренен у многих арабских народов, особенно у мусульман-шиитов.

У арабов Самаркандской обл. существует обычай, который, возможно, восходит к древним представлениям, раздавать деньги (от 1 до 3 руб.) тем людям, которые приходят в дом умершего. Это делается, как нам объяснили информаторы, для того, чтобы привлечь к похоронам как можно больше народа. Помощь семье умершего осуществляется тайно, без огласки.

В свадебной обрядности арабов также имеются некоторые отличия. В прошлом калым не был столь разорительным, как у других народов Средней Азии, а у некоторых групп арабов калым вообще отсутствовал. Интересно отметить, что калым по-арабски обозначается словом *махр*; слово *махр* у арабов Средней Азии означает также «спор за женщину». У арабов еще недавно существовал обычай левирата и многоженства. Левират исчез совсем, а двоеженство встречается очень редко, существует неофициально [41]. Хорошей традицией у арабов, как и у узбеков и таджиков, восходящей к временам патриархально-родового строя, является взаимная помощь — *хашар ердам* (*хашар* — араб. соединять, собирать вместе; *ердам* — узб. помощь), особенно при постройке дома.

В последние десятилетия в результате изменения всех норм общественной и семейной жизни процесс трансформации обрядности

усилился. Изменения в психологии и мировоззрении значительной части среднеазиатских арабов привели к созданию новых форм обрядности, порой несовместимых с установками и правовыми нормами ислама. Процесс трансформации традиционной обрядности протекает медленно, причем при создании новой формы в обрядах меняются элементы, которые содержат что-либо не соответствующее новому содержанию [42].

С конца 60-х годов участились смешанные браки — арабо-узбекские, арабо-таджикские. Хотя по обычаям среднеазиатских арабов смешанные браки разрешались, все же браки между арабом и узбечкой или таджичкой были прежде редки, а брак арабской женщины с узбеком арабы считали нежелательным и обычно осуждали. Сейчас возрос процент смешанных браков там, где арабы живут в контакте с местным населением. Так, в колхозе им. Калинина Пастдаргомского р-на Самаркандской обл., объединившем несколько селений узбекоязычных арабов и два селения узбеков, количество смешанных браков на 1974 г. достигло 70% (по данным похозяйственной книги колхоза им. Калинина, Постдаргомского р-на). Браки регистрируются в сельсоветах. При многих сельсоветах существуют «Дома счастья», где в торжественной обстановке регистрируются браки, происходит запись новорожденных.

Свадьба обычно длится 2 дня. В первый день приглашаются родственники обеих сторон и торжество устраивается по традиции в доме жениха. На второй день устраивается современная свадьба, на которой присутствуют друзья и знакомые. Свадьба проходит очень весело, приглашаются музыканты и певцы. Интересно, что на свадьбе исполняются традиционные узбекские песни; среднеазиатские арабы усвоили узбекскую музыкальную национальную культуру и воспринимают ее, как свою. А в танцах, по сообщениям информаторов, сохранились многие элементы исконного арабского танцевального искусства.

В прошлом немаловажную роль в этническом сближении арабов с узбеками сыграл ислам суннитского толка, который исповедовали оба эти народа. Религиозные установки в прошлом определяли и регламентировали многие стороны жизни арабов. Некоторые из этих обычаев, хотя и потеряли теперь прежнюю религиозную окраску, продолжают бытовать среди среднеазиатских арабов. Арабы посещали те же мечети, что и окружающее население.

Многие каноны ислама и его установки в результате многовекового их исполнения вошли в культуру и быт народов, стали, по существу, народными традициями и, как таковые, продолжают существовать даже после того, как религия уходит в прошлое. Мы всецело разделяем мнение о том, что в этнических процессах нельзя принижать значение религиозного фактора, действие которого иногда приобретает этнический аспект [43]. У арабов, как и у узбеков, прослеживалось тесное взаимодействие религиозной и этнической специфики. Конфессиональная общность способ-

ствовала закреплению общности в быту и культуре двух народов, описанной выше.

Однако отмеченная нами языковая ситуация, а также особенности материальной и духовной культур еще не дают основания утверждать, что процесс ассимиляции среднеазиатских арабов полностью завершился. Около 3,5 тыс. среднеазиатских арабов выделяют себя из окружающей среды — у них еще сильно сознание принадлежности к данной этнической общности. Арабы помнят и племенное деление, бытовавшее у них до недавнего времени. Некоторые племенные названия совпадают с племенными названиями многих арабских народов Передней Азии, например курейши, шайбони, санони. Среднеазиатские арабы помнят много генеалогических преданий, в которых отражается их общая историческая судьба. И в настоящее время арабы Самарканда поддерживают связь с арабами Кашкадарьи: ездят друг к другу на торжественные события, похороны, для выбора невест. Наиболее сильно чувство этнического самосознания развито у арабов Кашкадарьи, но и там это чувство в силу объективных причин социально-экономического характера в настоящее время ослабевает.

Анализ различных сторон этнического развития среднеазиатских арабов, а также статистических данных дает нам возможность с определенностью утверждать, что арабы в своей основной массе растворяются в среде народов, в окружении которых они проживают, — узбеков, таджиков. Этот вывод подтверждается динамикой численности арабов Узбекской ССР от первой послереволюционной переписи до переписи 1970 г.:

Год	Численность (в тыс.)
1926	24 664
1959	5 400
1970	3 418

Приведенные цифры характеризуют состояние этнических процессов у среднеазиатских арабов.

Этнические процессы здесь не отличаются сложностью и многообразием. Процесс ассимиляции арабов среди местного населения идет уже в течение многих веков. Он является результатом длительной совместной жизни, тесного соприкосновения во всех сферах социально-экономической и культурной жизни. Следует учесть также особенности расселения арабов: во-первых, среднеазиатские арабы расселены дисперсно на территории Средней Азии, о чем свидетельствуют названия кварталов в городах; во-вторых, основная их часть (около 94%) от общего числа проживает в сельской местности, где, как известно, этнические процессы происходят медленнее, чем в городах, что связано с большей консервативностью жизни сельского населения, длительным сохранением общинной эндогамии и вообще большей этнической сплоченностью.

Более тесное взаимодействие арабов с народами Средней Азии началось после победы Октябрьской социалистической революции. Взаимоотношения между арабами и той инонациональной средой, в которой они жили, вплоть до установления Советской власти нередко были враждебными и ограничивались в основном торгово-обменными связями. Эндогамный принцип структуры арабской общины нарушался редко, а в крупных арабских общинах Кашкадарьинской и Бухарской областей был незыблем до недавнего времени.

В дальнейшем, в результате этнического взаимодействия, тесного соприкосновения и постоянного общения с узбеками и таджиками, арабы стали утрачивать свои специфические особенности в области культуры и быта, усваивать культуру этих народов и воспринимать их язык как свой родной. Смешанные браки ускорили процесс этнической ассимиляции среднеазиатских арабов. Браки между узбеками и арабскими женщинами (такое сочетание было наиболее распространенным) усилили контакты между ними и дали сильный толчок к еще большему сближению и к постепенной ассимиляции узбеками арабов. Наши наблюдения показали, что в большинстве случаев дети от таких браков определяют себя по этнической принадлежности отца. Такая тенденция отмечена исследователями у многих народов. Исключения из этой традиции редки и бывают при особых обстоятельствах. Так, в Кашкадарьинской обл. наш информатор-араб рассказал, что его отец узбек погиб и мать с ребенком, который был записан узбеком, вернулась в дом своих родителей, где были сильны арабские традиции и чувство принадлежности к арабской общине. При получении паспорта юноша был записан арабом.

В советское время в национальном развитии среднеазиатских арабов наступил новый этап. Арабы стали равноправными гражданами нашей страны и получили те же права, что и представители больших наций — узбекской и таджикской. Они получили право на труд, все сельское самодеятельное население было организовано в колхозы и совхозы. В труде они добились больших успехов. Среди них немало заслуженных и знатных людей, есть Герои Социалистического Труда. Одним из лучших хозяйств в Самаркандской обл. является упоминаемый нами выше колхоз им. Калинина Постдаргомского р-на. Арабы трудятся там рука об руку с узбеками и таджиками, а также с представителями других национальностей. Так, например, колхоз им. Калинина Постдаргомского р-на, был создан в результате объединения 8 арабских и 2 узбекских кишлаков (рис. 3). И здесь, в процессе совместной работы, арабы усваивали не только новые для них навыки в труде, но и язык, культуру окружающего населения, у них сформировалось новое мировоззрение. Как граждане Советской страны, молодые арабы призываются в Советскую Армию, где они сталкиваются с представителями не только привычных для них этнических общностей. Служба в армии расширяет их круг этнических, культур-

ных и бытовых представлений. Стали более распространенными браки с представителями других народов страны. Так, в Бухаре нам рассказывали, что молодой араб после службы в армии на территории РСФСР привез оттуда русскую жену.

Советская власть дала всем без исключения право на образование. Арабские дети сели за парты, чтобы познать то, что было недоступно их родителям. Когда страна окрепла, она обязала всех учиться: уже недостаточно было просто научиться читать, считать и писать. Страна нуждалась в квалифицированных специалистах. Колхозы посылали наиболее достойных и способных в средние специальные учреждения и высшие учебные заведения; ведь в каждом кишлаке был нужен агроном, зоотехник, учитель, врач. Студенты-арабы учатся в каршинских средних специальных учреждениях, в учебных заведениях Бухары и Самарканда. В беседе с преподавателями Самаркандского университета мы узнали, что там почти на всех факультетах учатся студенты-арабы. Среди них — будущие учителя, физики, химики, археологи, т. е. специалисты не только с сельской ориентацией. Некоторое количество студентов-арабов учатся в учебных заведениях Ташкента. Отрадно отметить, что в высших и средних учебных заведениях Средней Азии процент учащихся девушек-арабок заметно увеличивается.

В общественной жизни среднеазиатских арабов важную роль

Рис. 3. На полевом стане.
Колхозники колхоза «Коммунизм» Постдаргомского р-на Самаркандской обл.— кореец и араб

играет местная интеллигенция, выросшая всецело за годы Советской власти. Это — врачи, учителя, агрономы, работники просветительных учреждений. В каждом крупном колхозе имеются клуб, детсад, ясли, библиотека, больница. Во всех поселках среднеазиатских арабов имеются школы; в мелких кишлаках — начальные, а в крупных — восьмилетки и десятилетки. Регулярно в клубах и на передвижных площадках демонстрируются фильмы. Особенно популярны фильмы местных, среднеазиатских студий, а также арабские и индийские. При клубах существуют кружки художественной самодеятельности.

Среднеазиатские арабы принимают активное участие в общественной жизни республик, в которых они проживают. Многие арабы являются депутатами местных поселковых и городских Советов.

В процессах этнического развития среднеазиатских арабов всевозрастающее значение приобретают средства массовой информации (печать, радио, телевидение), система народного образования на узбекском, таджикском и русском языках, т. е. все факторы культурного строительства. Арабы вовлечены в сферу этнокультурного влияния больших наций — узбеков, таджиков.

В настоящее время у среднеазиатских арабов много общего в быту и культуре с узбеками, у них общая экономическая жизнь. И только чувство этнического самосознания у среднеазиатских арабов, которое еще достаточно сильно развито (о чем говорит, в частности, соотношение общей их численности — около 3,5 тыс. и количества арабов, знающих родной язык, —908 человек), замедляет процесс окончательной ассимиляции и растворения их в узбекской среде.

Таким образом, арабы Средней Азии, в частности Узбекистана, ассимилируются узбеками и вливаются в узбекскую нацию. Вхождение в состав узбекской нации способствуют совместный труд, повседневное общение, смешанные браки; все это приводит к взаимовлиянию культур и отражается как в быту, так и в развитии духовной культуры.

[1] В данной статье речь идет об арабах, проживающих в Узбекской ССР и составляющих основную массу арабов Средней Азии. Исследованию различных сторон быта и культуры арабов Средней Азии в прошлом и настоящем посвящена статья Б. Х. Кармышевой. См.: *Кармышева Б. Х.* Среднеазиатские арабы.— В кн.: Народы Средней Азии и Казахстана. М.: Изд-во АН СССР, 1962, т. II, с. 582—598. (Сер. «Народы мира»).

[2] Всесоюзная перепись населения 1970 года. Материалы статистического управления УзССР, Ташкент, 1970.

[3] *Ковалев С. А., Ташбеков Э., Валиева Р.* География сельского населения и сельских населенных пунктов Самаркандской и Бухарской областей. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1962.

[4] *Андреев М. С.* Некоторые результаты этнографической экспедиции в Самаркандскую область в 1921 г.— ИТОРГО, 1924, т. XVII.

[5] *Волин С. А.* К истории среднеазиатских арабов.— Труды второй сессии ассоциации арабистов (М.; Л.), 1941, вып. XXXVI.

[6] *Винников И. Н.* Арабы в СССР.— СЭ, 1940, IV.
[7] *Ошанин Л. В., Ясевич В. К.* Материалы по антропологии населения Узбекистана. Ташкент: Узб. гос. изд-во, 1929, с. 140—156.
[8] *Церетели Г. В.* Арабские диалекты в Средней Азии. Тбилиси: Мецниереба, 1956, т. I.
[9] *Бурыкина Н. Н., Измайлова М. М.* Некоторые данные по языку арабов кишлака Джугары Бухарского округа и кишлака Джейнау Кашкадарьинского округа УзССР.— Зап. Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР, 1930, т. V.
[10] *Кармышева Б. Х.* Среднеазиатские арабы, ч. II, с. 582—598.
[11] *Исмаилов Х.* Традиционная одежда арабов Кашкадарьинской области УзССР: (Рукопись).
[12] Этнографические очерки узбекского сельского населения. М.: Наука, 1969, с. 31, 114, 132.
[13] Полевой материал автора, 1974 г.
[14] *Вамбери Г.* Путешествие по Средней Азии. М., 1867, с. 308.
[15] Цит. по: *Винников И. Н.* Арабы в СССР, с. 5—6.
[16] *Винников И. Н.* Арабы в СССР, с. 13.
[17] Всесоюзная перепись населения 1970 г. Узбекская ССР.
[18] Там же.
[19] Там же.
[20] *Церетели Г. В.* Арабские диалекты..., с. 7—11.
[21] *Шарбатов Г. Ш.* Современный арабский язык. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961, с. 10.
[22] *Исмаилов Х.* Традиционная одежда...
[23] Большую работу по сбору, обработке и изданию фольклорного наследия среднеазиатских арабов проделал И. Винников. См.: *Винников И. Н.* Фольклор среднеазиатских арабов. М.: Наука, 1969.
[24] В современном Ромитане, вблизи Бухары, проживает большая часть арабов Бухарской обл.
[25] История Бухары. Ташкент: Фан, 1976, с. 67—70.
[26] *Якубовский А. Ю.* Восстание Муканны — движение людей «в белых одеждах».— Советское востоковедение (Л.), 1948, V, с. 47—48; История Бухары, с. 67.
[27] *Андреев М. С.* Некоторые результаты..., с. 128.
[28] Подробно об этом см.: *Кармышева Б. Х.* Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М.: Наука, 1976, с. 250—252.
[29] *Ошанин Л. В., Ясевич В. К.* Материалы, по антропологии..., с. 156.
[30] *Наджимов К.* Антропологический состав населения Сурхандарьинской области.— ТСАГУ. Нов. сер., 1958, вып. 143, с. 65.
[31] *Ошанин Л. Б., Ясевич В. К.* Материалы по антропологии..., с. 157.
[32] См.: *Мошкова В. Г.* Ковры народов Средней Азии. Ташкент: Фан, 1970, с. 104—116.
[33] *Кармышева Б. Х.* Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М.: Наука, 1976, с. 251.
[34] *Исмаилов Х.* Традиционная одежда...
[35] Там же.
[36] *Hansen H.* Investigation in Shia village in Bahrain. Copenhaven, 1967, p. 98.
[37] *Сухарева О. А.* Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии.— СЭС, 1954, т. I, с. 307.
[38] Там же.
[39] *Исмаилов Х.* Традиционная одежда...
[40] *Кармышева Б. Х.* Узбеки.— В кн.: Народы Средней Азии и Казахстана. М.: Изд-во АН СССР, 1962, т. I, с. 330.
[41] *Кармышева Б. Х.* Среднеазиатские арабы..., с. 595.
[42] *Лобачева Н. П.* Формирование новой обрядности узбеков.— М.: Наука, 1975, с. 18.
[43] Об этом, например см.: *Козлов В. И.* Динамика численности населения. М.: Наука, 1969, с. 203.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие
3

Я. Р. Винников
Национальные и этнографические группы Средней Азии по данным этнической статистики
11

Р. Ш. Джарылгасинова
Основные тенденции этнических процессов у корейцев Средней Азии и Казахстана
43

Г. М. Исхаков, А. М. Решетов, А. Н. Седловская
Современные этнические процессы у советских уйгуров
74

Г. С. Садвакасов
К вопросу о взаимодействии уйгурских и узбекских говоров Ферганы
94

Д. С. Насыров, Л. С. Толстова
Этническое и языковое развитие локальных групп каракалпаков (бухарской, ферганской, самаркандской)
106

Л. Ф. Моногарова

Эволюция национального самосознания припамирских народностей

125

К. Ш. Шаниязов

Кипчаки в узбекской этнической среде в дооктябрьский период (Процессы интеграции)

136

Н. Л. Жуковская

Иссык-Кульские калмаки (сарт-калмаки)

157

Х. Х. Назаров

Современное этническое развитие среднеазиатских цыган (люли)

167

Т. Ф. Аристова

Отражение этнических процессов в традиционно-бытовой культуре курдов Азербайджана и Туркмении

186

Ф. Д. Люшкевич

Некоторые особенности этнического развития группы ирони в Узбекистане

202

И. А. Амирьянц

Этническое развитие среднеазиатских арабов

213

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
14	6 сн.	900,0	687,2
20	12 св.	1,0	0,1
»	18 сн.	Дунгане 1,6 0,1 — —	Дунгане — — 1,6 0,3
73	9 св.	23	22
»	10 св.	22	23

Этнические процессы

Зак. 2297